

Н.Г. Куканова

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ РОССИИ
И ИРАНА В ПЕРИОД
ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА

Н. Г. КУКАНОВА

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ИРАНА В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОРДОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1993

ББК У9(2) 8 (БІРН)
К 88

Светлой памяти мужа, друга и учителя
Александра Михайловича Куканова

Под редакцией доктора исторических наук профессора *Е. В. Чистяковой*
Рецензенты: НИИЯЛИЭ при Правительстве МССР, кандидат исторических наук *В. А. Юрченко*

Куканова Н. Г.
К 88 Торгово-экономические отношения России и Ирана в период позднего феодализма. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. — 168 с.
ISBN 5-7103-0138-8

В книге рассматривается история торгово-экономических отношений двух соседних государств — России и Ирана на протяжении XVIII — первой половины XIX в. В основу работы положены главным образом архивные материалы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Используются разнообразные статистические данные, извлеченные из консульских отчетов. Выделены проблемы закавказского транзита, англо-русского торгового соперничества. Дискутируется вопрос о состоянии русской торговли в Иране в 30 — 50-х гг. XIX в. Прослежена динамика развития отношений двух государств на этапе позднего феодализма.

Предназначена для всех, кто интересуется отечественной историей и международными отношениями.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей монография является результатом многолетнего изучения торговых отношений России и Ирана в период позднего средневековья, представляющего собой целую эпоху в общественной эволюции двух соседних государств, которые прошли мучительный и сложный, хотя далеко не одинаковый по темпам и степени напряжения внутренних социально-экономических и политических противоречий путь развития от складывания феодально-абсолютистских государств с национальными рынками до вызревания в них капиталистических отношений.

На протяжении этого времени русско-иранские экономические контакты играли серьезную роль в широких международных связях и во внешнеэкономических сношениях двух государств. Весь сложный комплекс двусторонних взаимоотношений (экономических, политических, дипломатических) между Россией и Ираном, возникавшие между ними противоречия и военные столкновения — все это невозможно осмыслить и объяснить без глубокого анализа их торгового общения, без учета международного разделения труда как в регионе Среднего Востока, Кавказа, так и внутри России.

Ход общественного развития рассматриваемых стран, их географическое положение, непосредственное соседство, хозяйственная специализация неизбежно вели к различным формам сотрудничества. На длительном этапе таких взаимоотношений, начиная с установившихся в конце XVI в. регулярных дипломатических обменов, как наглядно показывают документы, неизменно возникали общие экономические и торговые интересы.

Хронологические границы темы соответствуют переходной длительной стадии в экономическом и политическом развитии двух соседних государств в рамках феодальной формации.

К 0503020300 — 42
— 193 (03) — 93 4 — 93

ББК У9(2) 8 (БІРН)

Научное издание

КУКАНОВА Нина Григорьевна

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ИРАНА В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА

Редактор *Н. Н. Захарова*, Обложка *В. Н. Преснякова*. Технический редактор *Е. Н. Сидяева*. Корректоры *О. В. Левина, Н. Н. Строкина*.

ИБ № 32

Лицензия ЛР № 020344 от 27.12.91. Сдано в набор 19.08.93. Подписано в печать 23.11.93. Формат 60×84 1/16. Бумага типографская. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,76. Усл. кр.-отт. 10,54. Уч.-изд. л. 10,42. Тираж 1000 экз. Заказ № 831. С. 121.

Издательство Мордовского университета

Типография Издательства Мордовского университета
430000, Саранск, ул. Советский, 24

ISBN 5-7103-0138-8

© Н. Г. Куканова, 1993

Пронсшедшие качественные изменения в экономике России, подъем производительных сил и расширение товарно-денежных отношений в централизующемся Московском государстве стимулировали стремление к активизации внешнеполитических и внешнеэкономических контактов. Россия все смелее налаживала многосторонние торговые связи со странами как Запада, так и Востока. В последнем случае особую роль сыграло и то обстоятельство, что в течение XVII в. был закреплен и изъавлен от внешней угрозы сквозной торговый путь по Волге с выходом в Каспийское море.

Вместе с тем XVII в. и для Ирана характеризовался тенденциями политической централизации, оживлением хозяйственной жизни, поощряемым ростом ремесла и городов, товарно-денежных отношений и установлением внешнеторговых связей со многими странами, в том числе с ближайшим соседом — русским государством.

Однако особенностью исторического развития Ирана того времени было то, что в нем политическое объединение, обусловленное жизненной необходимостью в обстановке непрекращающихся войн, не могло еще опираться на экономическое единство областей и провинций, которые во многом оставались разобщенными не только в хозяйственном отношении, но и в плане административного управления. Недостаточная социально-экономическая зрелость государства и незавершенность процесса консолидации в Сефевидском Иране были одной из предпосылок и причин тех сепаратистских и децентрализаторских движений, которые не раз потрясали страну на последующих этапах ее развития вплоть до XIX в. Без учета этих внутренних противоречий в истории Ирана трудно было бы понять все сложности его внешних политических и торгово-экономических отношений с Россией.

Конечной гранью рассматриваемых торгово-экономических связей взята середина XIX в., т. е. время, когда обнаружились признаки разложения феодализма. Разумеется, и на этом историческом рубеже в социально-экономическом развитии обоих государств необходимо учитывать не только общность между ними, но и различия, особенности каждого из них, что с неизбежностью сказалось и на характере их внешнеэкономических контактов.

Вопросы русско-иранских экономических отношений, как правило, затрагивались в трудах историков или экономистов в ряду проблем, среди которых они занимали чаще всего подчиненное место. Одни авторы обращались к ним при изучении отдельных периодов истории Ирана, другие — истории России, третьи — в связи с исследованием истории Кавказа или между-

народных отношений, и значительно реже анализировали их в качестве самостоятельного объекта. Но, несмотря на большие различия в подходах к названной проблеме, отрывочность ее рассмотрения, хронологическую ограниченность, все они в совокупности внесли ощутимый вклад в историографию нашей темы.

Из дореволюционных работ необходимо выделить труды М. Чулкова, П. Мельгунова, Г. Неболсина, А. Семенова¹. Главная ценность большинства из них состоит в накоплении фактических данных, в постановке некоторых общих проблем экономического развития России.

Для уяснения отдельных сторон экономического и социально-политического состояния Ирана в 40—50-е гг. XIX в. в связи с английской торговой экспансией можно использовать монографию М. С. Иванова².

В послевоенные годы опубликован ряд ценных работ, затрагивающих нашу тему, — монографии и статьи М. К. Рожковой, А. П. Новосельцева, Е. Н. Кушевой, Е. С. Зсвакина, А. И. Юхта, О. П. Марковой, Г. Б. Абдуллаева, В. А. Байбуртяна, Л. С. Семенова, П. П. Бушева, Н. А. Кузнецовой и Х. А. Атаева³.

Среди публикаций зарубежных историков следует выделить труды П. Сайкса, В. Аллена, А. Вукшича, В. Коларца, в том числе среди персидских — работы М. Махмуда, Али Акбар Бина, Ахмед Тадж-Бахша, Неджеф Кули Хисам Мозззи и др.⁴

В подавляющей массе исторических трудов о связях России с Ираном экономическим отношениям между ними отводится вспомогательная роль как компоненту политических, дипломатических и других межгосударственных контактов.

В основу исследования положены главным образом архивные источники, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), Архиве внешней политики России МИДа (АВПР), Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА). Привлечены также материалы рукописных фондов научных учреждений и Государственного архива Астраханской области (ГААО).

Самым важным и объемным первоисточником в этом ряду является фонд «Сношения России с Персией», размещенный в двух хранилищах — ЦГАДА и АВПР. Сконцентрированные здесь материалы отражают многосторонние взаимоотношения Ирана и России на протяжении нескольких столетий. Несмотря на то что к ним уже не раз обращались исследователи разных поколений, в массе своей они остаются малоизученными, не говоря уже об их далеко не однозначном истолковании.

Существенное значение имеет фонд 100 «Сношения России с Арменией» ЦГАДА. Значительная часть документов этого фонда была издана Институтом истории АИ Армении в ряде сборников⁶. Наиболее ценными в нем являются документы, раскрывающие торговую деятельность купцов Джульфинской торговой компании, ее сложные и переменчивые связи с Россией, активную роль в международной транзитной торговле Ирана со странами Европы — Англией, Голландией, Швецией и др., их попытки освоения Волжско-Каспийского пути.

Фонд 276 «Коммерц-Коллегия» ЦГАДА представляет особый интерес: в компетенцию этого учреждения входили многие вопросы внешней торговли. Здесь содержатся таблицы по учету русско-иранской торговли за отдельные периоды XVIII в., специальные ведомости о ввозе и вывозе иранского и закавказского шелка-сырца через Санкт-Петербург на Запад, ряд ведомостей, затребованных Коммерц-Коллегией из Санкт-Петербургской и Астраханской портовых таможен об английской торговле по Волжско-Каспийскому пути в 30—40-е гг. XVIII в. Все эти справки, таблицы, ведомости опирались на другие документы, основывались на сведениях из таможенных книг и персональных ведомостей отдельных купцов и пр. Исключительно важны для изучения нашей темы донесения, отчеты, письма русских консулов С. Арапова, М. Сулякова, Г. Боголюбова, В. Яблонского, Г. Мерке, И. Тумановского, Д. Скиличия и др. В них наряду с вопросами торговли мы обнаружили интересные данные о внутриэкономическом и социально-политическом положении Ирана в XVIII в. Трудно переоценить значение консульских материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Консульские документы XIX в. оседали в фондах АВПР, ЦГВИА, ЦГИА и др. В целом материалы, собранные в них, разнообразны: это аналитические отчеты генеральных консулов из Тебриза Козинца, Ходзько, Анничкова и др., донесения из разных провинций Ирана (Гиляна, Астрабада), официальные бумаги русской дипломатической миссии в Иране, переписка по вопросам создания коммерческих организаций между министерствами финансов, военным и иностранным делам, обмен разными циркулярами между департаментами внешней торговли, мануфактур и внутренней торговли, журналы Азиатского комитета, письма, записки, ходатайства и жалобы отдельных купцов и предпринимателей, отчеты пробных торговых экспедиций в Иран и т. п. Некоторые из них опубликованы⁷. Все они содержат ценный фактический материал об общем состоянии русской торговли в Иране, отражающий стремление правительственных верхов России к поиску новых возможностей для укрепления

экономических связей между Россией и Ираном и мер для устранения нависшей опасности — вытеснения русских текстильных товаров английскими на рынках Среднего Востока и Закавказья. Только в свете этой проблемы можно понять появление сложных и противоречивых материалов, раскрывающих затянувшуюся на два десятилетия борьбу в правительственных и деловых кругах России по поводу так называемого льготного тарифа для транзитных европейских товаров, шедших через Закавказье в Иран.

С этой же причиной связано появление письма-проекта шуйских купцов Посылиных, адресованного Николаю I, и ответов на него министра финансов⁸. Те же обстоятельства стали побудительным толчком к созданию Московской компании по торговле с Азией и породили сложную межведомственную переписку как в момент ее организации, так и в период практической деятельности.

Особый интерес представляют документы Астраханской таможни (и Астраханской губернской канцелярии) за первую половину XVIII в. Причем книги за первую четверть XVIII в. были утрачены, а за вторую (точнее, за тридцатилетие — с 1724 по 1754 г.), хотя и уцелели в довольно большом количестве (свыше 100 экз.), но только частично, так что полного комплекта нет ни за один год. Мы ограничились выборочным анализом таможенных книг за ряд лет: 1725, 1726, 1733, 1734, 1744, 1745 гг. Одновременно с этим мы использовали специальную сводную ведомость, находящуюся в том же архиве (ГААО), которая подытоживает данные о русско-иранской торговле за 1737—1744 гг., почерпнутые из отчетов и выписей Астраханской таможни⁹.

В работе приводятся дореволюционные и советские публикации, в том числе мемуарная литература, записки русских и западноевропейских путешественников, законодательные акты, материалы прессы, содержащие экономические, финансовые и торговые обзоры. Таков в самых общих чертах комплекс источников, которые легли в основу данной монографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной... В 7 т. СПб.; М., 1781—1785. Т. 1—7; Мельгунов П. П. Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв. М., 1905; Небольсин Г. П. Статистическое обозрение внешней торговли: В 2 т. СПб., 1859. Т. 1—2; Семенов А. В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с XVII столетия по 1858 г. СПб., 1859. Ч. 1—3.

РАЗВИТИЕ РУССКО-ИРАНСКОЙ ТОРГОВЛИ И ВОПРОСЫ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ТРАНЗИТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

§ 1. Характерные особенности русско-иранской торговли в первой четверти XVIII в. и ее место в экономических планах Русского государства

Первые десятилетия XVIII в. знаменовали собою наступление нового этапа в русско-иранских отношениях вообще и в торговых в особенности. Это обстоятельство объясняется как объективными историческими условиями, сложившимися в двух соседних государствах, так и той исключительной целеустремленностью в экономической политике правительства Петра I, который рассчитывал в короткий срок создать свою национальную промышленность и широко развитую торговлю. Поэтому не случайно вопросы восточной экономической ориентации, в том числе и связи с Ираном, приобретали весьма важное значение. Если в предшествующие периоды русско-иранская торговля ограничивалась изделиями потребительского назначения и часто сводилась к взаимному дарственному обмену или транзиту товаров, то с конца XVII — начала XVIII в. возросший ввоз иранского сырья в Россию должен был служить удовлетворению потребностей промышленного производства.

В противоположность России, быстро вставшей при Петре I в ряд могущественных стран, Сефевидское государство с конца XVII в. переживало упадок и процесс децентрализации. Этим и объясняется тот факт, что, несмотря на ряд благоприятных условий в конце XVII — начале XVIII в. (наличие дешевого и относительно безопасного пути, а также прямой заинтересованности России в развертывании широких экономических связей с Ираном), внешняя торговля между двумя странами лишь в отдельные, притом короткие периоды приобретала более или менее значительные масштабы. Однако торговые отношения между Россией и Ираном в рассматриваемое время имели большое значение для развития как экономических, так и политических связей.

Следует отметить, что если торговые отношения в XVI — первой половине XVII в. в известной мере проанализированы, то русско-иранские экономические связи второй половины XVII —

² См.: Иванов М. С. Антифеодальные восстания в Иране в середине XIX в. М., 1982.

³ См.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М., 1949; Новосельцев А. П. Русско-иранские отношения XVII — первой половины XVIII в. в зарубежной историографии // История СССР. 1960. № 3; Кушева Е. Н. Материалы Астраханской таможни как источник по социально-экономической истории России XVII — XVIII вв. // Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976; Зевакин Е. С. Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1929; Юхт А. И. Торговые связи Астрахани в 20-х гг. XVIII в. // Историческая география России XII — начала XX в. М., 1975; Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966; Абдуллаев Г. Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965; Байбуртян В. А. Роль Новой Джульфы в ирано-европейских политических и экономических связях. Ереван, 1969; Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х гг. XIX в. Л., 1963; Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715 — 1718 гг. М., 1978; Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в. М., 1983; Атаев Х. А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII — XIX вв. М., 1991.

⁴ См.: Sykes P. M. History of Persia. L., 1921. V. I — III; Allen W. E., Muratof P. Caucasian battlefields. L., 1953; Vucinich A. Russia and the Near and Middle East // Current History. 1955. V. 28, № 162; Kollarz W. Russia and her colonies. N. Y., 1952; Махмуд М. История политических связей Ирана с Англией в XIX в. Тегеран, 1950. Т. 1; Бина Али Акбар. Политическая и дипломатическая история Ирана. Тегеран, 1958. Т. 1; Тадж-Бахш Ахмед. Русско-иранские отношения в первой половине XIX в. Тебриз, 1958; Мозззи Неджеф Кули Хисам. История международных отношений Ирана. Тегеран, 1946. Т. 1.

⁵ См.: Армяно-русские отношения в XVII в. Ереван, 1953. Т. 1; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Ереван, 1964. Т. 2; Армяно-русские отношения во втором тридцатилетии XVIII в. Ереван, 1978. Т. 3.

⁶ См.: Русско-иранская торговля: 30 — 50-е годы XIX века: Сб. док. / Сост. Н. Г. Куканова. М., 1984.

⁷ См.: АВПР, ф. Главный Архив II — 3, 1829 — 1838, д. 6, л. 128 — 135.

⁸ См.: ГААО, ф. 394, д. 1089, л. 173 — 193 об.

начала XVIII в. до сих пор не стали предметом детального исследования, в то время как дипломатические отношения изучены гораздо глубже¹. Между тем дипломатические отношения были теснейшим образом связаны с торговыми. По-прежнему Москву посещали иранские посольства, в составе которых было немало торговых людей. Эти посольства неоднократно поднимали вопрос о свободной торговле в русских городах, о правах шахских купцов, о беспошлинном провозе и торговле товарами шаха; в свою очередь русские требовали, чтобы к привезенным товарам прилагались четкие росписи и чтобы сверх товаров шаха, пользовавшегося правом беспошлинной торговли, не провозились беспошлинно частные товары. «А с тех товаров, которые будут указаны в шахской росписи, по царскому указу пошлина взиматься не будет»².

В 1692 г. в Москву прибыл иранский посол Усейн-хан Бек с шахским купцом Агакерим Мурат-ханом. В грамоте, адресованной русскому правительству, шах писал, что он посылает купца со своими товарами для продажи и покупки «про его шахов обиход надобных товаров». При этом шах просил, чтобы его купцу было дозволено продавать иранские товары и покупать русские «повольно и беспошлинно». В списке товаров, принадлежащих шаху, значилось 45 тай иранского шелка-сырца³. «А бил челом персидский купчина Агакерим», чтобы ему было разрешено отправиться через Россию в «немецкие государства» с шелком-сырцом. Просьба шахского купца была удовлетворена: «...Хотя прежние ваши шахова величества купчины с товары вашими чрез российское государство в немецкие государства за море не езживали, и челобитья их о том напредь сего не бывало, а покупали немецкие товары про ваш шахов обиход в государствах наших, однако же для вас брата нашего, его купчину, пожаловали с вашим, шахова величества, товары, с шелком-сырцом чрез российские наши государства пропустить указали с провозжатыми на подводах»⁴. Таким образом, если на протяжении XVII в. в транзитной торговле шелком-сырцом через территорию России участвовали только купцы Джульфинской компании, то при Петре I мы можем отметить появление шахских купцов-персов (или во всяком случае мусульман), также возивших транзитом через Россию шелк-сырец на Запад.

В 1707 г. в Москву прибыл иранский купец Шамше Магмет Казыбеков с товарами шаха. Очевидно, он привез с собой весьма значительное количество товаров, поскольку ему отвели на гостином дворе каменные амбары и дополнительно построили лубяные лавки на посольском дворе, где он мог свободно торговать⁵.

В 1712 г. в Москву прибыло пышное посольство, в обозе ко-

торого насчитывалось около 700 подвод с товарами и множеством людей, «в том числе есть и купецкие люди персияне и армяне, а тех купецких людей без сего Великого Государя указа осматривать не смеет»⁶.

На свидании с государственным канцлером графом Головкиным иранский посол Фазл Али-бек поднял ряд вопросов, касавшихся прав иранских купцов в России. Он предъявил, в частности, челобитную 22 иранских купцов, жаловавшихся на притеснения, которые им приходилось претерпевать в русских городах. Посол добивался права беспошлинного провоза шахских товаров через Архангельск за границу, в «немецкие государства». П. П. Бушев в статье, посвященной посольству Фазл Али-бека в России, полагает, что речь в этом случае шла о нераспроданном в России шелке-сырце: «Фазл Али-бек поставил вопрос о беспошлинном вывозе в Европу через Россию непроданных шахских товаров, главным образом шелка-сырца, желая иметь царское разрешение на беспошлинный вывоз в Европу, которым можно было бы пользоваться в тех случаях, когда за товары казна будет предлагать слишком высокую цену»⁷. Просьба Фазл Али-бека заслуживает особого внимания: если раньше в транзитной торговле участвовали лишь представители частной армянской компании, то теперь, в 1712 г., разрешения на транзит за границу добивался официальный представитель шахского правительства.

Фазл Али-бек защищал интересы иранских купцов в России, чтобы им «обид» и «тягостей» не чинили⁸.

Русское правительство разрешило свободную и беспошлинную продажу и мену шахских товаров в Москве и обязывалось взимать с иранских купцов только установленную пошлину, «а обид и налог чинено им не будет, взаимно против того же желают, дабы и подданным его царского величества в шаховой области лишние поборов и тягостей чинено не было»⁹. Что же касается челобитной иранских купцов, то она была отослана в Казань и Астрахань губернаторам для рассмотрения и прекращения злоупотреблений, препятствовавших регулярному обмену.

В то же время с русской стороны была выдвинута встречная жалоба на то, что по настоянию джульфинских купцов в Шемахе запрещено продавать шелк-сырец русским купцам, а купленный в 1711 г. отняли у купца Ильи Исаева, его приказчиков долгое время держали под арестом, принуждая дать письменное обязательство, «дабы во всей шахова величества области всем российским купцам шелку не покупать, от чего они понесли великое разорение и убытки и великим трудом и многою дачею тот купленный шелк могли получить»¹⁰.

Со стороны России было выражено пожелание, чтобы в шахских областях, главным образом в Гиляне, русскому купечеству было разрешено свободно закупать шелк-сырец и беспрепятственно вывозить его в Россию, а также чтобы армянские купцы (джульфинцы) всю торговлю шелком-сырцом обратили в сторону России, «понеже им, армянам, в близости и безопасности пути великая польза»¹¹.

Таким образом, вопрос о русско-иранских торговых отношениях в посольстве Фазл Али-бека был одним из наиболее важных, а урегулирование этих отношений было весьма сложным делом — не случайно так часто поступали взаимные жалобы на помехи, нарушавшие нормальное ведение торговли. Центральную роль здесь играла торговля шелком-сырцом.

Особое место среди купцов из азиатских стран, ведущих торговлю с Россией, занимали армяне, в том числе джульфинцы. Пользуясь привилегиями, дарованными им правительством Петра I, они большими партиями прибывали в Москву и отсюда направлялись далее через Архангельск, Великий Новгород и Санкт-Петербург за границу. Так, в 1707 г. в Москву прибыли купцы И. Павлов, И. Петров, С. Аветов с иранскими товарами. В документе отмечено: «И те армяне били челом, чтобы их пропустили с товарами и с челядью через Архангельск в немецкие земли. А товар их шелк-сырец весом 471 пуд. 12 ф. Пошлины таможенные, московские и архангельские, 1655 руб. 17 алт. 3 д. взяты сполна»¹². В том же году с просьбой о пропуске шелка-сырца через Петербург и Ругодив (Нарва) морем за границу обратился к русскому правительству «компанийский товарищ» Сафар Васильев. Стремясь убедить и заинтересовать правящие круги России, он прямо ссылается на значительные выгоды и большую денежную прибыль, которую получает казна от привозных армянских товаров: за один только 1706 г. в Астрахани, Москве и пограничных городах было взято пошлин и провозных 30 тыс. руб. Разумеется, просьба была встречена благосклонно. По именному царскому указу велено было отпускать армян из Москвы через Петербург и Ругодив морем «на каких судах похотят, хотя и шведские наняв, а сухим путем через Ругодив и Санкт-Петербург в Шведскую землю их не пропускать»¹³.

Таким образом, в 1708 г. армянские купцы могли отправляться за границу, очевидно, более выгодным путем — через Петербург, но при этом не был забыт и старый испытанный путь через Архангельск. По указу Петра I в 1709 г. из Москвы в Архангельск, а оттуда в «немецкие государства» были отпущены иранские торговцы — армяне К. Андреев и Н. Павлов с шелком-сырцом¹⁴.

С любопытной просьбой обратился в 1710 г. к Петру I ар-

мянский купец Сафар Васильев: «Державнейший царь, государь милостивейший, — писал он, — в прошлых годах я, нижепоименованный, ехал из Персиды мимо владения Андреевского, которое есть расстоянием от Терек ходу два дни, там есть удобные древа, которые черви роят, из них же употребляется шелк-сырец. Всемилоостивейший государь, прошу ваше величество, да повелите мне то дело начать»¹⁵. Это пожелание предпринимчивого купца было встречено благожелательно. По указу Петра I Сафару Васильеву было разрешено завести заводы «для делания шелка-сырцу» во владении Андреевском. Джульфинские армяне таким образом сделали попытку вложить свои капиталы в русское мануфактурное производство. Шелкоткацкие заводы в Андреевском были первыми опытами в создании шелковых мануфактур на юго-востоке России.

Учитывая значение армянской торговли, русское правительство издало ряд указов, поощряющих армянских купцов. Так, в седьмом пункте сенатского указа от 1711 г. говорилось: «О персидском и армянском торге взять подлинное же ведение из Посольского приказа, с которого года и как и по каким договорам начался тот торг быть в Российском государстве, и что на Москве, в Астрахани, у г. Архангельского и в других городах по 705 и с 705 по нынешний 711 г. с того торга, в котором было где во взятые пошлин порознь»¹⁶.

Поощрительная политика в отношении иранской и армянской торговли наглядно выражена в ряде документов, в которых даются следующие указания: «Персидский торг умножить, и армян как возможно приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда»¹⁷.

2 мая был опубликован новый сенатский указ «О торге в России армянам и о взимании с них пошлин», который предписывал:

- 1) брать пошлины по договорным статьям и записи 175 (1667 г.) с настоящей продажной цены;
- 2) с отпускных армянских товаров нигде, помимо Москвы, пошлин и провозных денег не брать;
- 3) пошлина с отпускных товаров от Астрахани до Москвы и до Архангельска должна взиматься в размере 20 алт. в каждом городе;
- 4) подводы армянским купцам нанимать за свой счет;
- 5) от Астрахани до Москвы и до пограничных городов давать провожатых;
- 6) с драгоценных камней — алмазов, жемчуга пошлин не брать «для того, чтобы тем облегчением в привозе таких вещей для умножения в Московском государстве подать им, армянам, охоту»¹⁸.

Сенатский указ способствовал привлечению армянских купцов в Россию главным образом для продажи шелка-сырца и его провоза за границу. Он как бы восстанавливал условия соглашения с Джульфинской компанией 1667 и 1673 гг., распространив их на всех армянских купцов Ирана. Однако купцы Джульфинской компании, составляющие меньшинство среди армянских купцов, не только не исполняли условий договора, но и чинили препятствия другим армянским торговым компаниям, а также русскому купечеству для вывоза шелка-сырца в Россию. Они хотели полностью монополизировать экспорт шелка на Запад, что наносило значительный ущерб торговле этим товаром с Россией и через Россию.

В отличие от остального армянского купечества, желавшего расширить экономические и завязать политические связи с Россией, джульфинцы стремились в рассматриваемое время к тому, чтобы любыми средствами противодействовать конкурирующим с ними армянским купцам. Так, по их просьбе шемахинский хан велел разослать приказы, «что б русским людям никому шелку-сырцу не покупать»¹⁹. Иными словами, Джульфинская компания хотела захватить монополию в торговле шелком-сырцом и по Волжско-Каспийскому пути.

Один из купцов Гянджи просил русского посланника А. П. Вольнского помочь ему выехать с шелком-сырцом в Россию «для торговых промыслов». При этом купец сообщал, что в Гяндже родится не менее шелку, чем в Шемахе, и что «только оне компание посылают в Алеп каждый год выюков сот по девяти, а временем и по 1000, а кажной выюк состоит весом по 400 фунтов российских»²⁰. А. П. Вольнский ответил купцу, что он «довольно известен, какую они в том пути терпят нужду и страхи, а временем гибели от арапов, того ради для чего и все оной путь не оставят и не обратят всего своего купчества через державу его царского величества»²¹.

В делах персидского фонда (ЦГАДА) мы находим ряд свидетельств о том, что армянские купцы были объединены в так называемые торговые компании, конкурировавшие между собой. Однако у нас нет данных об их внутреннем устройстве. Можно лишь предполагать, что они объединялись по территориальному признаку: имелись Джульфинская, Акулисская, Гянджинская и многие другие компании. Иранцы и азербайджанцы, видимо, также объединялись в торговые компании.

А. П. Вольнский в своих донесениях отмечал стремление влиятельных джульфинцев не допускать к торговле никаких других иранских купцов, в том числе и армянских, не входивших в Джульфинскую компанию. Так, например, он сообщал, что многие из армян обращают свой торг через Алепию и Смирну в Ев-

ропу, «...и хотя многие желали свой торг обращать через Россию, но точно другим препятие чинят джульфинцы для своей одной пользы, от чего не малые дают как при дворе шаховом, так и управителем в Шемахе и в Гилянии дачи, что б иным никому не провозить через Россию свои товары, кроме их компании, паче же сырец-шелк не токмо возить, но и покупать не допускают как чужестранных, так и своих»²².

Русское правительство не ограничилось указом 1711 г. В 1712 г. был издан сенатский указ в подтверждение прежнего; согласно новому указу пошлины взимались по прежним договорам и сенатскому указу 1711 г. Провозные взимались в размере 20 алт. с пуда по пути от Астрахани до Москвы и до Архангельска, в обратном направлении — также 20 алт. с пуда²³.

В декабре в дополнение к прежнему был опубликован новый указ «О свободном торге армянам в России иранскими товарами». «...А взятие с тех товаров пошлин и провозных денег, — гласил он, — чинить по прежде посланному его, Великого Государя, в 1711 г. указу неотменно. А которые товары, а именно шелк-сырец и иные товары в Астрахани осматриваны и описаны, и тех товаров в порубежных городах в другой раз не пересматривать, а пересматривать те их отпущенные из Астрахани товары против астраханской записки на Москве, о чем и в прежних договорах, что те их отпущенные из Астрахани товары пересматривать в другой рядь на Москве, не по городам, неписанно именно»²⁴.

В результате поощрительной политики русского правительства, а также вследствие серьезных осложнений на Средиземном море (турецко-венецианская война) рядовые армянские купцы в начале второго десятилетия XVIII в. снова стали широко пользоваться Волжско-Каспийским транзитным путем. Джульфинцы оказались бессильны помешать другим армянским купцам торговать в России и через нее с Западной Европой.

С 1712 г. армянские купцы большими группами стали прибывать в Астрахань и Москву, а оттуда отправлялись далее на Запад. Они привозили главным образом шелк-сырец. В архивных документах за один только апрель зафиксировано более десятка таких приездов. Приведем имеющиеся в них данные в виде сводки, которая наглядно показывает резкий скачок, совершенный армянской торговлей по волжскому транзитному пути.

1. 8 апреля 1712 г. была дана проезжая в Ревель армянам-джульфинцам М. Иванову, Р. Вартанову, А. Григорьеву, С. Назарову на привозной шелк. По астраханским росписям у Иванова было 39 тай шелка-сырца лези (сорт шелка) весом в 245 пуд. 18,5 ф.; у Вартанова — 44 тап лези весом 270 пуд. 26,5 ф.; у Григорьева — 24 тап лези и 1 узел ардашу (сорт шелка) в

220 пуд. 15,5 ф. и дополнительно 21 тая лези весом 152 пуд. 29 ф.; у Назарова — 8 тай шелка лези 64 пуд. 25 ф. Пошлин и провозных денег взято со всего указанного шелка-сырца, лези и ардаша 3551 руб. 14 алт. 3 д.

2. 10 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель армянину И. Макиртунову на привозной шелк-сырец лези и ардаш весом в 113 пуд. 34,5 ф. Пошлин и провозных взято 407 руб. 17 алт. 0,5 д.

3. 10 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель армянским купцам И. Хачатурову и другим на привозной шелк — 22 таи весом 144 пуд. 32 ф., 3. Агамалову — 12 тай шелку лези весом 82 пуд. 34 ф. Пошлин со всего шелку взято 855 руб. 4 алт. 1,5 д.

4. 15 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель греку Д. Николаеву и армянину С. Каспарову на привозной шелк-сырец. У Д. Николаева — 14 тай лези весом 121 пуд. 27 ф., у С. Каспарова — 10 тай лези весом 77 пуд. 36 ф. Пошлин и провозных взято 761 руб. 14 алт. 5 д.

5. 16 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель армянину С. Савельеву на привозной шелк-сырец лези и ардаш весом 91 пуд. 21,5 ф. Пошлин и провозных взято 557 руб. 9 алт.

6. 16 апреля 1712 г. дана проезжая армянину С. Каспарову на привозной шелк-сырец в 44 тайх весом 345 пуд. Пошлин и провозных взято 1316 руб. 5 алт. 5 д.

7. 25 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель армянину С. Давыдову на привозной шелк-сырец в 9 тайх весом 77 пуд. 26 ф. Пошлин и провозных взято 296 руб. 7 алт. 5 д.

8. 25 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель армянам А. Захарову и М. Васильеву на привозной шелк-сырец лези и ардаш. У А. Захарова было 5 тайх лези весом 37 пуд. 18 ф.; у М. Васильева — 1 тая лези весом 8 пуд. 3 ф.

9. 28 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель армянину М. Васильеву на привозной шелк в 13 тайх весом 106 пуд. 17 ф. 2 четв. и армянину Каранетову — на 2 таи шелка-сырца лези весом 15 пуд. 24 ф. 2 четв.

10. У армянина П. Васильева — 11 тай шелка-сырца лези весом 86 пуд. 23 ф. Пошлин и провозных взято 330 руб. 9 алт. 3 д.

11. У Е. Савельева — 5 тайх лези весом 40 пуд. 19 ф.; у М. Васильева — 2 таи лези весом 17 пуд. 7 ф. Пошлин и провозных взято 219 руб. 31 алт. 1 д.

12. У армянина М. Тернова — 16 тай сырцу лези весом 125 пуд. Пошлин и провозных взято 476 руб. 29 алт. 1 д.

13. У К. Андреева — 15 тай сырцу лези весом 112 пуд. 6 ф. Пошлин и провозных взято 430 руб. 4 алт. 5 д.

Таким образом, только за апрель 1712 г. армянские купцы провезли через Астрахань около 2660 пуд. шелка-сырца, т. е. не меньше, чем за лучший из известных нам годов в конце XVII в.

В царскую таможню только с иранского шелка-сырца поступило 10 тыс. руб. таможенных и провозных сборов²³ — сумма значительная даже по сравнению с общими таможенными поступлениями в Астрахани. Очевидно, что в 1712 г. Волжско-Каспийский путь впервые за много лет стал основным в торговле между Ираном и Западной Европой. Это подтверждается и торговым характером иранского посольства 1712 г., привезшего товары на 700 подвод — громадный по тому времени груз, сопровождаемый «купецкими» людьми — персами и армянами. В челобитной, адресованной царю от 1714 г., сообщалось, что армянские купцы «...в одной Москве в год заплатили таможенных пошлин с лишком сорок тысяч рублей, кроме городской и астраханской таможни» (выделено нами. — Н. К.)²⁴.

Русское правительство уделяло большое внимание Каспию и Астрахани как исходному пункту русско-иранской торговли. Совершенствовалось качество и увеличивалось количество торговых судов, предназначенных для перевозки грузов по Волге и Каспийскому морю. В 1701 г. специально для этой цели в Казани было заложено 4 ката и 20 трехмачтовых шмаков. Торговое судоходство в начале XVIII в. осуществлялось на бусах, стругах, шкутах. Судами заведовала и распоряжалась Астраханская таможня. За провоз от Астрахани до Низовой брали по гривне с пуда, а в другие места, например в Гилян, плата назначалась по взаимному соглашению между таможней и нанимателем. Впоследствии бусы и струги были заменены более совершенными судами — тилками, которые лучше выдерживали морскую непогоду. В 1707 г. надзор за перевозными судами был поручен капитану Рентелю²⁵. Он же построил для коммерческого флота 4 судна. «И хотя в Астрахани у морского флота было их десятков и больше, — сообщал капитан Рентель, — и от тех судов было б государю прибыль и честь; также и торговые люди для клади в те суда товаров для ходу за море и из-за моря с товарами ж в Астрахань вельми желают»²⁶. В другом месте Рентель сообщал, что астраханский коммерческий флот состоит из 9 тьялок и 4 шкутов и к ним требовалось еще дополнительно 5 или 6 тьялок для отправки товаров в Низовую, Гилян или на Терек.

В период царствования Петра I более четко определились главные аспекты внешней политики Российского государства, в которой «неизменно доминировали балтийская, черноморская и каспийская проблемы»²⁷. Именно в ту пору русское правительство в своих экономических и политических планах отводило особое место Каспию. Петр I мечтал о том, что, соединив системой каналов и рек Балтийское море с Каспийским, ему удастся направить по этой системе всю торговлю между Индией и Европой. По его приказанию исследованием Каспийского моря

занимались князь Бекович, поручик Кожин, капитан-лейтенант фон-Верден и лейтенант Соймонов³⁰. Много было приложено усилий для уничтожения разбоя на Волге и Каспии, который не только наносил чувствительный ущерб как русским, так и иранским купцам, но иногда и вовсе прерывал торговые связи между Ираном и Россией.

Астрахань, по замыслам Петра I, должна была превратиться в крупнейший торговый центр. Уже в 1716 г. в Астраханской таможне было собрано пошлин с иностранных товаров 24 649 руб. 28 алт. 2 д., а в 1717 г. — 45 400 руб. 13 алт. 2,5 д.³¹ Но эти данные вместе с тем подтверждают, что расцвет транзитной торговли через Астрахань, наблюдавшийся в 1712 г., когда таможенные сборы за один только месяц достигли 10 тыс. руб., оказался кратковременным.

Для дальнейшего подъема экономической роли Волжско-Каспийского пути нужны были другие средства. Русское правительство решило добиться дипломатическим путем того, чего не удавалось достигнуть при помощи льгот и поощрений, оказанных армянским торговым компаниям. Это решение было ускорено действиями турецкого ставленника Хаджи Давуд-бека, который еще в 1712 г., захватив Шемаху и Дербент, в известной мере блокировал возможности русско-иранской торговли, ограбил в Шемахе русских купцов. Угроза, нависшая со стороны Турции и ее ставленников, серьезно беспокоила Петра I и побудила его направить в Иран специальное посольство во главе с А. П. Волынским. К тому же Северная война приближалась к победоносному окончанию, и России предстояло получить выход в Балтийское море. В число приоритетных выдвигалась каспийская проблема.

При отправлении в Иран А. П. Волынский получил подробнейшую инструкцию, статьи которой не только помогают понять широту и глубину политических планов русского правительства, но и наглядно показывают, какое большое значение придавал Петр I русско-иранской торговле, особенно торговле шелком-сырцом. Так, согласно шестому пункту инструкции, надлежало «господину посланнику предусматривать, невозможно ли в тот край каким способом купечество российских подданных к лутчей прибыли его царского величества размножить, чрез какой о том новой с шахом персидским трактат (кроме имеющихся с подданными шаховыми армяны договоров, с которых ему копии сообщаются) и какие к тому прибыльные способы и кондиции изобрести могут, или невозможно ли через Персиду учинить купечество в Индии, и о том пути и торгах какие у них индейцев с персами оные обретаются, о том, о всем разведывать прилежно и тако ж обстоятельно писать»³².

Обращает на себя внимание седьмой пункт инструкции, в которой говорилось буквально следующее: помогать ему (послу). «...что б позволен был российским купцам во всей Персиде свободный торг, и позволено б было покупать всякие товары как и у его царского величества землях. А особливо трудиться ему пристойными способами шаха склонять, что б во области его шаховой в Гиляни и в прочих провинциях позволено было российским купцам шелк-сырец покупать и в Российское государство беспрепятственно вывозить, в чем донные российским купцам по проискам армянским весьма заказано, кроме некоторых немногих особ, и то знатно по подущению армянском; тако ж де надлежит ему, господину посланнику, стараться склонять шаха, дабы подданным его армянам джувльфинцам повелено было весь торг шелком-сырцом обратить проездом в Российское государство, в чем им самим по близости пути и безопасности проезда великая будет польза»³³.

Таким образом, перед А. П. Волынским были поставлены не только политические, но и экономические задачи: он должен был предпринять все меры к расширению и укреплению русско-иранской торговли, а также добиться заключения торгового договора с иранским правительством.

По прибытии в Иран А. П. Волынский обратил внимание на совершенно нетерпимое положение русских купцов: «Их вместо собак держат и что хотят, то и берут у них, еще паче как у своих подданных, и дивлюся, что живут здесь...»³⁴ Когда купцы прибывают к пристани, где выгружают свои товары, «то обыкновенно осмотщикам и прочим принуждены давать великие дачи и чтобы те их без нужды не задерживали»; в случае кораблекрушения жители приморских деревень грабят потерпевших.

В иранских городах ханы и управители запрещают русским продавать товары, «пока не выберут самые лучшие для себя в долг, иногда на очень большие суммы, и чаще всего товар так в долгах и пропадает. А ежели будет искать судом, то хотя отыщет или не отыщет, однако же повинен судьям заплатить десятую часть против иска, и оного ради кто б такую обиду купцам нашим не учинил, то им невозможно сатисфакции сыскать, разве или через немалую дачу, или с великим убытком учинить разделку с тем, кто ему должен; также в Шемахе и в гилянских городах, хотя продадут свои товары, однако же пошлинные и таможенные и толмаченные деньги заплатить повинны, а в других городах куда повезут, таки те ж деньги платят, хотя б и выпиши те товары имели им не зачитали прежде сего никогда, и сверх того в проездах великие терпят убытки, понеже на перевозах и на мостах и на заставах откупщики столько

берут, сколько захотят, буде же платить не будут, то их бьют и насильно вымучивают у них деньги»³⁰.

А. П. Волынский в своем пространном донесении информировал русское правительство об отсутствии согласия среди купечества: «Ежели б было между нашими купцами согласие и добрый порядок, еще комерц наш в Персии мог быть свободнее, нежели как видится ныне, однако ж первая та худоба, что компаний нет тамо, но каждый имеет торг особливый, того ради как может быть в том добрый порядок, ибо не токмо посторонним мешают, но и сами между собой один другому пакости чинят, а ищут один у другого разорвать торг, но сколько возможно таят, или которой куда и в иные места с товары поедут, никогда протчим о себе не объявит, и тем временем и безвестно пропадает, так же ежели где кому обида случится (что всегда бываст) другие ему никогда не помогают...»³¹

А. П. Волынский ставит вопрос об учреждении в Иране русского консульства: «А над ними (русскими купцами. — Н. К.) в Шемахе определены бывали всегда из подданных персидских и грузинцев или из армян особливые судьи, будто для посредства в торгах между наших и персидских купцов и для толмачества, и ежели кому из наших от кого учинится такая обида, и что б он о том разыскивал и доносил хану, но от них никакой пользы и вспоможения никогда не бывало, кроме одного убытка, которые еще больше вредят, нежели делают пользы... А ежели и впредь не будет из наших тамо над купцами консул, то не надеюся я, что б могла приттить в доброе состояние и порядок коммерция наша и хотя в мою бытность учинен свободный торг в Персии, но если знатной персоны из купцов притом не будет, может все новое быть паки опровергнуто. Понеже жульфинцы непрестанно о том трудятся и большая часть убытков и обид от них происходит»³².

В сообщениях А. П. Волынского с исчерпывающей полнотой были описаны крайне невыгодные условия русской торговли в Иране и, в частности, совершенно бесправное положение русских купцов. Условия эти, по мнению А. П. Волынского, действительно требовали объединения русских купцов в торговые компании, а также учреждения в Иране русского консульства. Если иранские купцы, и особенно проживавшие в Иране армяне, пользовались в России определенными правами и привилегиями, то этого никак нельзя сказать о русских купцах в Иране. Для урегулирования русско-иранских торговых отношений и ограждения русских купцов от злоупотребления администрацией и самоуправства феодалов необходимо было добиться заключения ирано-русского торгового договора. Уже в самой характеристике положения русско-иранской торговли отчетливо выступает

главная мысль А. П. Волынского — необходимость дипломатическим путем добиться от иранского правительства, чтобы оно заставило местную администрацию и джильфинских купцов в корне изменить свое отношение к русско-иранской торговле вообще и к русским купцам в частности.

На конференции с итимад-уд-доуле А. П. Волынский привел ряд фактов, обличающих иранскую администрацию в беззаконии и произволе, в нарушении нормальных условий: 1) когда русские купцы приезжают в Низовую (иранская пристань) с товарами, то «джанышин ширванский держит их у себя для своей прихоти недели три и по месяцу и принуждает их развязывать товары на пустом месте напрасно». Он же, джанышин, берет с русских товаров «с каждого выюка по рублю и 4 деньги, а прежде брали по 24 алтына»; 2) по прибытии в Шемаху местные власти «для своей корысти велят выбрать лучшие товары — сукна стамеды и ценят малою ценою не против настоящей продажной цены, и тех денег за взятые товары не выдают им по году и больше», от чего им «чинится всегда великий убыток и остановка в торговом промысле, да с тех же денег берут с рубля по 10 денег»; 3) и персы, и армяне, и индийцы берут у русских купцов товар в долг на срок, однако сроки проходят, а русские не получают ни денег, ни товаров; 4) «они же купцы здешние, как басурманы, так и армяне, берут у купцов наших, с торговыми по цене, товары, держат их у себя долгое время, а потом вымарают и изменят товар и приносят к нам назад и бросают перед лавки, не содержа того торгу, в чем им, купцам российским, чинятся великие убытки и умаление в цене в том товаре»; 5) у Матвеева куплено в долг 65 батманов стали, однако деньги в течение 9 месяцев не возвращены; 6) в 1715 г. на обратном пути из Тавриза близ Низовой русский купец А. Иванов был ограблен, у него было похищено товара на 2 200 руб.; 7) в 1707 г. у купца М. Попова похищено товаров на сумму 15 012 руб.; 8) астраханец С. Григорьев при возвращении на родину около Низовой был ограблен местными жителями, у него отобрали иранский товар на сумму в 2 070 руб.»

Большим притеснениям подвергались русские купцы в городах Гиляна, где они облагались непосильными налогами, поборами под видом пошлин. Так, пошлина с гилянца взималась в размере 6 алт. с 1 руб., а с российских купцов — 12 алт.³³

Основные торговые операции русских купцов в Иране в начале XVIII в. происходили главным образом в Шемахе, Тебризе, Казвине, Реште. Бывали русские купцы в столице Ирана — Исфахане. Несмотря на большие трудности и опасности пути, они не прекращали своих поездок с торговыми целями в Ширван и Гилян. Очевидно, прибыли, извлекаемые из этой торговли, были

все-таки весьма значительны, чего не отрицает А. П. Волинский. «Однако какие бы ни были привезены из России товары, токмо редкие тамо что б не с убытком, понеже персидская монета против российской мало не в двое выше векселя, также и мера гораздо больше, однако ж на примере, если у российских товаров на тысячу рублей хотя и триста рублей учинится в Персии накладу, то еще купец из своего капитала не потеряет, понеже у персидских товаров может в России временем иногда и двойной против тамошнего присовокупить»⁴⁰. Иными словами, русские купцы извлекали немалую выгоду от перепродажи иранских товаров на территории России.

Купцы Джульфинской компании видели в русских купцах опасных конкурентов, особенно в торговле шелком-сырцом, и поэтому, как уже указывалось выше, всячески препятствовали их торговле.

Но не только шелк-сырец вывозили русские купцы из Ирана, из других товаров можно назвать хлопок, шелковые и бумажные ткани, сафьяны, рис, фрукты, а также индийские пряности.

Среди русского экспорта преобладали голландские и английские сукна-стамеды, полотна, писчая бумага, меха (белка, горностаи, соболь, лиса и др.), кроме того, так называемые «заповедные» — сталь, железо, медь, олово, свинец⁴¹. Таким образом, структура ввоза и вывоза была достаточно разнообразной.

На предварительных переговорах с иттимад-уд-доуле русский посланник особенно настойчиво добивался права свободного торга для российских купцов в Иране, главным образом в Шемахе и Гиляне — центрах шелковой торговли. Он предлагал, чтобы купцы Джульфинской компании на основе соглашения 1667 и 1673 гг. ввозили весь шелк в Россию и через Россию отправляли на Запад. Все другие пути торговли шелком-сырцом, т. е. через турецкие владения в Персидский залив, должны были быть оставлены. Однако по этому пункту соглашения не было достигнуто. Указ шаха гласил: «Понеже купцам есть воля их, — как хотят, так и торгуют, — и ежели оной компании насилие будет в том, чтоб от иных стран свое купечество отставить и в Россию возвратить, то будет, что им уже и не торговать, и такое повеление есть непристойное, того ради повелели и позволили, чтоб всякой из купцов, кто захочет свои товары в Россию да возит и торгует»⁴². По вопросу о жалобах русских купцов на притеснения, убийства и грабежи в шахском указе говорилось: «Не чинить притеснений и обид русским купцам и взыскивать деньги с их должников»⁴³.

А. П. Волинский добивался от иранского правительства разрешения русским жудам приставать к другой пристани, так как Низовая и Дербент «зело мелки», и чтобы там были построены

гостиный двор и амбары для товаров, на что шахское правительство не согласилось. По этому поводу шахский указ гласил: «Понеже сие, чтоб в ином месте пристани морской быть и строение, и торг заводить, есть противно древним обычаям и постановлениям и такого образца нет, того ради о сем позволению невозможно быть; но запрещается чинить обиды русским купцам»⁴⁴.

В результате длительных переговоров (иттимад-уд-доуле имел обыкновение от одного заседания до следующего забывать и отказываться от того, что было им обещано накануне) обе стороны все-таки пришли к соглашению.

Торговый договор, или, точнее, соглашение между Россией и Ираном было заключено 30 июля 1717 г. и вскоре было ратифицировано обеими сторонами. По своему содержанию это соглашение не являлось в полном смысле равноправным, оно было несколько односторонним. П. П. Бушев даже склонен рассматривать его как особую «разновидность капитуляции XVI в.»⁴⁵. В самом деле, если права русских купцов на иранской территории были четко обозначены, то об интересах иранских купцов на территории России ничего не говорилось. И все же согласиться с приведенной выше оценкой этого документа невозможно, так как описанные в нем права русских купцов ни в коей мере не ущемляют суверенитет Ирана, напротив, они отвечают его экономическим интересам.

Содержание основных статей соглашения сводилось к следующему: 1. Не задерживать русских купцов в Низовой и не развязывать у них товарные узлы. 2. Внутрь Ирана с пристани пропускать русских купцов без промедления. 3. Давать караулы в пути из Низовой в Шемаху. 4. Не чинить препятствия в продаже русских товаров, «ежели из товаров похотят, то надобно цену прямую давать и брать». 5. Платить штраф за просроченные долги в размере аббаса со всякого тумана. 6. Предоставлять русским купцам полную свободу разъезжать по стране с товарами и без товаров, заплатя при этом «обыкновенные» пошлины с рубля две копейки «и насильно больше обыкновения древнего да не взыскивать, за что наказание учинено будет». 7. Русским купцам гарантировать полную свободу купли иранского шелка-сырца в Гиляне — Ширване — главных шелковых провинциях. «Сколько шелку-сырцу и какого роду захотят, с обеих сторон по договору да покупают или на мену да меняют, и в страну Российскую да привозят». 8. Для «начальствования» над русскими купцами назначать одного российского купца или консула, который обязан разбирать споры, возникшие между русскими и иранскими купцами. 9. Брать одинаковую пошлину с иранского товара как с армянских и иранских купцов, так и с рус-

ских, «разности и различия между ими да не полагают, за что наказание учинено будет». 10. Давать возвращающимся русским купцам из Шемахи в Низовую конвой «с платою сих народов». «И везде, где купцам российским гибель учинится и, разыска, наитить и отдать оным, о чем судьи и начальники того места да прилежат, понеже от них будет взыскано; и ежели их судно погодою на море разобьет в стране Гилянской и Ширванской и Мазандеранской, где прибьет товары и рухлядию их да не завладевают, но хозяевам да отдают»⁴⁴.

Несмотря на то что далеко не все требования России были учтены и большинство пунктов носили скорее декларативный характер, торговое соглашение 1717 г. являлось крупным дипломатическим успехом миссии А. П. Волюнского. Это было первое торговое соглашение между Россией и Ираном (не считая соглашений с армянскими компаниями). Впервые русские купцы в Иране получили права, обеспечивающие им относительно выгодные условия для проживания и торговли в городах державы Сефевидов.

Согласно восьмой статье документа, консулом в Иран для надзора и управления «коммерцией русских подданных» был назначен С. Аврамов при шахском дворе в Исфахане, а А. Баскаков был определен вице-консулом с резиденцией в Шемахе⁴⁵. В связи с назначением консулов споры между русскими и иранскими подданными изымались из непосредственного ведения иранских властей.

Таким образом, А. П. Волюнский впервые в истории русско-иранских связей создал регулярную консульскую службу. «Одного этого достаточно, — как справедливо замечает П. П. Бушев, — для высокой оценки дипломатической деятельности посольства Артемия Волюнского»⁴⁶.

Четвертая статья предписывала консулу С. Аврамову «непрестанно усматривать, какие порубежные и иностранные народы в Персидском государстве торгуют, и какие товары они туда привозят, и оттуда вывозят, а особливо об оном торгу, который в Бендере-Аббаси, или Гаммароне, на Персидском снусе (Персидский залив. — Н. К.), или на море бывает, куда европейские народы приезжают, дабы можно было рассмотреть, что не есть ли в таком же состоянии Российское государство, чтобы такие же товары из России в Персидское государство посылать, и оттуда других больше, которые прежде всего через Россию не во- зились, вывозить»⁴⁷.

Эти статьи инструкции свидетельствуют о стремлении петровского правительства противопоставить русскую торговлю растущему западноевропейскому торговому капиталу. Ту же цель преследует и пятая статья: «Надлежит ему начальней-

ших купецких людей, которые из Персидского государства как чрез Бендер-Аббаси или Гаммарон, так и чрез Шемаху в Турецкую землю торгуют, призывать, чтобы они свои товары чрез Российское государство возили, представляя оным безопасение и краткий путь, малые в провозе убытки, и что тогда его царское величество, сверх учиненного уже умаления, или облегчения в пошлинах, больше еще вольности им пожалует»⁴⁸.

Эти же статьи инструкции повторяются в предписании вице-консулу А. Баскакову, назначенному для наблюдения за торговлей в Шемахе и Низовой.

Итак, консульские представители России и Ирана должны были практически осуществлять восточную политику русского правительства в области торговли. В частности, им было поручено детально изучить хозяйственные условия Ирана и приложить все усилия для переключения внешнеторговых связей Ирана с Персидского залива и турецких владений в сторону Каспия. Россия должна была стать посредницей в торговле между Востоком и Западом.

Купцы-армяне продолжали пользоваться Волжско-Каспийским путем и после заключения договора 1717 г. Так, например, в том же году купцы Джульфинской компании С. Иванов и Х. Яковлев обратились к русскому правительству с просьбой о выдаче им паспортов на выезд из Петербурга в Амстердам⁴⁹. В следующем году с просьбой о выезде за границу через Ригу обратился и другой армянский купец «компанейщик» П. Сафонов⁵⁰. Такая же просьба была удовлетворена в отношении двух армянских купцов — Н. Романова и С. Мануилова⁵¹.

В декабре 1718 г. в Москву прибыло 14 армянских купцов, обратившихся с просьбой разрешить им транзит на Запад через Архангельск. В таможенных выписях сообщается следующее: у Иванова шелка-сырца 363 пуд. 25 ф. Пошлин и провозных взято 1387 руб. 12 алт. 2 д.; у Салданумова шелка-сырца 274 пуд. 14,5 ф. Пошлин и провозных взято 1077 руб. 15 алт. 5 д.; у З. Вартанова и Д. Петрова шелка-сырца лези 253 пуд. 23 ф. Пошлин и провозных взято 957 руб. 15 алт. 5 д.⁵² Таким образом, купцы армянских торговых компаний направлялись в Россию, с одной стороны, с целью провоза шелка через Архангельск, Ригу, Великий Новгород, Петербург на Запад, с другой — для непосредственной торговли в самой России.

Естественно, что русской ориентации придерживались в первую очередь те армянские купцы, которые не состояли в Джульфинской компании и были лишены выгод, проистекающих от ее обширнейших международных связей.

Русская торговая политика на Востоке охватывала самые различные области экономической деятельности. В Коммерц-

Коллегия, например, постоянно обсуждались планы и предложения о распространении и усилении русско-иранской торговли. В этом смысле небезынтересны предложения известного исследователя Каспийского моря Ф. Соймонова. Наряду с выполнением своего главного поручения — описания западного берега Каспийского моря он изучил состояние иранской торговли. Ему приходилось беседовать с купцами, ездившими в Иран. Они предлагали основать торговые компании с участием армянских купцов.

Ф. Соймонов, исходя из советов русских купцов, местопребыванием главной конторы предлагал сделать Астрахань, откуда товары должны были переправляться в Иран, а из Ирана в Россию, остальные мыслилось учредить в Исфахане, Тифлисе, Шемахе, Астрабаде и Реште (в последних трех — малые конторы).

Лучшими судами для перевозки грузов, по мнению Ф. Соймонова, являлись гукеры и галюты от 60 до 70 футов длиной, однако Низовая пристань для них была непригодна, поэтому выдвигался проект учреждения гавани и «купеческого места» при устье Куры, куда он надеялся привлечь главное купечество из Грузии и Ширвана. В Энзелийском проливе намечалась вторая удобная гавань. Русское правительство рассчитывало, что порт в устье Куры в будущем превратится в сборный пункт для всего восточного купечества.

Идея организации торговой компании очень занимала исследователя Каспийского моря, не случайно она так детально изложена в его работе⁵⁵.

В делах Кабинета Петра I сохранилась любопытная записка неизвестного автора под названием «О распространении купечества в Санкт-Петербурге Запада и Востока через Россию». Она является еще одним свидетельством глубокой заинтересованности России в расширении восточных связей и привлечении к себе всей восточной транзитной торговли. Автор записки предлагал следующее.

1. Построить на «персидской стороне Каспийского моря» малую крепость, чтобы армянские купцы имели возможность удобно производить свою торговлю через Россию». Эта крепость должна быть расположена недалеко от Шемахи при устье реки, «и когда тамошние купцы свои товары из Грузии по оным рекам вывозить могли, чего они еще не знают, то б армянским купцам великая польза была и они охотнее б купечество свое чрез государство вашего величества отправляли, нежели товары свои в Турецкую землю вывозить, потому что они водою дешевле и способнее свои товары из Персиды в Астрахань, а оттуда к Москве и потом в Санкт-Петербург посылать могут».

2. Учредить почтовое судоходство от Каспийского моря до Москвы и Петербурга. При этом «следовало озаботиться, чтобы армянским купцам никакого препятствия в пути не было, взинаясь бы легкие пошлины и за провоз товаров недорогую цену положить». Далее указывалось: «Губернаторы, воеводы и таможенные управители не должны в пути задерживать армян, а товары их в добром бережении иметь, чтобы оные не были раскрадены или повреждены». В таком случае, уверял автор записки, армянские купцы будут более охотно торговать с подданными Петра I и товары свои из Ирана и Грузии будут вывозить исключительно через Россию, «печели оные на верблюдах в Константинополь, Смирну, в Алеппо или Скандарун возить, от сего великая польза подданным вашего величества и государству вашему происходить будет, и к тому приведет, что большая часть купечества восточного через государство ваше отправляться будет, от чего город Санкт-Петербург зело процветет, потому что оные товары, которые из Персиды и Грузии выходят, во всех странах Балтийского моря потребны».

3. Если регулярное почтовое судоходство будет учреждено, то персидские товары до Голландии через Петербург и обратно в Иран обернутся в 12 или 15 месяцев, т. е. в два — три раза быстрее, чем прежде, когда этот же путь преодолевался в два или даже три года.

4. России необходимо иметь крепость или «малой посад» торговых людей на иранской стороне Каспийского моря «для безопасности купечества и скорого отправления товаров в Астрахань, а оттуда через государство ваше к Москве и в Санкт-Петербург».

5. Иранские товары нужно перевозить на русских кораблях и установить для иранских купцов за провоз пошлины в размере от 10 до 15 % стоимости товара, «как о том договорено будет больше или меньше по оценке товаров». Одна часть пошлинного сбора должна взиматься в Астрахани, другая там, где эти товары будут проданы или отпущены за море. Никаких других пошлин, кроме указанных, не брать, что, бесспорно, привлечет армянских купцов, «потому что они страху никакого не имеют, товары их способно и скоро водою отправляться будут, также гостиные пошлины платить станут и сверх того такую пользу иметь будут, что они товары свои в разных местах продавать могут подданным вашим и чужестранным людям в Санкт-Петербурге, а напоследок, когда они тамо своих товаров продавать не похотят, то могут они в кратком времени быть с товарами своими в Швеции, Дании, Голландии или Англии»⁵⁶.

В заключение автор записки снова подчеркивает выгоды транзита через Россию для армянских купцов, подданных шаха

Ирана. Он указывает на неудобства пути через Средиземное море, где армяне дорого платят за провоз и, помимо того, иногда в течение долгого времени не могут продать или променять свой товар, «и никакого случая и способа не имеют в пути торговать, как они будут иметь, когда через государство вашего величества и чрез Каспийское море купечество отправлять будут. И таким образом, за способным положением вашего государства, за вспоможением и протекцией вашего императорского величества к тем торговым людям восточное купечество и чрез государство ваше может учинено быть главнейшим, богатейшим и способнейшим купечеством во всем свете»⁵⁷.

Настойчивое напоминание автора о выгодах для армянских купцов, об охране их интересов, о длительности пути из Ирана в Голландию, где в это время находилась крупнейшая в Западной Европе армянская колония, дает основание предположить, что записка была написана одним из представителей армянского купечества. Армянские купцы Ирана, за исключением джульфинцев, видимо, полагали, что их интересы совпадают с интересами российской внешней торговли на Востоке. Содержание записки, действительно, в известной мере перекликалось с дальнейшими планами Петра I в отношении русско-иранских экономических связей.

Торговый договор 1717 г., по замыслам русского правительства, должен был создать совершенно новые условия для экономических связей России с Ираном. Но он их не создал. Во-первых, в договоре отсутствовало одно из самых главных требований Петра I о том, чтобы купцы Джульфинской компании ввозили весь шелк только в Россию или провозили через Россию на Запад. Джульфинцы, как отмечалось выше, не собирались отказываться от своих традиционных связей со средиземноморскими портами. Не удалось также склонить шаха и к предоставлению права русским судам приставать к южному берегу Каспия, что, несомненно, мешало более широкому развитию торговли. Во-вторых, проведение в жизнь договора 1717 г. наталкивалось на серьезное препятствие в виде все более растущих внутренних неурядиц в Иране. Лишенный реальной власти, шах не мог, даже если бы и захотел, выполнять условия русско-иранского торгового договора. Таким образом, русское правительство по-прежнему было далеко от своей цели — установления прочных экономических связей с Ираном.

В августе 1721 г. дагестанский феодал Дауд-бек захватил Шемаху — главный центр торговли шелком-сырцом, совершил нападение на русских купцов и разграбил их товары на 0,5 млн руб., в частности, Матвей Еврепнов потерял товаров на 170 тыс. руб., «вследствие чего этот богатейший в России купец

вконец разорился»⁵⁸. Однако в дальнейшем, как показывают Астраханские таможенные книги, он продолжал успешно торговать с Ираном.

Вторжение в 1722 г. в Иран афганцев активизировало действия турецких властей, занявших ряд территорий, которые входили в пределы распавшегося Сефевидского государства. Угроза расширения турецкой экспансии утвердила Петра I в мысли о необходимости принятия незамедлительных мер, которые могли бы предотвратить этот процесс. Утверждение Турции в богатых прикаспийских провинциях создало бы угрозу русским прикаспийским рубежам и полностью нарушило бы торговые связи России с Ираном, а частично и со всем Средним Востоком. Еще в 1716 г. А. П. Волынский сообщал из Низовой о прибытии в Исфахан большой турецкой свиты, которая, по-видимому, добивалась, «что б торг весь шелком-сырцом обратить чрез государство их...»⁵⁹.

То же самое сообщал и другой побывавший в Прикаспии дипломатический представитель — Беневенни: «Султан не знаю по каким резонам, претендует от шаха, дабы весь гилинский шелк везен был в его область, а не через Каспийское море в Россию, понеже оттоле по всю Немецкую землю рассылается...»⁶⁰.

Персидский поход, по замыслам Петра I, должен был утвердить позиции России в северо-западных областях распадавшейся державы Сефевидов, обеспечить обладание их естественными богатствами и решить в желательном духе судьбу ирано-русской торговли, в первую очередь — вопрос о направлении торговли шелком-сырцом. Фактическое безвластие и полная анархия, охватившие Иран в связи с нашествием афганцев, также толкали Петра I на решительное вмешательство в иранские дела. В 1722 г. афганцы взяли столицу Ирана — Исфахан, заставили шаха Хусейна отречься от престола. А. П. Волынский, в то время губернатор Астрахани, торопил Петра I прикаспийские провинции «для безопасности границ российских принять в свое защищение, занять и заселить оные войсками российскими»⁶¹. При этом имелось в виду и богатства прикаспийских провинций — шелк, а также шафран, изюм и многое другое использовать «как для употребления во все государство, так и для отпусков в Польшу»⁶².

В этой связи интересны распоряжения Петра I, сделанные им уже после занятия русскими войсками прикаспийских провинций. Так, к этому времени относятся его многочисленные указы, требовавшие поисков сырья для металлургической промышленности в названных провинциях: «О меди, — говорилось

в одном из них, — також подлинное свидетельство учинить»⁶³.

Заслуживает внимания царская инструкция, данная бригадиру Левашову. В ней предлагалось разведать, «где что родится, а о сахаре, объявил мне Аврамов, что в Мазендеране, также сам посол персидский объявил, что в Гиляне есть медь, а именно: в Ардевиле, а свинец — в Мусулае»⁶⁴. Армяне сообщали Петру I, что в Карабагской провинции имеются серебряная, медная и железная руды⁶⁵. «В царствование Петра I, — указывает современный исследователь, — пороховое производство в России достигло высокого уровня развития. В период с 1698 по 1715 г. в пороховом производстве возникло 17 мануфактур, среди которых селитренные, серные, пороховые предприятия»⁶⁶. А между тем селитренное производство испытывало крайнюю нужду в сырье, возможно, этим объясняется появление ряда распоряжений Петра I относительно селитры.

Следовательно, Петр I интересовался наличием в прикаспийских провинциях Ирана меди, свинца, селитры, а также сахара и фруктов. В инструкции на случай взятия Баку предписывалось: «Разведывать о пошлинах и доходах, а особливо о нефти и шафране, сколько было в доброе время, а сколько ныне, а что шаху, а что по карманам»⁶⁷.

В годы царствования Петра I в России было создано шелковое производство. С 1714 по 1725 г. появилось 14 шелковых мануфактур. Однако шелкоткацкая промышленность почти целиком зависела от привозного сырья, доставляемого главным образом из прикаспийских провинций⁶⁸. Самыми богатыми шелковыми провинциями Ирана А. П. Волюнский считал Гилян и Ширван: «Лучший интерес жителей (Ширвана. — Н. К.) — шелк, которого довольно везде родится, в редкая деревня, где б не было шелковых заводов, как около моря, так и до самой Кумы, городов в сей провинции знатной, первой Шемаха, где резиденствует беглербег, прочие же хотя некоторые и особливые имеют уряды, однако ж к нему присовокупляются, Баку, Дербент, Куба, Окташи...»⁶⁹.

Шелком, по тем же сведениям, особенно славился Гилян, «где зело оного родится много, с которого только одних пошлин (как я слышал от эхтмадсвлетя шахова) собирается в казну по 900 тыс. руб., кроме иных доходов, также и пшена зело много родится и таково во всей Персии нет, откуда весь шахов дом довольствуется»⁷⁰. По другим данным, в одной только Гилянской провинции производилось в год более 2 800 тыс. ф. шелка-сырца⁷¹, что, однако, представляется маловероятным. Дербент и его окрестности также изобиловали шелком-сырцом и, кроме того, шафраном, мареюй, хлопком⁷². Особый высокосортный хлопок выращивался также в Мазендеране.

По замыслу Петра I, эти богатства должны были быть использованы как сырье в молодых русских мануфактурах, а также для вывоза за границу, главным образом в Англию, Голландию, Францию и Польшу, с которыми предполагалось заключить договор о торговле шелком-сырцом.

Самыми богатыми из прикаспийских провинций были Гилян и Ширван, а также Мазендеран. Об этом писали многие, в их числе — А. П. Волюнский и Исмаил-бек⁷³.

При изучении мотивов персидского похода следует также учитывать некоторые свидетельства иностранных послов. Например, в одном из своих донесений французский посол в России де Кампредон сообщал: «Бунтовщики узбеки и черкесы, разорившие Шемаху, ищут теперь покровительства Порты. Царь никогда не потерпит, чтобы она их под свое покровительство приняла и утвердила, таким образом, турок на его границе. Это противно интересам всех вообще держав, потому что турки сделались бы тогда господами всей персидской торговли»⁷⁴.

В другом месте он сообщал о намерениях русского царя приобрести порт и крепость по ту сторону Каспийского моря и овладеть Грузией, Ширваном, Гиляном, где вырабатывается лучший шелк, тогда вся торговля шелком будет целиком монополизирована русским правительством и в то же время будут обеспечены границы от посягательств турок и персов⁷⁵.

В секретном донесении де Вильде Генеральным штатам Соединенных Нидерландов сообщалось, что предполагаемая русская военная экспедиция на Восток пойдет в сторону Шемахи и Дербента с целью овладеть этими городами и другими портами на Каспийском море «и тем обеспечить в России свободную торговлю шелком»⁷⁶. Из этих донесений видно также, что Петр I при посылке военной экспедиции в Иран руководствовался как политическими, так и экономическими мотивами.

Правительство Петра I не могло не считаться с тем, что развал Сефевидской державы под натиском афганцев в 1722 г., последующая турецкая оккупация ряда областей на западе и северо-западе Ирана, нависшая угроза полной утраты самостоятельности Ирана создавали опасную ситуацию на южных и юго-восточных границах России.

Одновременно с военными действиями в Петербурге шли переговоры с персидским послом Исмаил-беком, в результате чего 12 сентября 1722 г. между Россией и Ираном был подписан трактат «Об уступке в вечное Российской Империи владение по Каспийскому морю провинций Гилян, Мазендеран, Астрабад, городов Дербент и Баку со всеми принадлежащими к ним землями, за сделанное от России шаху против бунтовщиков вспоможение»⁷⁷.

Для оживления экономической жизни, в частности торговли, в новоприсоединенных провинциях русское правительство стремилось использовать иранских армян. В 1723 г. армянскому народу Петром I была дарована высочайшая грамота «О возобновлении торговли с Россией и о дозволении селиться армянам в России»⁶⁰. В именном указе Сенату от 14 мая 1723 г. предлагалось призвать двух — трех купцов из Армянской компании и объявить им, «чтоб они к размножению коммерции с российскими купцами имели старание, и для того шелк и другие персидские товары, которые от них прежде сего отпускаваны в европейские государства, привозили б в Россию... и о том писали б они к своим корреспондентам, и других бы тамошних купцов к тому призывали...»⁶¹.

В сентябре 1723 г. вышел новый сенатский указ «О позволении армянам, индейцам, бухарцам и прочим иноземцам в Астрахани отправлять розничную торговлю по-прежнему, с уплатой обыкновенных пошлин...»⁶². В том же указе бригадиру Левашову предлагалось поселить армян в новоприсоединенных провинциях — в Гиляне, Мазендеране и других «и содержать ... оных в крепком охранении и поступать с ними таким порядком, дабы отнюдь от них никакие жалобы произойти не могли»⁶³. Подобные инструкции были посланы в Баку, Дербент и крепость Святого Креста.

Петр I призывал к возобновлению «торгов» с Россией и тех армян, которые еще оставались в иранских провинциях: «Понеже оное купечество от большей части от вашего народа отправлялось, и для того армяне, как те, которые в Персии обретаются, так и особливо те, которые во множественном числе в разных городах нашей империи живут и торг свой имеют, всеподданнейше просили, дабы с вами армяны, в Персии обретающимися, оное купечество возобновить и узаконить, и мы по особливой к оному народу имеющей нашей императорской милости сие объявляем, дабы они прежде имевшее свое купечество чрез те в нашей протекции обретающиеся города с нашей империей возобновили...»⁶⁴.

В последние годы правления Петра I его внимание было обращено на «восстановление и усовершенствование Персидской торговли...»⁶⁵. В 1723 г. Петр I учредил торговую акционерную компанию для торговли с Ираном. Всего было выпущено 4 тыс. акций стоимостью 150 руб. каждая. Город Астрахань вложил в эту компанию 50 тыс. руб.⁶⁶ Нам не удалось найти специальных и подробных материалов, характеризующих деятельность этой компании, однако некоторые цифровые данные, обнаруженные в делах Кабинета Петра I, дают основание предполагать, что ее торговая деятельность в связи с присоединением прикаспийских

провинций была вначале достаточно интенсивной. Вот эти данные. Весной 1723 г. в Астрахань было привезено:

Всего:

шелка-сырца	149 тай	2 узла
парчовых товаров	55 тай	64 узла
шелка вареного	131 тая	192 узла

В том числе:

Из Энзели

шелка-сырца	49 тай	1 узел
шелка вареного	25 тай	39 узлов
парчовых и прочих товаров	69 тай	185 узлов
разных товаров	20 ящиков	
шелка вареного	4 тай	12 узлов
парчовых товаров	5 тай	

Из Дербента

шелка-сырца		1 узел
парчовых и прочих товаров	57 тай	7 узлов
шелка вареного	6 тай	13 узлов

В декабре 1723 г. в Астрахань из Гиляна привезено иранских товаров 514,5 тай 1 чюван, в числе которых было:

шелка вареного	5 тай	1 чюван
шелка-сырца	72 тай	
парчей	168 тай	
пшена	5,5 таи	
мелкого изюма	4 таи	
сафьяна	169 тай	
ладана	1 тая	
бязи	1,5 таи	
чернильных решков	41 тая	
кофе	32,5 таи	
бумаги	12 тай	
конопли	2 таи	

Согласно реестру так называемых заморских товаров, привезенных в Астрахань из Ирана и Закавказья, в 1723 г. шелк составлял более половины, а изделия из шелка, вместе

взятые, более двух третей всего русского импорта из этих районов⁴⁶.

Таким образом, торговля с Ираном в эпоху Петра I приобретает для России большое экономическое и политическое значение. Русское правительство стремится расширить и упрочить торговые связи с этой страной. Персидский поход явился тем решающим средством, при помощи которого Петр I хотел обеспечить России господствующее положение в торговле с Ираном и получить беспрепятственный доступ к шелку-сырцу и другим сырьевым богатствам прикаспийских провинций.

Что же касалось шахского правительства, то его пассивную роль в этом вопросе предопределил глубокий внутренний упадок Сефевидской державы. Вместе с тем многие иранские купцы продолжали вести торговлю с Россией.

Видное место среди восточных торговцев, поддерживавших экономические контакты с Россией, занимало армянское купечество, и в том числе купцы Джульфинской торговой компании. Правительство Петра I в интересах развития русско-иранских торговых связей проводило поощрительную политику в отношении армянских купцов Ирана. Однако Джульфинская компания препятствовала торговле русских в Иране и мешала другим армянским купцам (не джульфинцам) осуществлять свои торговые связи с Россией и через Россию с Западом, опасаясь их конкуренции.

§ 2. Роль армянского, индийского и русского купечества в торговых связях России с Ираном во второй четверти XVIII в.

К концу первой четверти XVIII в. Россия становилась все более мощной европейской державой, ее границы раздвинулись на северо-западе и юго-востоке, она получила выход в Балтийское море, окрепли ее позиции в районе Каспийского моря. Заметно вырос промышленный и военный потенциал страны. Правящие круги России все энергичнее расширяли внутренние и внешние контакты, рассчитывая тем самым укрепить экономическое и политическое могущество абсолютистского государства. В то же время в Иране политическое и экономическое положение оставалось крайне напряженным. В связи с этим сотрудничество с соседней Россией приобретало для него «характер жизненно необходимого условия, благоприятствовавшего восстановлению и развитию экономики Ирана»⁴⁷.

Основой русско-иранского сближения стали Рештский, а затем Гянджинский договоры, подписанные в 1732 и 1735 гг. Их главной целью было обоюдное стремление противопоставить аг-

рессивным планам Турции на Кавказе, угрожавшим интересам России и Ирана, тесный политический и военный союз двух соседних государств. Как Рештский, так и Гянджинский договоры имели явную антитурецкую направленность⁴⁸. И хотя прочный антитурецкий союз тогда создать не удалось, тем не менее эти документы практически регулировали русско-иранские экономические отношения на протяжении последующих десятилетий XVIII в.

По условиям Рештского договора⁴⁹ иранское правительство предоставляло купцам России определенные права и брало на себя обязательство соблюдать их. Русские купцы получали право свободной и *беспошлинной* торговли во всех землях и областях Ирана. Оно распространялось как на привезенные ими товары для продажи, так и на купленные в Иране. Одновременно русским купцам была разрешена транзитная беспошлинная торговля. Договор подтверждал за русскими купцами право на строительство караван-сараев, домов, лавок, амбаров «для жительства своего и хранения товаров». В то же время иранское правительство взяло на себя обязательство оказывать помощь потерпевшим кораблекрушение и охранять их товары на разбитых судах, а также обеспечивать охрану имущества умерших в Иране русских купцов и передачу его наследникам «безо всякого повреждения и утаения». Кроме того, правительство Ирана обещало возместить убытки российским купцам, пострадавшим во время войны и волнений в Иране. Договор гарантировал русским подданным имущественную и личную безопасность.

Рештский договор сохранял свою силу до заключения Гянджинского 1735 г.⁵⁰, но и последний не вносил ничего принципиально нового в торговые отношения, а лишь подтвердил те привилегии, которые были гарантированы русской торговле в Иране по договору 1732 г. Иранская сторона во время ведения переговоров в Гяндже требовала пересмотра некоторых статей Рештского трактата, в частности, настаивала на взаимном праве беспошлинной торговли как для русских, так и для иранских купцов, однако князю Голицыну, ведавшему переговорами, удалось закрепить исключительно за русскими купцами привилегию на беспошлинную торговлю.

Спорная статья о беспошлинной торговле русских купцов в Иране вызвала большое сопротивление практически в течение всего рассматриваемого нами периода. Русское купечество неоднократно жаловалось на взимание незаконных пошлин и поборов. Иранская сторона, в свою очередь, посылала контржалобы, указывая на злоупотребления русских купцов, которые привозили беспошлинно чужие товары, принадлежащие восточным купцам, и тем самым причиняли материальный ущерб иранским

таможням. Все это не могло не учитываться русским правительством. «В 1738 г. было предписано иноземным купцам, перешедшим в российское подданство, посылать свои товары в Иран вместе с русскими купцами, под их именами, а самим туда не ездить»⁹⁰.

5 июля 1735 г. поручик С. Арапов в должности консула прибыл в Решт и приступил к своим обязанностям, которые были достаточно сложны и многообразны, что видно из правительственной инструкции, полученной консулом. Он должен был строго следить за точным выполнением условий Рештского трактата относительно беспошлинной торговли русских купцов на территории Ирана: «Во время пребывания Вашего в Ряще, — говорилось в инструкции, — иметь Вам прилежное старание, дабы подданные ея императорского величества во всех землях и местах области персической свободное и вольное отправление купечества иметь беспошлинно как с привезенных в Персию из России, так и с покупных возвратно персических и других тамо купленных и на мену полученных товаров, и ничем бы российских купцов не отягчали»⁹¹. В то же время консулы должны были наблюдать за выполнением торговых обязательств не только со стороны иранских властей и купцов, но и со стороны русских купцов: «Всячески Вам накрепко смотреть, чтобы и подданные ея императорского величества российские купцы под жестоким истязанием под свои имена и протекцию и под охранение для беспошлинной продажи чужих товаров отнюдь не брали...»⁹².

Из донесений консула С. Арапова, датированных 1737 г., видно, что торговля русских купцов в отдельных местах Ирана была достаточно оживленной. «Ныне при Гиляни, — сообщал он, — российских купцов 30 человек» (они ездили также в провинцию Хорасан, бывали и в Исфахане), а в «Шемахе российских купцов довольно, а в Баке и в Дербенте известные порты и всегда российские купцы для торговли бывают...»⁹³.

Многие купцы не раз жаловались С. Арапову на незаконные поборы и пошлины. Учреждение русского консульства в Реште, несомненно, имело благоприятное влияние на русскую торговлю в этом городе и частично в Гиляни, в других же местах, где велась оживленная торговля, «насильственное взимание пошлин не прекращалось»⁹⁴. По собственному признанию консула, за три года его пребывания в Иране только летом 1737 г. в Дербенте и Шемахе рахтаров не брали, во все остальное время рахтары и другие пошлины с русских купцов взимались регулярно.

В 1730 г., после короткого перерыва, иранским купцам был снова разрешен въезд в Астрахань⁹⁵. Этот город в рассматриваемое время продолжал оставаться центром русско-иранской

торговли. Многие из восточных купцов основали в нем свои колонии-поселения, например, индийскую⁹⁶, армянскую⁹⁷, бухарскую и гилянскую⁹⁸. Европейцы также отмечали оживленную торговлю астраханских купцов с Ираном в середине XVIII в.⁹⁹

Предпочтительная направленность в политике русского правительства по отношению к восточной торговле ежегодно привлекала в Астрахань, Кизляр и Оренбург множество купцов из Индии, Ирана, Закавказья. Торговля товарами восточных купцов как бы поощрялась умеренными пошлинами, тогда как торговля европейскими товарами, напротив, ограничивалась запретительной пошлиной. Такая политика диктовалась интересами молодой русской промышленности, «продукция которой на первых порах не могла конкурировать с дешевыми европейскими товарами»¹⁰⁰.

В 1743 г. астраханский губернатор В. Н. Татищев запрашивает мнение сената о возможности принятия во временное подданство индийцев, персов, хивинцев, проживающих в Астрахани, чтобы с их помощью «фабрики и торг размножить»¹⁰¹. В 1744 г. из сената последовал указ в астраханскую губернскую канцелярию о приеме во временное подданство персидских, индийских и других восточных купцов, приезжающих для торговли в Астрахань¹⁰². В 1746 г. вышел новый указ, запрещающий записывать в астраханский посад живущих в Астрахани индийцев, бухарцев, гилянцев, татар, грузин без их желания, «дабы они оттого, ежели в торгах и промыслах учинить запрещенное и отдать в ведомство магистратское, из Астрахани не разъехались...»¹⁰³. Эти и другие материалы показывают, какое большое значение придавалось в правительственных кругах делу привлечения с помощью временного подданства опытных восточных купцов для расширения внешних контактов и для организации торгов и промыслов в самой Астрахани.

Более полные данные приводятся в двух ведомостях, составленных в той же таможне по учету живущих в Астрахани индийцев¹⁰⁴. Они свидетельствуют о том, что в 20—40-х гг. XVIII в. у индийцев были прочные связи с Россией, многие из них находились в Астрахани длительное время (10 и более лет). Известны несколько случаев, когда индийцы проживали в Астрахани по 25—30 лет. Многие из тех, что значатся в этих ведомостях, были выходцами из Мултана и других индийских местечек и деревень. Из 53 индийцев 10 не занимались торговлей, некоторые из них кормились «кошеварною работою» или находились «во услугах» у других индийцев. Были и такие, которые добывали пропитание «мирским подаянием». Подавляющее же большинство занимались торговлей. Как правило, индийские купцы, живущие в Астрахани, получали товары из провинции Гилян через

своих родственников или специальных приказчиков. Все это свидетельствует о хорошо налаженных и регулярных связях с Ираном. В названных ведомостях нет никаких упоминаний о собственно индийских товарах.

В приложении к первой ведомости дается дополнительный список вновь прибывших в Астрахань в течение неполного года, включающий 23 фамилии, из этого числа 17 чел. готовы были торговать иранскими изделиями («торг имеют персидскими товарами»). Таким образом, в 1746—1747 гг. в Астрахани проживало 60 индийцев, из них 49 чел. постоянно занимались сбытом иранских товаров.

Приведенные данные из двух таможенных ведомостей 1746 и 1747 гг. не только довольно убедительно показывают значительную роль индийского купечества в экономических сношениях России с Ираном в 20—40-е гг. XVIII в., но и одновременно свидетельствуют об устойчивых и длительных связях иноземных купцов с Россией. Эти коммерсанты, выходцы из восточных стран, на собственном опыте в течение нескольких десятилетий пребывания в России убеждались в том, что здесь им обеспечены личная и имущественная безопасность, благоприятные условия для торгово-промышленной деятельности и возможность сохранить свой национальный язык, веру и обычаи¹⁰⁵.

Товары, привозимые из восточных стран в Астрахань, шли обычным маршрутом в Москву, волжские города — Нижний Новгород, Саратов, Чебоксары, на всероссийские ярмарки — Макарьевскую, Свицкую (близ Астрахани), Ирбитскую, а также в Ярославль, Санкт-Петербург и далее на Запад. В свою очередь из России и Западной Европы русские и иранские купцы вывозили товары через Астрахань в прикаспийские провинции Ирана. Как правило, все приезды купцов с восточными, русскими и европейскими товарами регистрировались в астраханской таможне для учета и взимания пошлинных сборов. К большому сожалению, таможенные книги до нас дошли лишь частично, однако и они являются несомненным свидетельством быстрого возобновления русско-восточной, в частности русско-иранской, торговли¹⁰⁶.

В этом же архиве хранится сводная ведомость о русско-иранской торговле с 1737 по 1744 г. Она составлена по астраханским и петербургским таможенным книгам и отражает соотношение ввоза и вывоза товаров¹⁰⁷. Очевидно, что сводная ведомость составлена по тщательно разработанной инструкции. В ней буквально поражают строго продуманная детализация и подробный учет элементов торгового оборота. Сводная ведомость состоит из 20 листов. Это довольно обстоятельная таблица, в которой имеется графа учета таможенных сборов с ввози-

мых и вывозимых товаров, здесь же мы находим сведения о том, какие купцы принимали участие в русско-иранской торговле. Документ завершается итоговой таблицей учета русско-иранской торговли за каждый год и за весь период с 1737 по 1744 г. По заключительной части сводной ведомости можно судить о том, что правительство интересовалось также сравнительными данными по пошлинным сборам в России и Иране. Однако полного ответа на этот вопрос документ не дает, о чем свидетельствует следующее характерное признание: «А почему наперед сего до заключения с Персией последующих трактатов с российских купцов в Персии пошлин и рахтарных денег имане, о том в подданных вышеобъявленных годах бывших сборщиков ведомостях показано, что в Астраханской таможне никакого известия не имеетца и для того, равномерно ль против здешних российских пошлин в Персии бирано или в которой стороне превосходит, знать невозможно»¹⁰⁸.

Выборочно взятые и обследованные нами таможенные книги, в том числе и материалы сводной ведомости, хранящиеся в Государственном архиве Астраханской области, показывают, что перед нами своеобразные и очень ценные статистические материалы, характеризующие весь комплекс русско-восточной, особенно русско-иранской, торговли за вторую четверть XVIII в. Вместе с тем они характеризуют также и европейско-восточную торговлю по Волжско-Каспийскому пути.

Материалы сводной ведомости подтверждают, что в 30—40-х гг. XVIII в. единственным транзитным путем с Востока на Запад становится путь через Санкт-Петербург, в то время как в XVII в. он пролегал через Архангельск и Великий Новгород.

Анализ названных документов позволяет наглядно показать некоторые существенные стороны в русско-иранской торговле в рассматриваемый период, и прежде всего следующие: 1) особенности нового этапа в русско-иранских торговых отношениях второй четверти XVIII в.; 2) роль различных групп купцов в русско-иранской и транзитной торговле; 3) структура иранского экспорта и импорта; 4) характер и уровень данной торговли; 5) значение торговых связей для укрепления контактов двух соседних стран.

Почти во всех обследованных нами книгах зафиксированы многочисленные случаи прибытия русских и восточных купцов в Астрахань. Одни, распродав свой товар и закупив новый, отправлялись в Иран, другие, напротив, выезжали в центральные города России. Для убедительности приведем некоторые данные: в 1725 г. зарегистрировано 102 явки¹⁰⁹, в 1726 г. — 110¹¹⁰, в 1733 г. — 329¹¹¹, в 1735 г. — 471¹¹² (в том же году, по другой книге, — 303¹¹³), в 1744 г. — 67¹¹⁴ и в 1745 г. — 169¹¹⁵ явок.

Как явствует из приведенных сведений, в 40-х гг. XVIII в. наблюдается спад общего числа регистрируемых явок купцов, но сделать окончательный вывод об этом только на основании обследованных книг пока затруднительно, так как все они охватывают лишь часть календарного года.

В конце 40-х гг. XVIII в. внутриполитическая обстановка в Иране резко меняется и становится крайне неблагоприятной для внешних экономических связей. После убийства в 1747 г. Надир-шаха в стране с новой силой разгорелась междоусобица, многие иностранные купцы вынуждены были прекратить связи с Ираном, которые они поддерживали через своих приказчиков или так называемых «корреспондентов». «А с 1747 г., как бывшего персидского шаха Надира персияне убили, то с того времени и поныне, — жаловались индийские купцы, — в той Персии происходят великие замешательства, беспокойства и грабежи... И от того братья наши индийцы в Персии, спасая свое имущество, укрываются в лесах, и ни малого тамо в Персии купечества производить не могут...»¹¹⁶.

В те годы и русские купцы также понесли очень большие потери, которые, по подсчетам исполняющего обязанности консула Капытовского, составляли 158 079 руб.¹¹⁷ В связи с этим в Астрахани была сделана ответная попытка задержать шахского купчину с товарами на 100 тыс. руб., но в 1749 г. он был отпущен. Однако «замешательства» коснулись и его, с полпути он вернулся в Астрахань и там решил дожидаться наступления лучших времен¹¹⁸.

В связи с беспорядками в Иране астраханский губернатор Брылкин распорядился никого из купцов с товарами в Иран не отпускать. Однако это была временная мера, торговля русских купцов в Иране не прекращалась даже в такое трудное время. Более того, многие купцы настойчиво добивались разрешения на выезд в Иран, они готовы были идти на жертвы, давали подписки, что в случае потерь, грабежа «сами будут виною убыткам своим». С подобной просьбой обратились в Коллегию иностранных дел петербургский армянин Лука Ширванов и московский купец Василий Макаров «для неприключения оным купцам дальнейших в том убытков, на отпуски товаров их в Персию с нынешней весны позволение учинить»¹¹⁹. Такие просьбы повторялись регулярно в течение 1749 — 1753 гг.¹²⁰ Все это свидетельствует о большой заинтересованности русского купечества в развитии торговли с Ираном, несмотря на неблагоприятные условия, сложившиеся здесь.

По таможенным книгам можно определить численный состав различных групп купцов в русско-иранской торговле. Так, например, в 1725 г. из 102 зарегистрированных явок 73 принад-

лежали армянским купцам, 26 — индийским, 3 — дербентским; в 1726 г. из 110 явок 50 приходилось на русских, 23 — на армянских, 28 — на индийских, остальные — на дербентских, тебризских и др.; в 1733 г. из 329 явок 153 принадлежали армянским купцам, 110 — индийским, 17 — русским, остальные — милитинским, татарским и др.; в 1735 г. из 471 явки 200 приходилось на армянских купцов, 153 — на индийских, 28 — на московских и астраханских армян, 23 — на русских, остальные — на милитинских, татарских, азербайджанских купцов; в 1744 г. из 67 явок 14 принадлежали купцам России, остальные 53 — купцам Ирана. Среди них подавляющую часть составляли армяне Джульфинской компании — они имели 41 отправление. Российское купечество было представлено преимущественно московскими и астраханскими армянами. В 1745 г. из 169 явок 57 принадлежали армянам, 25 — индийцам, 23 — астраханским и московским армянам, 44 — русским купцам, 7 — татарам.

На основании этих показателей можно с известной долей вероятности утверждать, что ведущее положение в русско-иранской торговле второй четверти XVIII в. занимали армянские и индийские купцы. Суммы их торговых операций в отдельные годы были достаточно внушительны (табл. 1).

Таблица 1
Привоз в Астрахань иранских и азербайджанских товаров армянскими, индийскими и российскими купцами в 1726, 1733, 1735, 1745 гг.¹²¹

Год	Пункт прибытия и отправления	Фамилия (имя) купца	Наименование, количество и стоимость товаров
1	2	3	4
1726	Индийские купцы		
	Астрахань Москва	Мансарам Басандов	4 пуд. ш.-с. шемах., 1837 анс. цветного шелка и др. Всего на сумму 2470 руб.
	Астрахань Москва	Лиларам Гумнаев	2040 анс. шелка шемах. и др. На сумму 2398 руб.
	Астрахань, Макарьевская ярмарка	Чандырбан Ламидас и Диладас Балоевлов	9 пуд. 16 ф. ш.-с. глян., 2285 анс. шелка шемах. и др. На сумму 3273 руб.
	Астрахань Макарьевская ярмарка	Перемра Предманов	35 пуд. ш.-с. шемах., 762 анс. цветного шелка и др. На сумму 3317 руб.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
	Астрахань Макарьевская ярмарка	Жегатры Фатычандов	33 пуд. ш.-с. глян. и шемах, 1750 анс. цвет- ного шелка и др. На сумму 4 409 руб.
	Астрахань Макарьевская ярмарка	Небагу Чежуев	22,5 пуд. ш.-с. глян., 974 анс. шелка шемах. и гянджин. и др. На сумму 2 278 руб.
		Московские купцы	
	Астрахань Москва	И. Францев	27 пуд. ш.-с. лези, ги- лян. и др. На сумму 1 350 руб.
1733		Индийские купцы	
	Астрахань	Жегатры Фатычандов	39 пуд. меди, 19,5 пуд. ш.-с. и др. На сумму 3 459 руб.
	Астрахань	Пронанда Фатычандов	24 пуд. хлопка и др. На сумму 2 054 руб.
	Астрахань	Рамдас Жесуев	Несколько партий това- ров
	Астрахань	Ажимул Вердыев (тебризец)	Ткани, медь. На сумму 2 628 руб.
		Астраханские купцы	
	Астрахань	А. Скворцов	Товар на сумму 1 060 руб.
		Армянские купцы	
	Астрахань	А. Муратханов (джульфинец)	71 пуд. меди и др.
		Воронежские купцы	
	Астрахань	С. Сахаров	Товар на сумму 2 289 руб.
1735		Индийские купцы	
	Астрахань	Утавара Булакиев	Товар на сумму 2 034 руб.
	Астрахань	Латипрам Гулабриев	Товар на сумму 3 556 руб.
	Астрахань	Рамдас Жесуев	Товар на сумму 6 447 руб. (6 партий)

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
	Астрахань	Жегатры Фатычандов	17 пуд. хлопка, 35 пуд. ш.-с. и др. На сумму 12 752 руб. (8 партий)
	Астрахань	Жударам Утанов	Товары на сумму 2 064 руб. (3 партии)
		Армянские купцы	
		Шемахинцы	
	Астрахань	Д. Аврамов	Товары на сумму 1 980 руб.
	Астрахань	Д. Григорьев	211 пуд. 4 ф. ш.-с. и др. На сумму 1 426 руб.
	Астрахань	И. Захаров	40 пуд. меди, 43,5 пуд. ш.-с. и др. На сумму 2 889 руб.
	Астрахань	С. Иванов	28,25 пуд. шелка цвет- ного, 25 пуд. 13 ф. ш.-с. и др. На сумму 2 927 руб.
		Тифлисцы	
	Астрахань С.-Петербург	С. Григорьев	95 пуд. 16 ф. ш.-с. лези
		Джульфинцы	
	Астрахань	Е. Давыдов	60 пуд. хлопка и др. На сумму 1 819 руб.
	Астрахань С.-Петербург	А. Муратханов	135 пуд. 8 ф. ш.-с.
	Астрахань	М. Яковлев	Товар на сумму 1 806 руб.
	Астрахань	Н. Назаров	79 пуд. 29 ф. ш.-с. лези
		Акулисцы	
	Астрахань	Г. Каспаров	69 пуд. 21,5 ф. ш.-с. ле- зи. На сумму 3 476 руб.
	Астрахань	П. Макаров	Товар на сумму 2 221 руб. (две партии)
		Московские купцы	
	Астрахань	Г. Колобов	Товар на сумму 2 783 руб.
	Астрахань С.-Петербург	Б. Христофоров	340 пуд. ш.-с. лези, 48 пуд. 15 ф. цветного

1	2	3	4
			шелка. Весь товар на сумму 5 093 руб. (9 партий)
Астрахань	И. Францев		39 пуд. 25 ф. ш.-с. лези
Астрахань	Д. Яковлев		Товар на сумму 4 253 руб. (две партии)
Астрахань	Е. Михайлов		142 пуд. меди
Астрахань	И. Ладыгин (из Борисоглебской слободы)		28 пуд. ш.-с. лези, 7 пуд. 15 ф. хлопца и др. На сумму 4 256 руб.
Астрахань	Я. Курочкин (из Устюга Великого)		57 пуд. 6 ф. меди, 12 пуд. 34 ф. ш.-с., 10 ниток жемчуга, 5 перстней золотых и др.
	Астраханские купцы		
Астрахань	А. Григорьев		5 партий товаров
Астрахань	А. Скворцов		
	Курские купцы		
Астрахань	П. Пастухов		Две явки товаров на сумму 1 529 руб.
Астрахань	М. Иванов		Товар на сумму 2 096 руб. (2 партии)
1745	Армянские купцы		
	Астраханцы		
Астрахань	Ш. Алябов		Товар на сумму 3 858 руб.
Астрахань	Анастас		Товар на сумму 5 342 руб.
Астрахань	К. Бунинатов		Товар на сумму 3 108 руб.
Астрахань	Ф. Кобяков		Товар на сумму 3 005 руб.
Астрахань	Н. Петров		Товар на сумму 2 499 руб.

1	2	3	4
	Шемахинцы		
Астрахань	Д. Григорьев		Товар на сумму 2 662 руб.
Астрахань	С. Иванов		Товар на сумму 10 009 руб.
Астрахань	П. Григорьев		Товар на сумму 3 931 руб.
	Парагинцы		
Астрахань	М. Артемьев		Товар на сумму 4 347 руб.
Астрахань	А. Давыдов		Товар на сумму 2 309 руб.
	Индийские купцы		
Астрахань	Богари Аламчандов		Товар на сумму 8 183 руб.
Астрахань	Латчирам Гулабриев		Товар на сумму 5 964 руб.
Астрахань	Арамдас Жесуев		Товар на сумму 2 828 руб.
Астрахань	Сухолид Дермульев		Товар на сумму 2 305 руб.
Астрахань	Амврдас Мултанцев		Товар на сумму 4 311 руб.
Астрахань	Жегатры Фатычандов		Товар на сумму 3 540 руб.
	Российские купцы		
	Московские		
Астрахань	Я. Евреинев		Товар на сумму 5 259 руб.
Астрахань	Д. Ситников		Товар на сумму 1 535 руб.
	Курские		
Астрахань	К. Перетыхев и Н. Яковлев		Товар на сумму 5 138 руб.

1	2	3	4
<i>Тульские</i>			
Астрахань	И. и Ф. Лучинины	Товар на сумму 1 790 руб.	
Астрахань	Т. и А. Пастуховы	Товар на сумму 4 476 руб.	
<i>Астраханские</i>			
Астрахань	Г. Сквориов	Товар на сумму 3 141 руб.	
Астрахань	Т. Лошкарев		
<i>Английские купцы</i>			
Астрахань	Вульф Нипер и Газен-феллер	Товар на сумму 22 740 руб., в том числе 413 пуд. ш.-с.	
Астрахань	Томсон и Питерс	Товар на сумму 2 147 руб. (ш.-с.)	

Армянские купцы были в своей массе выходцами из разных областей и городов, среди них были жители Армении, Азербайджана, Грузии, Гиляна и некоторых других провинций. Так, например, в списках встречаются имена джувльфинских, акулиских, ереванских, нахичеванских, гянджинских, капанских, шемахинских, дербентских, бакинских, астрабадских, тифлиских и других купцов.

Российское купечество по своему составу тоже было довольно пестрым. Наиболее заметную роль играли московские и астраханские армяне. Наряду с ними в таможенных книгах часто упоминаются купцы из Тулы, Костромы, Ярославля, Муром, Симбирска, Казани, Нижнего Новгорода, Курска, Воронежа, Чебоксар, Саратова и других русских городов¹²⁰.

Данные, приведенные в табл. 1, характеризуют степень участия купцов разных национальностей в русско-иранской торговле второй четверти XVIII в. В нее выборочно включены фамилии лишь тех представителей купечества, которые относительно регулярно посещали Астрахань с торговыми целями и у которых имелись товары на сравнительно большие суммы. Некоторые из купцов сочетали предпринимательскую и торговую деятельность. Среди них Т. Лошкарев и А. Сквориов — астраханские армяне, перевозившие грузы по Каспию на своих судах¹²¹, М. Макаров —

«московских мануфактур шелковых заводов содержатель»¹²², И. Францев¹²³, С. Васильев¹²⁴, Евреиннов¹²⁵, М. Верейнов¹²⁶.

Обширной коммерческой деятельностью занимался московский армянин Богдан Христофоров¹²⁷, связавший свою судьбу с Россией еще при Петре I. Поселившись в Москве, он обзавелся семьей и пожелал там остаться навсегда¹²⁸. В 1718 г. Б. Христофоров совместно с другими армянскими купцами обратился к государю-императору с просьбой разрешить им торговать в Москве на одинаковых условиях с другими подданными «против московских торговых людей в лавках»¹²⁹.

В течение длительного времени, как это видно из таможенных книг и других документов, тот же Б. Христофоров, опытный купец и предприниматель, вел оживленную торговлю с Ираном, регулярно совершал коммерческие поездки в Иран, предьявляя в астраханской таможне большие партии товаров, в которых особое место занимал шелк-сырец. Он участвовал также в транзитной торговле, вывозя из Ирана большие партии шелка-сырца в Санкт-Петербург и далее на Запад, а оттуда вывозил на очень крупные суммы немецкие, английские и голландские сукна — кармазины, полукармазины, стамеды, гарус.

Как показывают материалы таможенных книг (см. табл. 1), кроме московских и астраханских армян значительную роль играли шемахинцы — С. Иванов¹³⁰ и И. Захаров¹³¹, акулиский торговец Г. Касиаров¹³², джувльфинец А. Муратханов¹³³ и многие другие. Среди индийских купцов особое место в русско-иранской торговле занимали Жегатры Фатычандов¹³⁴, Рамдас Жесуев¹³⁵, Латчирам Гулабриев¹³⁶ и др. Двадцать с лишним лет многие из них вели обширную торговлю с Россией, регулярно приезжали в Астрахань, а оттуда направлялись вверх по Волге в русские города, главным образом в Москву, приволжские центры и Санкт-Петербург, но особенно хорошо налаженными были их связи с Астраханью. Неоднократно бывал в этом городе и милитинец Артемий Григорьев¹³⁷.

Среди российских купцов (помимо уже названных московских и астраханских армян) следует выделить курских — Яковлева и Перетьшьева¹³⁸, тульских — Пастуховых и Лучининых¹³⁹, устюжских — Курочкина и Михайлова¹⁴⁰, борисоглебского — Ладыгина¹⁴¹ и др. Естественно, этим перечнем не исчерпывается круг лиц, принимавших участие в торговле России с Ираном. Чтобы полнее представить себе значение отдельных групп купцов в торговых связях двух государств, целесообразно определить по таможенным книгам долю их участия в иранском экспорте и импорте (табл. 2).

При всей относительности и приблизительности этих сведе-

Таблица 2

Участие различных групп купцов в иранском экспорте¹⁴⁴

Год	Группы купцов							
	армяне		индийцы		русские		прочие	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс.	%	тыс. руб.	%
1726	3,5	5,8	33,0	55,0	17,5	29,2	6,0	10,0
1733	54,5	42,0	43,8	33,7	30,0	23,1	1,5	1,2
1735	89,0	42,6	83,0	38,7	28,0	13,4	9,0	4,3
1745	73,8	39,6	40,7	21,8	31,9	17,1	40,1	21,5

ний можно с полным основанием утверждать, что индийские и армянские купцы занимали ведущее место в русско-иранской торговле. Их торговые обороты были весьма значительны и составляли в отдельные годы от 1/2 до 2/3 всего иранского экспорта в Россию. Одновременно торговые операции русских купцов, особенно московских и астраханских армян, также занимали видное место. На их долю приходилось от 1/5 до 1/3 всего иранского экспорта.

Что касается иранского импорта, то он, если судить по таможенной книге «Отпускные товары 1744 г.», в среднем равнялся 245 — 246 тыс. руб. В импорте главную роль также играли армянские купцы из Ирана. В их руках было сосредоточено около 3/4 товарного объема иранского импорта, что в денежном выражении составляло около 194 тыс. руб. Немаловажное значение в поставках товаров в Иран принадлежало также российским купцам (это были главным образом астраханские и московские армяне). Их торговые обороты превышали 51 тыс. руб. и составляли 1/5 часть всего иранского импорта.

Таможенные книги позволяют увидеть и заметное повышение степени концентрации торгового капитала в относительно небольших группах индийского и армянского купечества, которые играли видную роль в межнациональной торговле. Значительная часть товарных грузов (в стоимостном выражении) все больше сосредотачивалась в руках этой категории купечества. Так, например, по одной книге на «явленные деньги» за 1726 г. только 7 индийских купцов из 110 зарегистрированных в ней предъявили в таможене 18 145 руб. для товарных закупок, что равнялось 30,2 % от всех «явленных денег». Это усиление тенденции к укрупнению капиталов в руках отдельных групп купцов наблюдается, хотя и с некоторыми отклонениями, и в 30-е гг. XVIII в. Так, в 1733 г., по тем же источникам, 9 индийских купцов из 108, зарегистрированных в этой книге, доставили товаров на 14 589 руб.; одновременно 16 чел. из 153 армянских

купцов предъявили товары на 25 504 руб. В общей сложности более трети всей стоимости учтенных таможенной товаров числилось за крупными купцами, которые составляли лишь 1/13 часть всех прибывших в Астрахань и зарегистрированных в таможене. Те же документы за 1735 г. показывают, что на долю 60 восточных купцов, представляющих 1/5 часть прибывших в Астрахань торговцев, приходилось 92 тыс. руб. «явленных денег» для покупки товаров. В целом это составляет 62,5 % от всей суммы «явленных» денег. Примерно то же наблюдается и в 40-е гг.

Цифровые данные, извлеченные нами из разрозненных и часто незавершенных таможенных книг, разумеется, не могут дать полной и абсолютно верной картины в развитии русско-иранской торговли за вторую четверть XVIII в. Однако недостаток этих документов в полноте и систематичности зафиксированных сведений может быть в известной мере восполнен так называемой «таблицей ведомостей», в которой проведен последовательный учет цифровых показателей не только по русско-иранской, но и по транзитной торговле за период с 1737 по 1744 г. В этом официальном документе подытожены сведения по астраханской и Санкт-Петербургской таможням.

Сопоставление тех и других источников дает возможность более полно оценить общий характер русско-иранских торговых связей, определить уровень и объем торговли.

Для наглядности приведем табл. 3, которая дает представление о доле купцов разных государств в импорте иранских товаров в Петербург. Из нее видно, что ведущее место здесь принадлежало армянским купцам, за ними следовали иранские, индийские и русские купцы. Участие английских купцов было крайне ничтожным.

Таблица 3

Импорт иранских товаров в Санкт-Петербург, руб.¹⁴⁵

Год	Купцы				
	русские	армянские	индийские	персидские	английские
1737	76 670	99 346	90 948	—	—
1738	42 597	54 892	57 034	—	—
1739	94 008	179 190	186 878	49 257	—
1740	53 864	221 212	109 201	178 112	887
1741	44 470	201 194	72 823	135 411	100
1742	60 890	18 632	15 726	30 054	—
1743	75 987	356 281	64 297	176 620	13 288
1744	175 005	467 192	64 173	325 430	94 501
Итого	632 491	1 597 939	661 080	1 042 216	175 314

Для всестороннего учета данных, характеризующих роль различных групп купцов в русско-иранской торговле, следует использовать материалы как по импорту, так и по экспорту русских товаров в Иран (табл. 4).

Таблица 4
Экспорт товаров из Петербурга в Иран, руб.¹⁴⁶

Год	Купцы				
	русские	армянские	индийские	персидские	английские
1737	38 747	134 144	26 512	—	—
1738	14 707	332 700	21 312	23 912	—
1739	52 667	241 220	24 834	42 198	—
1740	55 101	254 397	87 404	40 854	—
1741	45 109	362 655	52 800	10 359	17 517
1742	47 685	261 044	20 935	11 165	23 059
1743	117 017	433 564	53 384	13 024	123 571
1744	70 897	464 315	24 739	22 002	326 452
Итого	441 930	2 484 039	311 920	163 514	490 599

По данным табл. 4, в экспорте товаров в Иран армянское купечество занимало первое место, второе принадлежало английским купцам, провозившим свои товары по Волжско-Каспийскому пути, за ними следовали русские, индийские, на последнем месте были иранские купцы.

Сопоставляя статистический материал табл. 3 и 4, можно сделать предварительные выводы о том, что в русско-иранском товарообороте, в первую очередь с участием персидского купечества, а также индийского и русского, суммы ввоза преобладали над суммами вывоза в Иран. Персидские купцы вывозили из Ирана товаров примерно в 6 раз больше, чем ввозили, что, несомненно, было экономически выгодно Ирану. В отличие от персидских, индийских и русских, армянские и английские купцы больше товаров ввозили в Иран, чем вывозили из него.

Тщательно сгруппированные и сопоставленные в этом официальном документе данные по русско-иранскому товарообороту убедительно свидетельствуют о том, что иранский ввоз в Россию и русский вывоз в Иран были примерно равновелики. Во всяком случае, если даже в тот или иной год и можно заметить некоторый разрыв между ними, то он оказывается небольшим (в пределах 5 %). Суммированные показатели за 8 лет выглядят так: экспорт составил 3 892 003 руб., импорт — 4 109 040 руб.¹⁴⁷

В известном труде П. Г. Буткова приводятся несколько иные данные, которые расходятся с приведенными: экспорт — 3 598 162 руб., импорт — 2 429 913 руб.¹⁴⁸ Такая разница объясняется тем, что названный автор не принимал в расчет торговую

деятельность индийских и персидских купцов. Показатели того же исследователя по торговым операциям русских, армянских и английских купцов в русско-иранских отношениях за те же годы совпадают с показателями, взятыми из Сводной ведомости¹⁴⁹.

Однако по вопросу об общем характере русско-иранской торговли, вернее, о соотношении экспорта и импорта во второй четверти XVIII в., в научной литературе существует и другая точка зрения. Так, А. И. Юхт в своих статьях довольно настойчиво подчеркивает, что русско-иранский товарообмен в изучаемое время (даже в самые благоприятные годы) был далеко не эквивалентным. «Россия, — пишет автор, — имела пассивный баланс в торговле с Персией: в среднем импорт превышал экспорт в 2,5 раза»¹⁵⁰. При этом свое заключение исследователь не пытается как-либо соотнести с общей внешнеэкономической ориентацией России.

Нам же данный вывод представляется неубедительным и преждевременным¹⁵¹, поскольку он основан на абсолютизации данных, извлеченных из отдельных разрозненных таможенных книг, и на недооценке систематизированных показателей, приведенных в официальной таблице Сводной ведомости 1745 г., составленной на той же астраханской таможне. Очевидно, создание этой ведомости (как и последующих с подытоженными цифровыми данными) не было случайным проявлением самостоятельности отдельных чиновников, а явилось результатом определенной активной политики строгого учета движения товаров во внешней межгосударственной торговле.

В этой связи, как нам кажется, следует несколько ограничить распространенное в исторической литературе мнение о том, что Россия по отношению к восточным товарам проводила протекторную политику, диаметрально противоположную (или коренным образом отличающуюся) той, какую она применяла к западноевропейским товарам. Обычно это мотивируется тем, что восточные страны в ту пору не представляли никакой опасности для России, не являлись конкурентами для русской промышленности¹⁵². Такое объяснение правомерно только отчасти, поскольку оно находится в некоем противоречии с вышеприведенным выводом того же автора об общем характере русско-иранской торговли. Если согласиться с его наблюдением, то остается неясным, почему же у Ирана торговый баланс активный, а у России — пассивный.

В действительности проводимая внешнеэкономическая политика России была активной политикой зрелого меркантилизма, начатой еще Петром I. Как показывают документы, правительственные и деловые круги России постоянно стремились контролировать уровень внешней торговли, не допускать большого разры-

ва между экспортом и импортом. Эта политика не являлась безоглядно-поощрительной и в отношении восточных изделий. Она отличалась гибким и дифференцированным подходом как в вывозе товаров на Восток, так и в привозе их в Россию. Лучшим свидетельством этому являются разработанные планы и требования губернатора Астрахани В. Н. Татищева. Последовательно защищая в России систему торгового баланса, он в 40-х гг. направил в Коммерц-Коллегию специальный проект («Рассуждение о товарах привозных и отвозных Астраханского порта»)¹⁵², в котором был тщательно разработан комплекс тарифных правил и мер, предназначенных для регулирования, с одной стороны, притока товаров с Востока, с другой — их экспорта из России.

В документе рекомендовалось облагать «легкою пошлиною» экспортируемые изделия обрабатывающей промышленности («все российские изделия»), «посредственною пошлиною» — избыточное промышленное сырье и продовольственные культуры (в урожайные годы), а все остальное сырье и продовольственные культуры (в неурожайные годы) «отяготить пошлиною, чтобы вывоз удержать». Предлагалось запретить вывоз золота и серебра в слитках, посуде, монете, кроме тех, стоимость которых составляла больше половины их цены.

Разумеется, импорт благородных металлов всячески приветствовался, предлагалось освобождать его от каких-либо пошлин. Особое «облегчение» предусматривалось для русских купцов, занимающихся транзитной торговлей. Предлагалось также отменить пошлины с тех товаров, которые не производились или мало производились в России (особенно сырье и под.).

Главная цель таких мер — способствовать развитию собственной промышленности («дабы чрез оные фабрики русские размножаются»). Отсюда вытекает четкое разграничение и мотивированное практическое применение разных видов пошлин на «заморские» товары. Сравнительно легкие обложения (т. е. «малые и средние пошлины») должны были распространяться на те восточные изделия, которые «хотя не весьма нужные, но полезные и в России не делаются». Высокие обложения при импорте предписывалось применять к тем иностранным товарам, которые «фабрикам русским помешательны» и их «в России лучше можно делать»¹⁵³. Как астраханский губернатор, В. Н. Татищев не ограничивался проектами, в своих донесениях в Коммерц-Коллегию он протестовал против ввоза предметов роскоши, требовал запретить продажу в России и на Украине парчи и тканых кушаков с золотом и серебром, завезенных в Астрахань из Ирана. При этом он решительно настаивал, чтобы русские купцы подобные товары сбывали за границу, а иранские купцы отправляли их обратно в Иран¹⁵⁴.

С целью обезопасить русское купечество от восточной конкуренции В. Н. Татищев требовал также установить запрет для иранских купцов вести розничную торговлю («в розницу ни в котором городе не торговать»), ограничить их только оптовой продажей («оптом кинами и с таями не меньше трехсот рублѣв») товаров, которые вывозились из Ирана и Западной Европы¹⁵⁵.

Являясь влиятельным государственным деятелем, губернатором Астрахани, В. Н. Татищев настойчиво и последовательно проводил линию на поддержание в России активного баланса в ее связях со странами Востока. Для эффективного осуществления такой политики он считал необходимым, во-первых, всемерное развитие предприятий («размножение» и «умножение» шелковых и бумажных фабрик, особенно в Астрахани и Кизляре), которые изготавливают товары на экспорт и для возмещения импортируемых изделий; во-вторых, ограничение тех ввозных товаров (т. е. «пресечение вывоза из Персии непотребных товаров»), без которых страна может обойтись¹⁵⁶. Причем он не только выдвигал такие требования, но и практически содействовал их реализации.

Все приведенные факты и соображения с несомненностью доказывают, что без конкретно-исторического учета всей совокупности экономических и торговых мероприятий деловых и правительственных кругов России нельзя понять истинный характер как русско-иранского, так и восточно-русского товарообращения во второй четверти XVIII в.

Что касается структуры русско-иранской торговли в рассматриваемый период, то таможенные книги и здесь могут серьезно расширить возможности изучения этой проблемы, особенно в области так называемой шелковой торговли. Если в XVII и начале XVIII в. Россия стремилась привлечь к себе всю шелковую торговлю между Востоком и Западом с целью использования выгод от транзита, то во второй четверти XVIII в. картина меняется: русская шелкоткацкая промышленность становится активным потребителем иранского и закавказского шелка-сырца. Эти шелка, по показанию эксперта Мануфактур-Коллегии Олара, стоили вдвое дешевле европейских¹⁵⁷. По тем же сведениям, количество шелка, ввозимого в Россию в середине XVIII в., составляло ежегодно около трех тысяч пудов. В 1753 г. в связи с нехваткой шелка для русских фабрик было даже запрещено вывозить его через Россию на Запад — «за море не отпускать»¹⁵⁸. Свидетельство Олара о ежегодных размерах ввозимого в Россию иранского шелка-сырца не представляется возможным полностью подтвердить материалами таможенных книг, поскольку последние, как указывалось выше, охватывают лишь часть календарного года. Но это обстоятельство, немаловажное само по

себе, не может снизить общего значения таможенных книг для изучения рассматриваемой проблемы.

Приведем некоторые данные о поступлении шелка-сырца в Россию за отдельные годы: в 1726 г. — 1940 пуд. 17 ф., 1733 г. — 1231 пуд., 1735 г. — 4644 пуд. Уже по этим сведениям можно судить о том, что торговля шелком занимала ведущее место в связях России с Ираном. Одновременно наблюдаются и резкие колебания в притоке шелка-сырца в Россию. Наибольшее количество привоза падает на 1735 г., причем объем ввоза в 1735 г. в полтора раза превосходит тот объем, который засвидетельствовал Одар. Разумеется, пока затруднительно объяснить причину такого скачка: может быть, материалы за этот год сохранились более полно, чем за прошлые годы, а возможно, сказались некоторые поощрительные меры со стороны русского правительства. По спискам экспортных иранских товаров, имеющимся в таможенных книгах, можно определить виды и сорта шелка-сырца. У значительной части купцов зарегистрирован шелк-сырец лези и ардаш, гилянский или шемахинский.

Приведем отдельные сравнительные данные по годам, характеризующие количественный состав купцов, принимавших участие в вывозе иранского и азербайджанского шелка-сырца (табл. 5).

Привоз иранского шелка в Россию

Год	Общее количество зарегистрированных привозов купцов из Ирана в Россию	Общее количество купцов с шелком
1726	110	50
1733	329	33
1735	417	80
1745	169	22

Из этих данных можно заключить, что примерно 1/5 часть торговцев, прибывающих в Астрахань с иранскими товарами, вывозили шелк-сырец. Главными поставщиками иранского и азербайджанского шелка-сырца были прикаспийские провинции — Гилян, Мазендеран и Ширван.

Произошли изменения в составе купцов, торговавших иранским шелком-сырцом. Если раньше, в XVII — начале XVIII в. его экспорт считался монополией Джульфинской компании, то во второй четверти XVIII в. в этом деле стали участвовать индийцы, армяне (не джульфинцы), а также русские подданные, главным образом москвичи и астраханцы. Однако армянское ку-

печество по сравнению с другими представителями торгового посредничества продолжало играть важную роль в торговле шелком-сырцом. Это видно хотя бы из того, что из общего числа купцов, прибывающих из Ирана в Астрахань с шелком, подавляющая часть была представлена армянами.

Из Астрахани с разрешения таможи шелк отправлялся в Москву, на Макарьевскую ярмарку, в другие города России, а также в Санкт-Петербург для экспорта в Западную Европу.

Помимо упоминавшихся выше сортов шелка-сырца на экспорт шел так называемый вареный или сделанный, т. е. уже пряденый, причем разных видов и разной окраски. Выделялись сорта по месту их производства: гилянский, шемахинский, дербентский, гянджинский, ардевильский, тебризский. Из этого следует, что родиной пряденного шелка были те же прикаспийские провинции — Азербайджан и Гилян. Из года в год (мы имеем в виду 20 — 40-е гг. XVIII в.) в иранском экспорте наблюдается рост объема пряденного и сученого шелка. Его было вывезено в 1725 г. на 18681 руб., в 1735 г. — на 33671 руб. и в 1745 г. — на 63487 руб.

Торговля пряченым шелком осуществлялась все теми же группами купцов. Например, в 1726 г. индийскими купцами было вывезено в Астрахань пряденного шелка на 18000 руб., а в 1745 г. — на 22723 руб. Но если сопоставить общие оценочные суммы вывоза шелка-сырца и пряденного, то станет очевидно, что первого вывозилось значительно больше.

В целом шелк-сырец и пряденый составляли преобладающую часть иранского экспорта в Россию. Это связано с тем, что русская шелкоткацкая промышленность все больше становилась главным потребителем иранского шелка. Активными проводниками ирано-русской торговли шелком были армянские и индийские купцы.

Помимо шелка (сырца и пряденного) хлопчатобумажная промышленность России потребляла иранский и закавказский хлопок, который с течением времени стал занимать видное место в экспорте. Хлопок вывозился в Россию, как правило, из Азербайджана и Мазендерана. В 1726 г. в Астрахань было завезено более 500 пуд. хлопка, в 1733 г. — 560 пуд., в 1735 г. — 1206 пуд. В экспорте иранского и азербайджанского хлопка также особую роль играли индийские, армянские и русские купцы.

В России находили сбыт различные иранские и азербайджанские ткани — шелковые и хлопчатобумажные, знаменитые иранские ковры. Спрос на ткани, а также на изделия из них был велик среди различных сословий России. Если дорогие их сорта удовлетворяли спрос состоятельных слоев населения, то

дешевые ткани и изделия из них находили сбыт среди простолюдов страны.

В числе импортируемых товаров называется и медь — «медьдом». Так, в 1726 г. в Россию было ввезено 800 пуд. меди, а в 1733 г. — свыше 2 тыс. пуд., в 1735 г. — примерно столько же. Поставлялась медь уже известными провинциями — Гиляном и Мазендераном. Таким образом, Россия представляла для Ирана емкий рынок сбыта не только сырья, но и изделий иранского ремесла: разнообразных тканей, сафьянов, ковров; отсюда экспортировались драгоценные камни¹⁶⁰ и продовольственные товары¹⁶¹.

В российском экспорте в Иран следует разграничивать товары русского и западноевропейского происхождения. Среди них — ремесленные и промышленные изделия, товары мануфактурного производства, продовольствие. Большое место в этом экспорте занимала торговля сукном. По данным книги за 1744 г., в Иран было ввезено кармазинов на 175 058 руб., стамедов — на 7 483 руб., тонкого сукна — на 9 999 руб., общая сумма всех сукон составила 192 540 руб.¹⁶²

Кроме сукон европейского происхождения в русском экспорте встречаются дешевые ткани: сукно сермяжное, холст, русская пестрядь¹⁶³. В Иран ввозились и краски: брусковая, кошениль, «чернильное семя»; по той же книге, за 1744 г. в Иран было экспортировано брусковой краски на 30 302 руб., кошенили — на 3 883 руб., «чернильного семени» — на 7 971 руб. Общая сумма составила 42 163 руб.

В некоторых книгах иногда встречаются сведения о торговле мехами. Известно, что «мягкая рухлядь» вывозилась из России в Иран с давних времен, несмотря на это в таможенных книгах весьма редко и скупо отмечается торговля пушиной. Так, в книге за 1726 г. мы находим только упоминание об отпущении «кошачьего», «лисыного», «белчиного» мехов¹⁶⁴. Это подтверждается материалами книги за 1735 г.¹⁶⁵ Отсутствие в документах более точных сведений, вероятно, не случайно: торговля дорогими мехами была монополией царской казны и потому не фиксировалась в таможенных книгах и не отражалась в делах обычной таможенной канцелярии. Есть основание полагать, что русская пушнина и во второй четверти XVIII в. большими партиями отправлялась в Иран.

В этих же документах имеются данные о торговле кожами¹⁶⁶, металлическими изделиями (иголками, паперестками, ножами, ножницами, медными замками)¹⁶⁷, писчей бумагой¹⁶⁸, хрустальной и фарфоровой посудой¹⁶⁹, а также зеркалами; есть ряд упоминаний и о вывозе из России продовольственных товаров: масла (1 140 пуд.)¹⁷⁰, сала, сахара¹⁷¹ и др.

Этими сведениями по экспорту русских товаров в Иран можно было бы ограничиться. Однако из приведенного материала видно, что русский экспорт в таможенных книгах освещен далеко не полно. Поэтому данный пробел можно в какой-то мере восполнить привлечением сведений из других фондов¹⁷².

Следует обратить внимание на новое отношение русского правительства к европейско-восточной торговле через территорию России по сравнению с предыдущим периодом. Если в XVII в. европейским купцам проезд в Иран через Россию был запрещен, право транзита в Европу и обратно предоставлялось только джувльфинским монополистам в торговле шелком-сырцом, то во второй четверти XVIII в. эта традиция была явно нарушена: право вести транзитную торговлю получили как европейские, так и восточные купцы, которые не входили в состав Джувльфинской компании. Более того, в 1734 г. был заключен русско-английский торговый договор, согласно которому английским купцам, в свою очередь, было разрешено провозить и вывозить свои товары в Иран и из Ирана по Волжско-Каспийскому пути, уплачивая при этом только трехпроцентную пошлину с оценочных сумм товаров.

В 1738 г. англичане учредили в Гиляне свою торговую факторию¹⁷³. Примерно с 1741 г. они стали регулярно вести транзитную торговлю с Ираном. В «Книге привозным заморским товарам» за 1745 г. зарегистрировано несколько случаев отправок из Астрахани английских купцов¹⁷⁴. Если судить по этим данным, то англичане вывезли из Ирана через Астрахань 777 пуд. шелка-сырца¹⁷⁵. Однако впоследствии, в связи с активной деятельностью английских купцов, «направленной к расстройству русско-восточной торговли», правительство особым указом от 23 ноября 1746 г. запретило им транзит в Иран и обратно, в результате чего английская торговля с Ираном по Волжско-Каспийскому пути пошла на убыль. Данное положение подтверждается английским коммерсантом Дж. Ханвеем: так, если экспорт западных товаров в Иран в 1742 г. взять за точку отсчета, т. е. за 100 %, то в 1743 г. по отношению к избранному уровню он составлял 85,2 %, в 1744 г. — 60,3, в 1745 г. — 48,7 и в 1746 г. — 11,7 %¹⁷⁶.

В фонде Коммерц-Коллегии хранятся две ведомости, характеризующие ввоз шелка-сырца в Санкт-Петербург для вывоза за рубеж. Первая охватывает период с 1735 по 1746 гг.¹⁷⁷, т. е. время действия торгового договора с Англией, заключенного в 1734 г. и аннулированного Россией в 1746 г., вторая относится к 1746 — 1751 гг. Характерно, что в ней, в отличие от первой, учитываются не только ввоз шелка-сырца в Санкт-Петербург, но и вывоз на Запад армянами, русскими и англичанами¹⁷⁸. На осно-

вания этих двух ведомостей для большей наглядности приведем две таблицы (6, 7), они помогут раскрыть динамику развития транзитной торговли шелком-сырцом и период действия русско-английского торгового договора и после его отмены.

Таблица 6
Экспорт иранского шелка-сырца на Запад
через Санкт-Петербург (1735 — 1746 гг.)¹¹⁹

Год	Кол-во шелка-сырца
1735	2 426 пуд. 31 ф.
1736	2 308 пуд. 4 ф.
1737	1 480 пуд. 1 ф.
1738	1 042 пуд. 5 ф.
1739	212 пуд. 31 ф.
1742	1 723 пуд. 21,5 ф.
1743	2 071 пуд. 9 ф.
1744	8 508 пуд. 0,5 ф.
1745	3 238 пуд. 32 ф.
1746	3 518 пуд. 20 ф.
Итого	26 529 пуд. 86,3 ф.

Таблица 7
Экспорт иранского шелка-сырца на Запад
через Санкт-Петербург (1747 — 1751 гг.), пуд.¹²⁰

Год	Купцы					
	армяне		русские		англичане	
	транзит	вывоз	транзит	вывоз	транзит	вывоз
1747	1 745	1 256	—	555	—	1 278
1748	1 419	1 360	17	—	271	271
1749	840	971	—	—	740	740
1750	3 585	3 416	367	227	—	—
1751	810	960	60	165	—	—
Итого	8 399	7 963	444	947	1 011	2 289

Само появление названных ведомостей не было простой случайностью: правительственные органы изучали этот вопрос, выработывая новое отношение к ирано-европейскому транзиту через Волжско-Каспийский путь в связи с участием в нем различных групп купцов.

Как показывают материалы табл. 6 и 7, среднегодовой привоз шелка-сырца в Санкт-Петербург с целью транзита за рубеж колебался от 2,7 тыс. пуд. в 1735 — 1746 гг. до менее 2 тыс. пуд. в 1747 — 1751 гг. В последнем случае уменьшение вывоза шелка-

сырца, очевидно, связано с сокращением английского транзита.

Поскольку в сиранейской литературе имеются другие сведения и суждения по вопросу о транзите иранского шелка через территорию России, то есть прямая необходимость сопоставить данные нашего источника с этими известными материалами. Так, в книге английского коммерсанта-путешественника Дж. Ханвея приводятся относительные показатели по вывозу шелка-сырца через Россию с 1743 по 1749 г. Правда, представлены они не в абсолютных цифрах, а в процентах, при этом за точку отсчета берется 1743 г. Стремясь достичь сопоставимости при сравнении цифровых величин, наши данные, содержащиеся в табл. 6 и 7, мы также приводим в процентном выражении и берем те же годы (табл. 8).

Таблица 8
Вывоз иранского шелка-сырца в Западную Европу
через Санкт-Петербург за 1743 — 1748 гг.

По данным Дж. Ханвея ¹²¹		По данным Коммерц-Коллегии ¹²²	
год	%	год	%
1743	100	1743	100
1744	41,6	1744	410,8
1745	51,6	1745	156,3
1746	42,0	1746	169,9
1747	10,8	1747	84,3
1748	10,0	1748	82,4
1749	27,5	1749	76,3

Из приведенных и сопоставленных материалов видно, что два источника дают неодинаковые данные.

Чем же можно объяснить столь разноречивые свидетельства двух документов, отражающих одно и то же историческое явление? Помещенная выше табл. 7 в какой-то мере помогает нам уяснить это кажущееся противоречие. Из нее мы узнаем, что основными проводниками, посредниками в транзитной торговле шелком-сырцом между Ираном и европейскими странами в изучаемые годы были все те же армянские купцы. Что касается английских коммерсантов, то они после аннулирования Русской торговой договора с Англией в 1746 г., по-видимому, сократили свои поездки по Волжско-Каспийскому пути и английская транзитная торговля стала заметно сокращаться, а в 1750 г. вообще прекратилась.

Сведения, сообщаемые Дж. Ханвеем, очевидно, и отразили эту особенность в транзите шелка-сырца в Европу, которая была

непосредственно связана с торговой деятельностью английских купцов. Однако вывоз иранского и закавказского шелка-сырца в Европу продолжался, и в отдельные годы довольно успешно, что и зарегистрировали русские источники, по приоритет, как уже было сказано, имело армянское купечество.

Рассмотренные документы позволяют сделать вывод о том, что во второй четверти XVIII в. наряду с русско-иранской торговлей продолжала развиваться и европейско-восточная (особенно торговля шелком-сырцом), которая осуществлялась через территорию России, главными ее посредниками были армянские купцы, но в отдельные годы (с 1734 по 1746 г.) активную роль играли и англичане.

Материалы астраханских таможенных книг позволяют судить и о таможенной политике царского правительства. Размеры пошлинных сборов были едиными как для ввозимых, так и для вывозимых товаров, однако разница между размерами сборов с русских и восточных купцов, с одной стороны, и с английской компании — с другой, была очень существенной. Если пошлины с русских и восточных купцов составляли 1/18 часть всей стоимости товаров, то пошлинные сборы с товаров, принадлежащих английским купцам, были равны 1/13 части. Это еще раз свидетельствует о несомненной политике поощрения в отношении торговли русского и восточного купечества по сравнению с купцами Западной Европы.

В общий таможенный сбор включались: пошлина со всех товаров по 5 коп. с 1 руб.; так называемые перекупные с «вещих» товаров по 3/4 коп. с 1 руб.; «вещные» по 1/2 коп. с 1 руб.; пошлина, взимаемая в Петербурге, составляла 1/10 часть всех пошлин, взимаемых в других пунктах («со всей пошлины Санкт-Петербургская по 10 копеек с рубля»).

Русско-английский трактат 1734 г. урегулировал размер пошлин на товары английских купцов, установив его в размере 3 % всей стоимости товаров. Взимались они в Петербурге «ефимками»¹⁶³, а в Астрахани — русскими деньгами, «считая на каждый ефимок по 125 копеек».

Необходимо учесть еще один момент. Пошлины с товаров, экспортируемых и импортируемых англичанами, брались постоянно и неизменно. С товаров, ввозимых в Иран русскими и восточными купцами, они нередко не взимались до особого распоряжения. В документе прямо отмечалось: «С отпущенных из Астрахани в Персию по силе присланного из бывшего Астраханского магистрата в 720-м г. мая 6-го, да из Астраханской губернской канцелярии в 739-м г. декабря 26-го числа указов пошлина не брана, а взяты с купцов подписки с поруками, ежели

ипредь повелено будет взять, чтоб им тое пошлину заплатить, а с вывозного из Персии по торговому уставу взята»¹⁶⁴. Вакмалась ли впоследствии полагающаяся пошлина или нет, неизвестно. Интересно, что такие приписки повторяются, они обычно встречаются в тех случаях, когда речь идет о ввозе товаров в Иран. Это дает возможность предполагать, что для поощрения сбыта товаров в Иран русское правительство использовало отсрочки по таможенным сборам, отмену пошлин с товаров русских и восточных купцов. Иначе говоря, оно было больше заинтересовано в экспорте товаров в Иран, чем в импорте из Ирана.

Во второй четверти XVIII в., как и в минувшие века, продолжался беспошлинный ввоз в Россию так называемых «шаховых» товаров. Однако эта укоренившаяся практика, так сказать, максимального благоприятствования во взаимном торговом обмене между дворами двух соседних государств в изучаемый период столкнулась с немалыми препятствиями. Многие коммерсанты со стороны Ирана (в первую очередь армянские и индийские купцы) в целях извлечения больших прибылей из этих особо установленных правил льготной торговли между Россией и Ираном стали привозить свои товары обманным путем под видом «шаховых». Все это неизбежно вызывало протесты в России со стороны именитых гостей и таможенных чиновников. Сигналы поступали непосредственно в Сенат. Так, уже известный нам губернатор В. Н. Татищев в своем донесении отмечал, что только за 1739 — 1742 гг. русская казна потеряла 26 639 руб. при импорте товаров армянскими и индийскими купцами, с которых по указанной причине не были взяты пошлины¹⁶⁵. По-видимому, этими злоупотреблениями и следует объяснить то, что появился особый указ как своеобразный ответ на привоз мнимых товаров шахского двора. О применении этого указа на практике в одном из документов записано следующее: «По силе присланного из Астрахани губернской канцелярии во оном же 1744 г. июля 23 дня указу велено взять пошлины без упущенья, которая и взята...»¹⁶⁶.

Таким образом, вторая четверть XVIII в. была в целом плодотворным этапом в развитии торговых отношений между двумя соседними государствами — Россией и Ираном. Товарооборот между ними составлял с 1737 по 1744 г. 8,5 млн руб. За те же годы только в одну астраханскую таможню поступило более полумиллиона рублей от пошлин с импортных и экспортных товаров.

В итоге рассмотрения торговых связей России с Ираном на протяжении первой половины XVIII в. естественно выделяются два этапа: один из них охватывает примерно первую четверть, второй — вторую четверть века. В первый период наиболее от-

четливо выявилась активная внешнеэкономическая политика русского правительства, направленная на создание максимально благоприятных условий как для двустороннего товарообмена, так и для ирано-европейского транзита, который согласно той же политике должен был осуществляться целиком или главным образом через территорию России. В последнем случае Россия не только рассчитывала на извлечение финансовых выгод, но и преследовала другие, внешние цели — нанести экономический удар своему давнему противнику Турции и попытаться вытеснить из Ирана западноевропейский капитал.

Развитие и расширение русско-иранских экономических контактов рассматривалось правительством Петра I в непосредственной связи с созданием внутри страны шелкоткацкой и хлопчатобумажной промышленности, питающейся привозным сырьем из прикаспийских провинций. Одновременно осуществлялись энергичные меры к поиску стратегического сырья.

Вместе с тем этот период характеризовался крайней неустойчивостью внутреннего положения Ирана, политическим и государственным распадом, внешними осложнениями в связи с нападением афганцев, а также военным вторжением Турции, что и послужило непосредственным поводом для Петра I начать так называемый Персидский поход.

Все вместе взятое несомненно свидетельствует о том, что внешнеторговая политика Петра I, хотя преемственно и была связана с предшествующей политикой Алексея Михайловича, но в то же время отличалась большей широтой экономических замыслов, целеустремленностью и решительностью, она учитывала весь комплекс русско-иранских связей, международных отношений и стратегических целей. Персидский поход и его результаты ознаменовали собой качественно новый этап в развитии экономического и военно-политического потенциала России, в укреплении и централизации ее государственного аппарата, поставленного правительством Петра I на службу политическим и хозяйственным интересам русского дворянства и купечества.

Торговые взаимоотношения между Россией и Ираном во второй четверти XVIII в. становятся еще более интенсивными и территориально разрастаются вширь, а в правовом отношении закрепляются двумя договорами — Рештским 1732 г. и Гянджинским 1735 г. В товарообороте двух стран в связи с дальнейшим ростом в России мануфактурного производства все более определяющее место занимает вывоз из Ирана и Закавказья шелка и хлопка как в форме сырьевых продуктов, так и в виде разного рода полуфабрикатов.

Все чаще и регулярнее становятся приезды иранских купцов в такие города России, как Москва, Астрахань, Нижний Нов-

город, а также Казань, Сызрань, Симбирск, Саратов, Чебоксары, Царицын, Курск, Тула и др. Санкт-Петербург окончательно закрепляется как главный транзитный центр в восточно-европейской торговле. В свою очередь и русские купцы проявляют повышенный интерес и коммерческую активность в разных районах Кавказа и Ирана. Сохранившиеся документы зафиксировали посещения русскими торговцами таких восточных пунктов, как Дербент, Баку, Шемаха, а также других городов в Гиляне, Мазендеране и центральном Иране.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715 — 1718 годы. М., 1978; Он же. Иранское посольство Фазл Али-Бека в России (1711 — 1713 гг.) // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. М., 1963. № 39.

² ЦГАДА, ф. 77, 1690 — 1692, д. 1, л. 57 — 58.

³ Там же, 1711 — 1713, д. 1, л. 120.

⁴ Там же, 1694, д. без номера, л. 9 — 10.

⁵ Там же, л. 330.

⁶ Там же, л. 118.

⁷ Бушев П. П. Иранское посольство... С. 45.

⁸ См.: ЦГАДА, ф. 77, 1713 — 1714, д. 1, л. 244.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 252.

¹¹ Там же.

¹² Там же, 1707, д. 2, л. 7.

¹³ Полное собрание законов Российской Империи (далее — ПСЗ), т. IV, № 2192.

¹⁴ См.: ЦГАДА, ф. 100, 1710, д. 3, л. 1.

¹⁵ Там же, л. 1 — 9.

¹⁶ ПСЗ, т. IV, № 2349.

¹⁷ Там же, № 2356.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 100, 1712, д. 1, л. 31.

²⁰ Там же, ф. 77, 1716 — 1717, д. 3, л. 420 — 421.

²¹ Там же.

²² Там же, Журнал Волынского, л. 582.

²³ См.: ПСЗ, т. IV, № 2490.

²⁴ Там же, № 2609.

²⁵ См.: ЦГАДА, ф. Приказные дела прошлых лет, 1712, д. 80, л. 1 — 7.

²⁶ Там же, ф. 100, 1714, д. 1, л. 142.

²⁷ См.: Очерк русской морской торговли. СПб., 1875. Ч. 1. С. 360.

²⁸ Интерналы для истории русского флота. СПб., 1867. Ч. 1. С. 290.

²⁹ Русско-индийские отношения в XVIII в.: Сб. док. М., 1965. С. 5.

³⁰ См.: Мельгунов Г. Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник. 1874. Т. 110. С. 16.

³¹ См.: Лесоться Н. Ф. О значении Петра Великого для России вообще и, в частности, для Астраханского края. Астрахань, 1873. С. 21.

³² ЦГАДА, ф. 77, 1715 — 1717, д. 1, л. 48.

³³ Там же.

³⁴ Там же, л. 73.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Журнал Волынского, л. 583 — 586.

- 37 Там же.
38 Там же, д. 2, л. 42 — 45.
39 Там же.
40 Там же.
41 Там же, л. 585.
42 Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1899. Ч. 2. Прил. 42. С. 138.
43 Там же.
44 ЦГАДА, ф. 77, 1715 — 1717, д. 2, л. 42 — 45.
45 Бушев П. П. Посольство Артемия Волинского... С. 262.
46 ПСЗ, т. V, № 3097.
47 См.: Уляницкий В. А. Русские консульства за границей... Ч. 1. С. 206.
48 Бушев П. П. Посольство Артемия Волинского... С. 261.
49 ПСЗ, т. VI, № 3700.
50 Там же.
51 См.: ЦГАДА, ф. 100, 1717, д. 1, л. 17.
52 Там же, 1718, д. 1, л. 11.
53 Там же, л. 15.
54 Там же, л. 24 — 29.
55 См.: Соймонов Ф. Ф. Описание Каспийского моря и прилежащих к нему российских владений, яко часть истории государя Петра Великого. / Под ред. Г. Ф. Миллера. СПб., 1763. С. 333 — 337.
56 ЦГАДА, Кабинет Петра I, отделение 2-е, кн. 93, л. 158 — 163.
57 Там же, л. 159 — 163.
58 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX, т. 17 — 18. С. 373.
59 ЦГАДА, ф. 77, 1715 — 1717, д. 2, л. 18.
60 Попов А. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. СПб., 1853. С. 129.
61 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 3. С. 6.
62 ЦГАДА, ф. 5, кн. 17, л. 21.
63 Комаров В. Персидская война // Русский вестник. 1867. Т. 61. С. 606.
64 ПСЗ, т. VII, № 4301, с. 113 — 114.
65 См.: Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898. С. 397.
66 Лысков В. П. Персидский поход Петра I (1722 — 1723). М., 1961. С. 23.
67 Комаров В. Персидская война. С. 598.
68 См.: Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947. С. 107 — 110.
69 ЦГАДА, ф. 77, Журнал Волинского, л. 587.
70 Там же, л. 596.
71 См.: Комаров В. Персидская война. С. 556.
72 См.: Общее обозрение торговли с Азией (Записка, составленная графом В. А. Зубовым) // Русский архив. 1873. Кн. 1. С. 884.
73 См.: ЦГАДА, Кабинет Петра I, отделение 2-е, кн. 94, л. 306.
74 Узбеками до Комарова, видимо, называли различные дагестанские племена и народы. См.: Русское Историческое Общество (РИО): Сб. Сб., 1885. Т. 49. С. 83 — 84.
75 См.: Русское Историческое Общество. С. 93 — 94.
76 Материалы для истории русского флота. Ч. 1. С. 308.
77 ПСЗ, т. VII, № 4298, с. 110. Соглашение не было ратифицировано шахом.
78 Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1833 — 1838. Ч. 1. 1833. С. 43.

- 79 ПСЗ, т. VII, № 4224, с. 64 — 65.
80 Там же, № 4304, с. 115.
81 Письма и указы Левашову. М., 1808. С. 27.
82 Собрание актов... С. 161 — 162.
83 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные С. Броневским. М., 1823. Ч. 1. С. 207.
84 См.: Мельгунов Г. Поход Петра Великого в Персию. С. 19.
85 См.: ЦГАДА, Кабинет Петра I, отделение 2-е, кн. 94, л. 308 — 312.
86 Петров Г. М. Краткий очерк развития русско-иранских экономических сношений в XVIII в. // Советское востоковедение. 1949. № 6. С. 33.
87 См.: Нагорная А. Русско-иранские договоры 1732 и 1735 гг. // Арабские страны. М., 1973.
88 См.: ПСЗ, т. VIII, № 5935.
89 Там же, т. IX, № 6707.
90 Юхт А. И. Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII в. // История СССР. 1961. № 1. С. 131.
91 ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1735 — 1737, д. 592, л. 35.
92 Там же, л. 40 об.
93 Там же, л. 60.
94 Уляницкий В. А. Русские консульства за границей... Ч. 1. С. 531.
95 См.: Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 3. С. 52.
96 См.: Гольдберг Н. М. Русско-индийские отношения в XVII в. // Уч. зап. Тихоокеанский ин-т АН СССР. М.; Л., 1949. № 2. С. 129 — 148.
97 См.: Юхт А. И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3; Он же. Восточная торговля России в 30 — 40-х гг. XVIII в. и роль в ней армянских купцов // Изв. Арм. АН СССР. 1956. № 8.
98 См.: Уляницкий В. А. Сношения России со Средней Азией и Индией в XVI — XVII вв. М., 1889. С. 15.
99 См.: Напвау J. The historical account of the British trade over the Caspian Sea. L., 1753. V. 1. P. 126.
100 Русско-индийские отношения в XVIII в. С. 10.
101 Там же, док. 107.
102 Там же, док. 123.
103 Там же.
104 Там же, док. 131, 132.
105 См.: Юхт А. И. Русско-восточная торговля в XVII — XVIII вв. и участие в ней индийского купечества // История СССР. 1978. № 6. С. 47.
106 См.: ГААО, ф. 394, оп. 1, 1725, д. 95 (Приходная книга по сбору пошлин за привозимые товары через таможенную за 1725 г.); 1726, д. 112 (Книга таможенная на явление деньга); 1733, д. 383 (Книга записная заморского привоза товаров лавара месяца 1733 г.); 1735, д. 537 (Книга таможенного сбора за провозимые товары в г. Астрахань за 1735 г.); 1735, д. 538 (Книга записная сбора таможенных пошлин за провозимые товары за 1735 г.); ф. 681, оп. 1, 1744, д. 3076 (Книга регистрации товаров, отправляемых из Астрахани в Персию, начата в 1744 г., окончена в 1744 г.); 1745, д. 3078 (Книга привозимым заморским товарам 1745 г.).
107 Там же, д. 1089, л. 173 — 193 с об.
108 Там же, л. 193.
109 Там же, 1725, д. 95, л. 1 — 30.
110 Там же, 1726, д. 112, л. 1 — 243.
111 Там же, 1733, д. 383, л. 59 — 276.
112 Там же, 1735, д. 537, л. 3 — 457.
113 Там же, д. 538, л. 1 — 312.
114 Там же, ф. 681, 1744, д. 3076, л. 27 — 70.
115 Там же, 1745, д. 3078, л. 27 — 197.
116 Русско-индийские отношения в XVIII в., док. 134.

- 117 См.: Уляницкий В. А. Русские консульства за границей... Ч. 1. С. 579.
- 118 Там же.
- 119 ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1752, л. 612, л. 68.
- 120 См.: Уляницкий В. А. Русские консульства за границей... Ч. 1. С. 593.
- 121 См.: ГААО, ф. 394, 1726, л. 112; 1733, л. 383; 1735, л. 537, 538; ф. 681, 1745, л. 3078 (сведения взяты выборочно).
- 122 По данным двух таможенных книг на явленные деньги за 1726 и 1735 гг., состав русского купечества был представлен следующим образом: москвичи — 10 чел., симбирцы — 7, нижегородцы — 10, чебоксары — 4, казанцы — 6, саратовцы — 1, куряне — 4, ярославцы — 1 чел. и др. (ГААО, ф. 394, 1726, л. 112; по книге за 1735 г., москвичей было 28 чел., куряи — 25, астраханцев — 1, симбирцев — 13, нижегородцев — 8, суздальцев — 3, саратовцев — 1, ярославцев — 4, петербуржцев — 3, воронежцев — 4, вязниковцев — 2, городчан — 2, солигалицев — 4, малороссиян — 2 чел. (ГААО, ф. 394, 1735, л. 538).
- 123 ГААО, ф. 394, 1735, л. 537, л. 103 и др.
- 124 Там же, ф. 681, 1744, л. 3076, л. 28.
- 125 Там же, ф. 394, 1726, л. 112, л. 95 — 100, 182 — 183, 342; 1735, л. 537.
- 126 Там же, 1726, л. 112, л. 17.
- 127 Там же, л. 99 — 100; 1735, л. 538, л. 120.
- 128 Там же, 1726, л. 112, л. 190.
- 129 Там же, 1733, л. 383, л. 90, 100, 149; 1735, л. 538, л. 34 — 41.
- 130 См.: ЦГАДА, ф. 100, 1718, л. 1, л. 1 — 10.
- 131 Там же, л. 10.
- 132 См.: ГААО, ф. 394, 1733, л. 383, л. 99, 196, 224 — 225; 1735, л. 537.
- л. 54 и др.
- 133 Там же, 1735, л. 537, л. 177 — 178.
- 134 Там же, 1733, л. 383, л. 157 — 158; 1735, л. 538, л. 91 — 92 и др.
- 135 Там же, 1733, л. 383, л. 198, 267; 1735, л. 537, л. 188.
- 136 Там же, 1726, л. 112, л. 76, 175; 1733, л. 383, л. 219, 220 и др.
- 137 Там же, 1726, л. 112, л. 200 — 203, 262, 317 — 320, 422, 440 — 442, 452 и др.
- 138 Там же, л. 408 — 412 и др.
- 139 Там же, ф. 394, 1726, л. 112, л. 64, 110 и др.; 1735, л. 538, л. 157, 295.
- 140 Там же, ф. 681, 1745, л. 3078, л. 129 — 132.
- 141 Там же, л. 132 — 135, 145 — 146 и др.
- 142 Там же, ф. 394, 1735, л. 537, л. 91 — 92, 100 — 102, 168 — 169.
- 143 Там же, л. 170 — 172.
- 144 Там же, 1726, л. 112; 1733, л. 383; 1735, л. 538; ф. 687, 1745, л. 3078.
- 145 Там же, ф. 394, 1726, л. 1089, л. 173 — 193 и об.
- 146 Там же.
- 147 Там же.
- 148 См.: Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 1. С. 222.
- 149 Там же. Для большей убедительности приведем эти сведения: по данным П. Г. Буткова, за период с 1737 по 1745 г. из России в Иран русскими купцами было отправлено товаров на сумму 416 005 руб., армянскими — на 2 484 024, английскими — на 698 133 руб. По Сводной ведомости за время с 1737 по 1744 г. доля русских купцов в вывозе товаров из России в Иран составила 441 930 руб., армянскими — 2 484 039, английскими — 490 599 руб. В книге П. Г. Буткова сообщается, что за тот же период из Ирана в Россию было импортировано товаров русскими купцами — на 631 510 руб., армянскими — на 1 597 943, английскими — на 200 460 руб. По Сводной ведомости доля русских купцов составила 632 491 руб., армянскими — 1 597 939, английскими — 175 314 руб. Таким образом, небольшое расхождение обнаруживается лишь в данных, отражающих долю английских купцов в этой торговле.

- 150 Юхт А. И. Торговля России с Закавказьем и Персией по второй четверти XVIII в. // История СССР. 1961. № 1. С. 141; Русско-восточная торговля в XVII — XVIII вв. ... С. 51.
- 151 Об активной русско-иранской (или русско-каспийской) торговле в этот период свидетельствовал еще С. Броневский. (Нолбисши географические и исторические известия... Ч. 1. С. 209 — 210). В наше время советский исследователь Гасп Абдуллаев решительно подчеркивает, что русская торговля с Азербайджаном, Закавказьем и Ираном имела активный баланс, хотя по отношению к другим восточным странам он был пассивным. При этом Россия вывозила промышленные изделия в только в порядке исключения сельскохозяйственные продукты. (Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 450).
- 152 См.: Юхт А. И. Русско-восточная торговля в XVII — XVIII вв. ... С. 46.
- 153 См.: Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, л. 30, л. 10 об., 11, 12, 17 и др.
- 154 Там же, л. 6 об., 7, 9.
- 155 Там же, л. 1 — 2.
- 156 Там же, л. 5.
- 157 См.: Татищев В. Н. На память о делах астраханских // Исторический архив. 1951. Т. 7. С. 403.
- 158 См.: Кушнев Е. Н. Торговля Москвы в 30 — 40-х гг. XVIII в. // Исторические записки. 1947. № 23. С. 70.
- 159 Семенов А. В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. А. Семенова: В 3 ч. Сиб., 1859. Ч. 1. С. 227.
- 160 См.: ГААО, ф. 394, 1735, л. 537, л. 156 и др.
- 161 Там же, л. 156, 194; 1733, л. 383, л. 105, 106, 125, 144, 150, 170 и др. Здесь же приведем несколько случаев отправления русских купцов с иранскими и азербайджанскими товарами:
- «Объявитель сего астраханский купец Гаврила Николаев был здесь в Рынке для торговли, а ныне отпущен в Астрахань, при нем товару: шелку — 72 батмана, овчинок ширяских — 101, холста лошеного белого — 99 концов; кумачей красных — 4 штуки; выбойки бафтовой — 4 ковши, выбойки ж тегеранской — 14 ковшей, сафьянов испаганских красных и черных — 26 тюков, пшени — 30 мешков, лз работных людей 3 человека...»
- «Объявитель сего курского купца Ивана Нифонтова приказник ево Самойло Давыдов был здесь в Рынке для торговли, а ныне отпущен в Астрахань, да при нем товару: овчинок испаганских серых и черных — 2095, выбойки бафтовой испаганской — 900 ковшей... 64 подносов медных, 4 батмана кушаков каппинских шелковых — 110, кушаков же по краям с серебром — 59, кружев — 153 косяка, кутня кашанская — одна, суть трафчетой — 4 штуки, изорбаф — 1...» (ЦГАДА, ф. Государственный архив, разр. XIX, 1738, л. 255).
- 162 См.: ГААО, ф. 681, 1744, л. 3076.
- 163 Там же, ф. 394, 1735, л. 538, л. 112.
- 164 Там же, 1726, л. 112, л. 128.
- 165 Там же, 1735, л. 538.
- 166 Там же, 1726, л. 112, л. 160.
- 167 Там же, ф. 681, 1744, л. 3076, л. 17.
- 168 Там же.
- 169 Там же, ф. 394, 1735, л. 538, л. 42 — 43.
- 170 Там же, 1725, л. 95, л. 12.
- 171 Там же, 1735, л. 538, л. 43.
- 172 Приведем типичные случаи отправления из Астрахани морем в Гилли в 1737 г. русских торговых людей с различными товарами.
- «Объявитель сего города Нижнего Печерского монастыря крестьянин Алексей Андреев, сын Костромин, отпущен из Астрахани до Баки и до Гилли на прилучившихся мореходном судне для купечества с товаром, которого при нем имеет: коровьего масла — 100 пудов, да 3 тысячи аршин холста ров-

ного...» В другом случае: «...42 юфти мехов белых, 13 пудов перьев, 213 аршин сукна голландского, позумент...» (ЦГАДА, ф. Государственный архив, разр. XIX, 1738, д. 255, л. 168, 170 и др.).

173 См.: Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. I. С. 221.

174 См.: ГААО, ф. 681, 1745, д. 3078, л. 95 — 99, 126 — 128, 176 и др.

175 Там же.

176 См.: Н а п w a y J. The historical account... P. 126.

177 См.: ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1764, д. 636, л. 75. В этой ведомости отсутствуют сведения за 1740 и 1741 гг. «Сколько показать не можно, для того оных годов книги отосланы в ревизионную контору».

178 Там же, 1752, д. 612, л. 4 — 5. Приведем данные английского автора Ридинга об английском экспорте шерстяных тканей в Иран за период с 1742 по 1746 г. на сумму 174 398 ф. ст. и импорте иранского шелка-сырца за тот же период на 93 875 ф. ст. (Reading D. K. The England-Russian commercial treaty of 1734. L., 1938. P. 257).

179 См.: ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1764, д. 636, л. 75.

180 Там же, 1752, д. 612, л. 4 — 5.

181 См.: Н а п w a y J. The historical account... P. 101.

182 См.: ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1764, д. 636, л. 75; 1752, д. 612, л. 4 — 5.

183 Ефимок — русское название талера.

184 ГААО, ф. 394, 1745, д. 1089, л. 174.

185 См.: Русско-индийские отношения в XVIII в., док. 101.

186 ГААО, ф. 394, 1745, д. 1089, л. 192.

Глава II

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И ИРАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

§ 1. Попытки нормализации русско-иранских экономических взаимоотношений в 50 — 70-х гг. и причины их недостаточной эффективности

Во второй половине XVIII в. торгово-экономические связи между Россией и Ираном вступили в новую фазу своего развития, что было вызвано существенными изменениями в хозяйственной и общественно-политической жизни обеих стран, а также общим состоянием международной и политической конъюнктуры.

Феодално-крепостническая система в России в этот период хотя еще и продолжала развиваться «вширь», но в ее недрах уже обнаружилось кризисные явления (особенно в конце 60-х — начале 70-х гг.), и она непрерывно подтачивалась ростом буржуазных отношений и формированием капиталистического уклада. В стране более интенсивно, чем раньше, стали развиваться про-

мышленность, торговля и товарно-денежные отношения. Особенно усилился рост промышленных предприятий и мануфактур после правительственного указа от 17 марта 1775 г. о свободе предпринимательской деятельности. Поощряя предпринимательскую и торговую инициативу разных слоев населения, русское правительство одновременно стремилось оградить промышленное производство, работающее на экспорт, от внешней конкуренции; об этом лучше всего свидетельствуют установленные им покровительственные таможенные тарифы 1766 и 1782 гг.

Такие ведущие отрасли промышленности, как металлургическая, текстильная, не только удовлетворяли внутренние потребности страны, но и успешно снабжали своими изделиями мировой рынок. По некоторым количественным показателям промышленного производства Россия во второй половине XVIII в. шла впереди стран континентальной Европы, в том числе Франции, Голландии и Пруссии¹. Исключительным спросом на европей-ских рынках пользовались дешевые и добротные нарусские подотна и некоторые другие товары. Ежегодно Россия вывозила (прежде всего в Англию) 1 млн пуд. железа². В XVIII в. железо было одной из главных статей экспорта России: по данным 1782 г., его было вывезено около 3,8 млн пуд.

Не менее значительными были военно-стратегические и дипломатические успехи России. В результате русско-турецкой войны и Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. Россия превратилась в Черноморскую державу. У народов, населявших Грузию, Армению, Азербайджан и другие прилегавшие к ним области, издавна складывалось тяготение к союзу с Россией, созревали надежды получить свободу с помощью сильного соседа, что и находило встречное понимание не только у передовых представителей русской общественности, но и в правительственных кругах. Вместе с тем в Санкт-Петербурге хорошо осознавали, что судьба восточно-каспийской, в том числе русско-иранской, торговли, ее успех и стабильность во многом будут зависеть от русского влияния в Закавказье, от поддержки его населением.

Сдвиги в экономике России, дальнейшее углубление в общественном разделении труда, рост товарного производства с неизбежностью породили в 60 — 70-х гг. XVIII в. и последующее время немало хозяйственных и политических проектов, записок и писем, в которых обосновывалась и доказывалась необходимость дальнейшего расширения внешней (особенно восточной) коммерции как важнейшего источника богатства и благосостояния государства. Наиболее активную роль в утверждении новых идей играли такие экономисты и государственные деятели, как Р. И. Рычков, Д. В. Волков, М. Чулков, Р. И. Воронцов и неко-

торые другие. Следствием этого и было значительное расширение круга стран, с которыми Россия поддерживала в то время активные торговые отношения.

Обстановка же в Иране, напротив, характеризовалась крайней неустойчивостью и напряженностью. В стране медленно восстанавливалась хозяйственная жизнь, особенно это касалось центра и юга Ирана, где традиционная зависимость земледелия от архаической системы искусственного орошения серьезно тормозила развитие всей экономики; относительно лучше складывалось положение на севере страны, где климатические условия (необходимое количество атмосферных осадков, достаточная увлажненность почвы) в большей мере благоприятствовали оздоровлению хозяйственной жизни. Это обстоятельство, как полагал Г. М. Петров, по-видимому, в той или иной степени предопределило перемещение экономических и административных центров в стране с юга на север. «И по мере того, как владения России приближались к границам Ирана, — заключает тот же автор, — экономическое сотрудничество становилось все более оживленным и прочным»².

Государственную необходимость и хозяйственную целесообразность перемещения экономического и административного центра Ирана на север страны отмечал и другой советский исследователь: «Перемещение экономического и политического центра на север страны в дальнейшем полностью себя оправдало и обусловило усиление коммерческой деятельности русских в Азербайджане и в северных районах Ирана»³. Однако русская торговля в центральном Иране и во многих других районах (исключая север), по заключению Г. Абдуллаева, во второй половине XVIII в. была фактически парализована. Одной из причин, обусловивших такое ее состояние на значительной части территории Ирана, особенно на юге страны и в пунктах, прилегающих к Персидскому заливу, была необычайная коммерческая активность англичан, прежде всего Ост-Индской компании⁴. Все это не могло не осложнить торговые связи между Ираном и Россией.

Но если рассматривать обоюдные русско-иранские торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XVIII столетия в целом, то следует признать, что они определялись в первую очередь внутриполитическим состоянием Ирана. Отсутствие в нем государственной стабильности очень часто пагубно отражалось на всем ходе торговых контактов между обеими странами. Учитывая эти исторические обстоятельства как решающие, изучаемое время можно расчленить примерно на два периода. Первый из них охватывает 50-е — конец 70-х гг. Он характеризуется некоторыми успехами во внутренней и внешней политике

Керим-хана Зенда, когда торговля между странами осуществлялась более или менее регулярно и основывалась на Рештском и Гянджинском договорах; второй этап наметился с конца 70-х гг., т. е. после его смерти, когда началась острейшая борьба разных группировок за верховную власть, длившаяся до середины 90-х гг. В ней участвовали сторонники умершего Керим-хана Зенда, последователи его предшественника Надир-шаха и представители кадждарского племени. В 1796 г. Ага Мохаммед-хан Кадждар, одержав победу, объявил себя шахом Ирана, а Тегеран — столицей государства. Междоусобицы распри нанесли большой урон как экономической жизни самого Ирана, так и его традиционным связям с соседней Россией.

В фондах «Сношения России с Персией» (АВПР), «Коммерц-Коллегия» (ЦГАДА) и других имеются целые пласты мало использованных или неиспользованных документов, которые могут прояснить сложный комплекс русско-иранских экономических и политических связей второй половины XVIII в., уточнить общие экономические и стратегические задачи России на Востоке, определить место торговли во внешней политике России. Среди них наибольший интерес представляют бумаги русских консулов П. Чекалевского, И. Игумнова, М. Сулякова, Г. Мерке, В. Яблонского, И. Тумановского, Д. Скиличия и др. Наряду с такими документами, как отчеты, донесения, отношения, официальные письма, непосредственно составлявшиеся самими консулами, следует особо выделить ценные бумаги в виде инструкций, рекомендаций, указаний, запросов, адресованных в консульства от имени различных правительственных учреждений: от Коллегии иностранных дел, от Коммерц-Коллегии, от губернатора; письма купцов, обширная переписка астраханского губернатора с местными ханами; официальная записка о состоянии и мерах по улучшению русско-иранской торговли, а также всевозможные справки, ведомости, составленные по данным портовых таможен Астрахани, Санкт-Петербурга. Разумеется, перечисленные документы несколько односторонне освещают особенности русско-иранской торговли: главное внимание в упоминаемых материалах обращается на положение русских купцов в иранских и закавказских городах, аналогичные сведения об иранских купцах в России отсутствуют. И все же по характеру своего содержания разнообразные консульские бумаги — многоплановый и многогранный источник. Помимо большой и насыщенной информации о делах коммерции и о положении русского купечества в соседней стране они включают в себя широкий круг сведений о внутриполитическом и социально-экономическом положении Ирана, что непосредственно сказывалось на развитии межнационального товарооборота.

Одной из главных помех на пути эффективных экономических связей между Россией и Ираном в изучаемый период, особенно в 50-х — первой половине 60-х гг. XVIII в., была внутренняя неустойчивость в Иране, его политическая и государственная децентрализация. В документах постоянно встречаются упоминания о «баталиях» тебризского, бакинского, кубинского, рештского и других ханов¹⁰, о народных бедствиях, голоде, эпидемиях, о том, что междоусобицы «привели государство в запустение: от персии получить ныне уже нечего, которые сами везде голодом умирают»¹¹, о большой смертности населения в прикаспийских провинциях: «В Ряште люди з голоду умирают. В Мазендеране необыкновенно люди мрут»¹². В 1751 г. астраханский губернатор И. Брылякин доносил в Коллегию иностранных дел (ссылаясь на достоверную информацию только что вернувшихся из Ирана казанских и астраханских татар) об отсутствии единого правительства, о том, что там «во всяком городе и местечке, где есть хан или старшины, оне своим городом и местечком владеют ... И все означенные ныне старшины ничьего повеления не слушают, а делают так, как сами хотят»¹³. Не случайно губернатору вменялось в особую обязанность отправлять консулов в Иран «с великою предосторожностью», а самому консулу предписывалось по прибытии к берегам страны, «не сходя с судна, наперед осведомиться, успокоены ли тамошние замешательства и утвердился ли кто шахом». В инструкции предписывалось консулу в случае беспорядков, не сходя с корабля, вернуться в Астрахань¹⁴. Именно так и произошло с консулом П. Чекалевским, который вынужден был в ожидании лучших времен оставаться в Астрахани до осени 1753 г. Но даже и после того, как он добрался до Ирана и приступил к исполнению своих обязанностей, от него продолжали поступать сообщения о «постоянных беспорядках», в связи с чем консул предлагал перевести торговлю из Решта, так как этот город, по его мнению, «утратил свое коммерческое значение»¹⁵.

В 1755 г. П. Чекалевский сообщил, что произвол иранских властей привел в «запустение» порт Энзели, который вынуждены были покинуть не только русские купцы, но и многие местные жители¹⁶. Прошло несколько лет, однако из Баку от русского консула продолжали поступать те же неутешительные вести о том, что «неспокойства и мятежи во оном еще не пресеклись и продолжаются с великим от сердарей ко всем тиранством и грабительством, чем не обошли никого в здешних местах...»¹⁷.

Подобные сведения о «грабежах», «великом разорении» в Астрабаде, Мазендеране и Гиляне, чинимых вооруженными отрядами Керим-хана в 1759 г., приводил в своем донесении тот же консул П. Чекалевский¹⁸. К тому же времени относится утвер-

ждение в Иране власти Керим-хана Зенда. Об этом в записке «О восстановлении упавшей в Персии коммерции российской» говорилось следующее: «После длительных испытаний ... многих возмущений, убийства шаха Надира персидское государство получило наконец аристократическое и демократическое правление»¹⁹.

Современные исследователи оценивают годы правления Керим-хана Зенда как период стабильного развития Ирана, мирной передышки, благотворно отразившейся на подъеме ремесла, сельского хозяйства и торговли. Однако разбираемые нами источники не подтверждают столь положительной характеристики указанного этапа в истории Ирана. И в цитируемой выше записке также отмечалось, что «Керим-хан не властен над всем персидским народом». Другие документы свидетельствуют о том, что конфликты в то время не прекратились, местные правители не признавали власть Керим-хана Зенда. Так, в 1765 г. консул М. Суляков в очередном донесении сообщал, что кубинский и шемахинский ханы непримиримо враждуют, последний запретил кубинцам и бакинцам приезжать по торговым делам в Шемаху, а своим жителям — выезжать в Баку и Кубу²⁰. Еще ранее консул И. Игумнов писал из Энзели в своем отчете об экономической и политической неупорядоченности внутри страны, о «падении в убожество Персии», о том, что «коммерция во всей Персии остановилась, так что не то что торгов, но и купцов почти никого не видно»²¹.

Обстановку беззакония и бесправия в Иране застает и консул Г. Боголюбов: «Не легко производить торги с таким народом, от коего каждый иностранец должен опасаться обиды и наглости. Где нет ни страха, ни правосудия, где ханы и другие начальники, помышляя как только о собственной корысти их, притесняют персидских купцов несносными налогами и взятками»²².

Естественно, что при таком внутреннем положении в самом Иране и закавказских ханствах, — как об этом убедительно свидетельствуют только что приведенные и многие не приведенные нами данные очевидцев, — торговые связи между иранскими и иноземными купцами не могли быть нормальными. Вместе с тем сохранившиеся документы за те же годы показывают, что Керим-хан Зенд прилагал немало усилий к тому, чтобы нормализовать хозяйственную жизнь в стране, оживить ее внешнеэкономические связи. Он рассылал в покоренные города публичные указы, в которых прямо провозглашалось многообещающее требование, «чтобы российским подданным никаких обид и других притеснений также в произвождении купечества помешательства чинено не было, а оказываемо было всякое благодеяние и добольствие»²³.

Однако противоречивые показания разных документов сами по себе говорят лишь о том, что, несмотря на энергичные попытки Керим-хана Зеида централизовать Иран, покончить с внутренними междоусобицами ему не удалось. Страну по-прежнему разъедал сепаратизм, ханы по личному произволу распоряжались судьбами людей в своих провинциях, продолжались феодальные распри, практиковались самые коварные методы взаимного истребления (жестокое истязание, выкалывание глаз, подкупы наемных убийц и проч.). В наибольшей степени это относится к последнему периоду правления Керим-хана Зеида: «А векиль, — как подчеркивает поверенный в консульских делах И. Ванслоу, — на таковое их беснование со внутренним удовольствием взирает: чем больше они меж собой режутся, тем меньше ему от них опасности к предприятию на какой-либо заговор, к отпятию у него верховной власти»²⁰. Из этого замечания очевидца реальных событий в Иране видно, что «внутреннее удовольствие» Керим-хана, спокойно наблюдавшего за раздорами местных ханов, было основано на его политическом бессилии и страхе за свою судьбу, так как само его существование и «содержание» войска зависели от воли тех же провинциальных правителей. Все это самым непосредственным образом сказывалось на межнациональной торговле. По свидетельству того же И. Ванслоу, русские купцы в этой обстановке терпели убытки и рисковали своим имуществом: «Притеснения от Рязинского (Рештского. — Н. К.) хана российским купцам, торгующим в Персии, не пресекаются, но еще более умножаются»²¹. Такого рода свидетельства повторяются и во многих других документах.

В консульских донесениях, а также в правительственных инструкциях и в разных запросах все чаще поднимаются вопросы, связанные с реализацией Рештского и Гянджинского договоров о беспошлинной торговле русских купцов в Иране, ибо именно этот пункт чаще всего нарушался местными иранскими властями²². Перед русскими консулами всякий раз возникали сложные и труднопреодолимые задачи по соблюдению торговых обязательств не только со стороны иранских правителей, но и со стороны русских купцов, вступавших в незаконные сделки с купцами Ирана и под видом собственных товаров беспошлинно провозивших в Иран товары персидских купцов, что, разумеется, вызвало серьезное недовольство иранской стороны и приводило к различным осложнениям. В одной из записок говорилось следующее: «На каждом суде пересылается из Астрахани на многие суммы от индийцев на имена российских подданных товары, кои присваивают те товары весьма справедливо принадлежащими будто им; и во многих спорах и раздорах пошлин не платят потому ж к немалому ущербу в сборе пошлин»²³.

В губернскую канцелярию систематически поступали письма иранских ханов и русских консулов с требованиями, «что б паистражайшим образом запрещено было всем без изъятия российским подданным на свое имя перенимать у иранских подданных по приезде судов товары для избавления их от платежа пошлин, также и своих персиян не отдавать для потаенных перевозов»²⁴ (из письма рештского Хедаят-хана). Об этих нарушениях докладывали русские консулы Г. Боголюбов, В. Яблонский: «Им через сие недоразумение (т. е. незаконный перевоз русскими купцами товаров, принадлежащих персам. — Н. К.) и беспутство панациональных купцов испортим всю коммерцию»²⁵. Вопросы взимания пошлин и освобождения от них были постоянным предметом споров и обсуждений между Россией и Ираном.

В разбираемых инструкциях консулам строго предписывалось пресекать попытки русских купцов беспошлинно провозить товары иноземных подданных под видом собственных, следить, чтобы привилегиями русских купцов не пользовались торговцы других государств²⁶. Одновременно в тех же инструкциях консулам вменялось в обязанность «удовлетворять» все обиды и жалобы не только со стороны русских, но и со стороны иранских купцов, особо подчеркивалось, чтобы «персияне ни малейшей причины не имели к нареканиям». Совершенно очевидно, что Россия в своих внешних сношениях была заинтересована в нормализации и улучшении русско-иранских торгово-экономических связей, стремилась избежать возможных нарушений и осложнений в процессе товарообмена. Однако при объективно сложившихся внутренних условиях в Иране и при одностороннем праве беспошлинной торговли только для русских купцов это, очевидно, было невозможно. Не случайно в донесениях консулов приводятся случаи отказа и сопротивления при выполнении иранскими властями статьи договора о беспошлинной торговле. Обычно таможенные сборщики по указанию ханов при провозе товаров русскими купцами требовали с последних неукоснительной уплаты рахтаров, мизанных, ссылаясь на то, что кто подписал трактат, того уже нет»²⁷.

Эти серьезные помехи в русско-иранских торговых сношениях, вызванные объективными и субъективными причинами, во многом сохранялись на протяжении всей второй половины XVIII в. То, о чем сигнализировал в 50-х гг. П. Чекалевский²⁸, содержалось в 60-х гг. и в сообщениях И. Игумнова²⁹ и М. Сулякова³⁰, в 70-х гг. — И. Ванслоу и др.

Из анализируемых документов видно, что русские купцы острого не выезжали в глубь Ирана, а консулы были заняты поиском новых безопасных районов и пунктов для русской торговли на его территории и ходатайствовали перед правитель-

ством о смене торговых мест. Именно этими обстоятельствами в 1764 г. был вызван специальный указ, по которому русским подданным запрещалось «ездить куда-либо, кроме Бакинского и Энзелийского портов». В другие места «во избежание тех бедствий и грабежей ездить для торговли не дозволено»³¹. Примерно в то же время консул И. Игумнов информирует правительственную службу о тяжелом состоянии торговли в Энзелийском порту, а также о том, что купцы, вопреки указанию правительства, вынуждены покидать порт³². В 1766 г. М. Суляков в очередном донесении сообщает о том, что бакинский хан притесняет русских купцов, консул настоятельно просит перевести торговлю в Каргаллинский порт³³.

Несмотря на все препятствия, невзирая на самые крайние формы междоусобной вражды в Иране, жизненная и хозяйственная необходимость в экономических связях между странами прокладывала себе дорогу и торговля не только не прекращалась, но порой достигала заметных успехов. В делах АВПР сохранилась ведомость учета русского экспорта в Иран и импорта за 1753 — 1756 гг. и за 1758 — 1760 гг., т. е. за то время, когда борьба за власть в Иране была особенно острой и напряженной. В ней перечисляются группы купцов, участвовавших в русско-иранской торговле, среди них подданные России — русские, армяне, грузины, азербайджанцы; подданные Ирана — персы, армяне и др.

Для наглядности приведем данные этой ведомости (табл. 9).

Русско-иранская торговля с 1753 по 1756 г.
и участие в ней армянских купцов — подданных России
(по материалам АВПР)³⁴

Год	Экспорт из России, тыс. руб.	Импорт в Россию, тыс. руб.	Примерная доля армян в экспорте, %	Примерная доля армян в импорте, %
1753	813,1	588,6	60	50
1754	313,1	444,0	50	50
1755	339,6	385,3	30	33
1756	207,7	239,3	50	30

Из табл. 9 видно, что в русско-иранской торговле в 50-е гг. ведущую роль по-прежнему играли армяне, но если в начале XVIII в. это были подданные иранского шаха, то со второй половины XVIII в. более значительное место стали занимать армянские купцы — подданные Русского государства³⁵.

Данные табл. 9 могут быть сопоставлены с материалами двух других ведомостей, хранящихся в ЦГАДА, что позволит более

полно судить о масштабе русско-иранской торговли в 50 — 60-х гг. XVIII в. (табл. 10).

Таблица 10
Объем русско-иранской торговли через Астрахань
в 50 — 60-е гг. XVIII в., тыс. руб.³⁶

Год	Экспорт из России		Импорт в Россию		Пошлины
	Всего	В том числе без пошлин	Всего	В том числе без пошлин	
1750	847,6	819,0	48,5	—	6,3
1751	437,9	366,9	22,4	—	6,8
1752	485,3	387,7	410,9	336,8	14,3
1753	813,1	689,1	588,6	497,5	16,4
1754	313,1	197,7	444,0	258,6	46,0
1755	339,6	275,8	355,3	188,9	37,6
1756	150,0	112,5	169,5	129,9	18,5
1757	239,8	189,7	249,5	222,4	17,7
1758	241,7	—	362,2	—	—
1759	129,7	105,2	212,5	172,8	15,4
1760	144,6	112,0	142,8	69,9	25,4
1761	115,7	97,0	138,0	82,8	17,7
1762	269,1	230,0	207,0	127,4	28,6
1763	392,1	330,1	156,8	109,8	26,8
1764	482,6	425,0	256,1	146,0	40,6
1765	254,5	214,6	283,0	163,9	38,2
1766	282,1	253,5	92,8	42,2	19,2
1767	240,4	219,6	251,6	216,3	13,5
1768	382,0	362,9	190,9	123,4	23,3
1769	408,8	367,1	317,5	269,0	21,9
Итого	6 969,7	5 755,4	4 899,9	3 157,6	434,2

Если судить об уровне русско-иранской торговли по цифровым данным (см. табл. 9, 10), то следует признать, что он был относительно невелик. Однако есть достаточное основание предполагать, что далеко не вся торговля подвергалась учету. Так, С. Броневский, ссылаясь на ту же астраханскую таможенную ведомость, приводит несколько иные показатели о товарообмене между Россией и Ираном за 1760 и 1768 гг. по сравнению с теми, которые зафиксированы в табл. 10. По его данным, привоз товаров в Россию в 1760 г. составлял 210,5 тыс. руб., вывоз — 180 тыс. руб., т. е. весь оборот равнялся 390,5 тыс. руб.; в 1768 г. соответственно привоз — 318 тыс., вывоз — 438 тыс., общий торговый оборот — 756 тыс. руб.³⁷ Эти показатели значительно превышают те цифры, которые содержатся в табл. 10.

Сопремем еще на одно свидетельство. В отчете консула Г. Боголюбова за 1768 г. сообщалось, что торговые операции русских купцов только в одной провинции Гилян составляли уже 1 млн руб.

В целом сумма товарооборота за весь период, как показывает табл. 10, приближалась к 12 млн руб., таможенные сборы достигли 434,2 тыс. руб. При этом беспошлинная торговля по экспорту составила 82,6 %, а по импорту — 64,4 %. Все это дает основание предполагать, что доля частной торговли здесь отражена, по-видимому, не в полной мере.

Вместе с тем, несмотря на указанную неполноту учета торговли, табл. 10 все-таки дает возможность приблизительно определить соотношение вывозимых и ввозимых товаров через Астрахань. Такое сопоставление убеждает нас в том, что в целом за указанный двадцатилетний период двусторонних торговых связей активный баланс был у России: ее экспорт равнялся 7,0 млн руб., а импорт — 4,9 млн руб. Однако этот общий вывод не распространяется на отдельные годы. Развитие русско-иранского товарообмена шло неравномерно. Если, например, в 1750 — 1753 гг., а также в 1762 — 1769 гг. в русской торговле наблюдается явное превосходство экспорта над импортом в ценностном выражении, то в 1754 — 1761 гг. и в 1767 г. ведущее место занимает импорт восточных товаров. Однако и в этих случаях разрыв в объеме ввозимых и вывозимых товаров был относительно небольшим.

К сожалению, более или менее систематические данные о русской торговле в Иране ограничены 50 — 60-ми гг. XVIII в. Что касается 70-х гг., то судить о масштабе той же торговли можно только по некоторым разрозненным сведениям. Так, по материалам С. Броневского, в 1775 г. русско-иранский товарооборот равнялся 953 тыс. руб., при этом импорт — 323 тыс., экспорт — 630 тыс. руб.³⁸ В 1778 г. И. Ванслов сообщал о том, что правитель Дербента Фетх Али-хан захватил «выпнутое на его берег Скворцово (русский судовладелец и купец. — Н. К.) судно, в коем было на 700 тыс. руб. товару»³⁹. Подобные указания в донесениях русских официальных лиц в Иране, относившиеся к 70-м гг. XVIII в., неединичны, и по ним можно судить о довольно интенсивном развитии русской торговли в отдельные годы.

Торговля русских купцов, как правило, была сосредоточена в Закавказье и прикаспийских провинциях Ирана. Баку, Шемаха, Дербент, Решт, Энзели чаще всего фигурируют в документах о торговых сделках русских и иранских купцов⁴⁰. К тому же и в Баку, и в Энзели находились русские консулы.

Закономерно предположить, что многие иранские ханы имели своих торговых агентов в Астрахани. Так, в донесении консула В. Яблонского упоминается, что рештский хан «скрытно име-

ет своих комиссионеров в Астрахани»⁴¹. Кубинский Фетх Али-хан специально отправлял в Астрахань своих поверенных Хосейна и Касима для покупки русских товаров⁴².

В 1758 г. по инициативе русского правительства была создана особая компания для сбыта и обмена товаров с Персией сухим путем через Кизляр и водным — по Каспию. Привилегии, льготы, кредиты, предоставленные компании русским правительством, делали ее, по существу, монопольной организацией: купцам-«некомпанейщикам» запрещалось торговать с Ираном, «дабы оттого компания не имела никакого подрыва и помешательства»⁴³.

Капитал компании насчитывал 4 тыс. акций по 150 руб. каждая⁴⁴. Предоставляемый кредит составлял значительную сумму: «По рескрипту определено к выдаче той компании в десятилетнее содержание сто тыс. руб., за которые де ... обязались оной директор с прочими директорами ставить на тае сумму каждогодно золото и серебро»⁴⁵. Обер-директором был назначен армянин Исаханов, директором — Кобяков, астраханский первостатейный купец и «содержатель» селитренных заводов⁴⁶. Главную контору намечалось открыть в Астрахани, а филиалы — в Кизляре, Москве, Петербурге⁴⁷.

В 1759 — 1760 гг. компании было выделено из казны в счет кредита 32,7 тыс. руб. Ее торговые обороты были очень незначительны, а казна ничего не получила. Содержание такой компании, по мнению некоторых консулов, препятствовало коммерции «некомпанейских» купцов: «И по сему явно, что за недопуском той компании товаров персидских перед сим великий торг подорван и истреблен»⁴⁸. Автор этого донесения не вполне объективен: «великий торг» перестал быть великим за много лет до создания торговой компании. Но бесспорно и то, что предоставление исключительных прав компании по торговле с Ираном препятствовало ее развитию, искусственно сокращало возможности участия в ней других групп купечества.

После учреждения компании в адрес астраханского губернатора посыпались письма многих купцов с жалобами на ее директора Кобякова. Почти все выражали недовольство новым режимом торговли, не желали обрывать давно установившиеся коммерческие связи с Ираном или вступать в компанию. Армянские купцы писали, что терпят «крайнюю нужду от разорения от сына Кобякова», который «их товар и прикащиков на судно не принял, ненавидя их ... Тамо от сей компании им мешанам производить ничто иное, как единое разорение»⁴⁹. Крестьянин Алексей Журавлев, житель села Иванова, торговавший до создания компании в Иране, писал, что представитель компании запретил погрузку его товаров на судно, отправлявшееся в Астрахань. И

таким своим «бесчеловечным поступком в чужом государстве реченный Кобяков, сын Лев, приводит многих людей в крайнее разорение»⁵⁰. Смысл всех этих жалоб сводился к просьбе не лишать купцов, не состоящих членами компании, возможности свободно торговать в Иране.

Вскоре и правительству стало ясно, что расчеты на большие доходы компании не оправдались. 31 июля 1762 г. последовал указ о ее ликвидации: «Отныне для общей всем торгующим пользы и удовольствия не токмо при астраханском порте, но и в Персию, также в Хиву и Бухарию всеми дозволенными российского продукта и иностранными товарами торги производить, и мореходные суда иметь невозбранно, дабы от несогласия купцов не происходило толь полезному торгу подрывов»⁵¹.

Сам факт учреждения компании, предоставление ей долгосрочного кредита и привилегий свидетельствовали о том, что царское правительство было серьезно озабочено расширением торговых связей с Ираном, но ставка на использование монопольной организации оказалась несостоятельной.

Разумеется, смысл торговли не сводился только к узкокоммерческим и финансовым выгодам. В системе восточной политики России торговля с Ираном была также важным инструментом в укреплении общих позиций страны в этом районе мира, о чем лучше всего свидетельствовали тщательно разработанные правительственные инструкции для консулов.

Одновременно в источниках мы обнаруживаем давнюю традиционную идею России превратить свою территорию в транзитный путь между Востоком и Западом. Именно этим можно объяснить постоянные напоминания в правительственных инструкциях, адресованных консулам, о том, что необходимо сообщать подробные сведения об иранской торговле с европейскими странами через Персидский залив и Средиземное море. Перед консулами ставилась задача: выявить и оценить перспективы трех главных путей в этой торговле, т. е. через Средиземное море, Персидский залив и через Каспийское море. При этом скрупулезно ставились вопросы, на которые необходимо было со знанием дела ответить: во-первых, «персиане к которому торгу склоннее», через Персидский залив или Каспийское море, «и который из оных двух сортов торг со временем знатнее и прибыльнее быть может»; во-вторых, «в чем именно вышнюю персианам от торгу около Каспийского моря против торгу ж к Средиземному морю прибыль различить надлежит, и в каком ныне о том мнении персиане находятся»⁵². Как видно, правительство России было озабочено выяснением всех преимуществ торгового пути через Каспий по сравнению со средиземноморским и хотело знать об этом мнение самих иранских купцов.

В архивных материалах мы находим систематизированные и подробные сведения о структуре русско-иранской торговли. Торговля шелком-сырцом по-прежнему является ключевой проблемой в сношениях России с Ираном, а также в связях последнего с Европой. Об особой ее актуальности для России и необходимости ввоза сырья красноречиво говорили уже в 50-х гг. организаторы купеческой Российской компании по торговле с Персией: «Государству ничто так полезно и прибыточно быть не может, как сделанных на российских фабриках и родившихся всяких товаров своего отечества отвоз, и продажа будет умножена в чужие государства, за которые получать можем в Россию таковые нам нужнейшие товары, а паче шелк-сырец разных сортов, который наиболее потребен на размножение российских фабрик, и прочие товары»⁵³.

Шелк-сырец оценивается в различных документах «как весьма нужное для России произращение, от коего довольствуются российские фабрики, питается множество ремесленников, немалое число сухопутных от Петербурга до Астрахани и обратно извозчиков, да и служащих на судах и при купечестве работников»⁵⁴. Все это наглядно характеризует массовое приобщение населения как к производству изделий из шелка, так и к широкому его сбыту и транспортировке. В целях поощрения коммерческой инициативы в приводе шелка и благородных металлов российская Коммерц-Коллегия в своем обращении от 1757 г. к генерал-лейтенанту Воронцову и бригадиру Мельгунову дала им разрешение в течение 15 лет (начиная с 1758 г.) вывозить «на собственных судах» соль в Иран в обмен на золото, серебро и шелк⁵⁵.

В источниках можно почерпнуть конкретные данные о масштабе торговли шелком-сырцом за отдельные годы. Так, консул М. Суляков в 1765 г. сообщал: «Шелку ныне перед прежними годами уродилось большое количество, из коего в нынешнем году весною и осенью в Россию от Бакинского порта в отпуске имелось до 3-х тыс. пудов»⁵⁶. Но его могло быть значительно больше, как уверяет консул, если бы кубинский хан «не учинял грабительства» приезжающим купцам из Шемахи: многие заверяют, что «было бы оного шелка оттуда в вывозе и отсюда в отпуске в Россию до 5-ти тыс. пудов»⁵⁷.

Имеются также данные об импорте шелка в Россию в конце 70-х гг. Так, в 1778 г. астраханский губернатор Якоби писал, что с октября по декабрь из Ирана в Астрахань было привезено 3 тыс. пуд. шелка-сырца и пряжи. «А ввозился тот товар, — говорит он там же, — по 4 раза в году — весною, летом, осенью и зимою»⁵⁸. Из сообщения того же губернатора Якоби видно, что в обмен на шелк подданные Ирана — шекинские, шемахинские,

дербентские, бакинские торговцы, а также армяне и грузины вывезли из Астрахани за один только 1776 г. 600 тыс. руб. При этом он обратил внимание на то, что шелк в город ввозился не только морем, но и сухим путем через Кизляр⁶⁹.

В инструкциях русским консулам указывалось, что закупки шелка имеют в виду не только внутренние потребности России. В одной из них, адресованной вновь назначенному консулу Г. Мерке, от имени Коммерц-Коллегии одновременно как бы спрашивалось и рекомендовалось: «Можно ль провоз оного (т. е. шелка. — Н. К.) из Персии в Россию так умножить, что б за продовольствием здешних фабрик можно оного знатное количество каждой год в Европу отпускать»⁷⁰.

На пути расширяющейся торговли шелком между двумя странами возникали многие трудности и препятствия. Одни из них были связаны с произволом местных властей, с продолжающейся практикой вывоза шелка на Запад через Турцию⁷¹, другие были сопряжены с соперничеством между русскими и иранскими купцами, так как последние объединялись в негласные коммерческие компании и в целях большей наживы повышали цены на шелк⁷². Не случайно поэтому русские купцы считали иранских своими опасными конкурентами.

В связи с этим следует признать, что одной из отличительных особенностей в двусторонних торговых сношениях изучаемого времени была необычайно повысившаяся общая активность иранского купечества. Так, в сообщении консула В. Яблонского прямо указывалось, что «коммерция здешняя едва ли не большей частью основывается ныне на персидских подданных»⁷³. Эта же мысль разливается и подкрепляется доказательствами в другом документе: «Персиане вступили уже сами в коммерцию и начали вывозить как от тамошних ханов, так и от первых знатных капиталистических персиан собственного своего персидского продукта лучшие разные товары»⁷⁴.

Все это, разумеется, не могло не встревожить русских торговцев, так как предвещало им определенные убытки. Все чаще астраханское купечество начало объяснять свои неудачи в торговле успехами иранских коммерсантов, у которых якобы имелись более выгодные условия для внешнеторговых операций, так как они «с должников в назначенные сроки без сумнительства получают деньгами и товаром», располагают большими возможностями в срок закупить высокие сорта шелка (например кашанский, гиланский) и поэтому могут его продавать дешевле⁷⁵. Очевидно, этим и объясняется то, что переводчик Шубин, исполнявший обязанности консула, в интересах русских купцов предложил строжайшим образом «прием на российские суда и перевоз в Астрахань Персиан с шелком уничтожа», т. е. запретить,

потому что «от их торговли превеликой российской коммерции подрыв»⁷⁶. Одновременно рекомендовалось благожелательное отношение к тем иранским купцам, которые экспортируют в Россию другие товары: «А которые персиане без шелка, но с другими товарами, яко то с алмазами или индийского продукта вещами похотят ехать в Россию, то можно им дать вольность, ибо от них без всякого помешательства российской коммерции будет высочайшему ее императорского величества интересу польза»⁷⁷.

Другими ходовыми товарами, ввозившимися в Россию из Ирана и Закавказья, являлись разные виды хлопчатобумажной пряжи, шелковые, парчовые и бумажные ткани, а также изделия из них, овечья и верблюжья шерсть, украшения из драгоценных камней⁷⁸, некоторые продовольственные товары — рис, сушеные фрукты и др. По специальному указанию или запросу Коммерц-Коллегии в конце 70-х гг. составила особую ведомость⁷⁹ по учету импортируемых из Ирана так называемых «питейных и съестных припасов» за три года (с 1775 по 1777 г. включительно). В перечне товаров называются: рис, грецкие орехи, фисташки, миндаль, сухофрукты, изюм, ширазское вино и др. Привоз этих «припасов» за указанный период был неравномерным. В 1775 г. их было доставлено на сумму в 5 741 руб. 65 коп., в 1776 г. — 1 244 руб. 41 коп., в 1777 г. — 3 596 руб. Одновременно было собрано пошлин: в 1775 г. — 1 353 руб. 58 коп., в 1776 — 291 руб. 28 коп., в 1777 г. — 851 руб. 18 коп. Общая сумма завезенных товаров за три года составила 10 582 руб., а пошлины, поступившие в портовую таможенную Астрахани, равнялись 2 496 руб., т. е. составили более чем одну четвертую часть от всей суммы оборота.

Как видно, приведенные данные ведомости, касающиеся только одного вида иранских товаров, подтверждают ту таможенную политику, которую еще раньше (о чем упоминалось выше) разработал астраханский губернатор В. Н. Татищев. В его известном «Рассуждении о товарах привозных и отвозных астраханского порта» иранские изделия, поставляемые в Россию, дифференцировались по следующим группам:

I. Беспшлинные и облегченные («товары нам нужные и полезные»)⁸⁰.

II. Товары не очень нужные, но полезные, которые в России не делаются, «каковые с малою пошлиною привозить позволять»⁸¹.

III. Изделия «посредственные, от которых средняя пошлина»⁸².

IV. «Негодные товары или фабрика русским помешательны»⁸³.

В том же «Рассуждении» предлагалось «все потребные», а

также «не весьма нужные нам товары» пропускать беспощадно на Запад, так как привозные сборы с них уже взяты.

Из документа одновременно явствует, что во внешне-торговой практике России в отношениях с Востоком довольно тщательно учитывались и оценивались разные категории привозных товаров. При этом в первую очередь принималась в расчет степень их надобности как для развития внутреннего производства (например, шелк-сырец или бумага хлопчатая для фабрик)⁷⁴, так и для пополнения казны деньгами, золотом и серебром «в деле» и «не в деле».

Из России на Восток традиционно вывозились как отечественные, так и европейские промышленные, промысловые и сельскохозяйственные товары. Обычно европейские изделия направлялись через Ригу и Санкт-Петербург в Астрахань и далее — в Иран. В числе реэкспортируемых товаров по-прежнему преобладали английские и немецкие сукна (кармазины, стамеды и др.), разнообразные краски, а также сахар и некоторые другие⁷⁵. Из русских же товаров наряду с прославленными сибирскими мехами, а также мерлушками, холстами все большее место стали занимать юфть (кожи), савры, писчая бумага, всевозможные изделия из железа (замки, иглы, наперстки и проч.), продукты сельского хозяйства — пшеничная мука, просо, масло, сало и др.⁷⁶

Консульские бумаги запечатлели также первые шаги Российской компании по торговле с Персией. Ее возникновение и деятельность были связаны в первую очередь с экспортом пшеничной муки, проса и других продуктов питания⁷⁷. В 1750 г. участники этой компании (купцы-астраханцы Григорьев и Лошкарев, москвич Макаров) обратились к астраханскому губернатору И. Брылкину с просьбой разрешить им ежегодно вывозить в Иран по 2 тыс. мешков муки, при этом с твердым обязательством с их стороны — вырученные деньги (золотые и серебряные монеты) сдавать в казну⁷⁸.

С подобным ходатайством в Коллегию иностранных дел обратились другие «компанейщики»: Д. Земсков, Д. Ситников, И. Ситников, Т. Ключев, З. Шубин и Л. Иванов. Они запросили разрешения на ежегодный вывоз в Иран 3 тыс. кулей муки и проса⁷⁹. Эта просьба также была удовлетворена. От губернатора Астрахани И. Брылкина в Коллегию иностранных дел поступала сведения о том, что в 1750 г. только В. Макаровым с приказчиками на «компанейских» и казенных судах было отправлено 6 800 четв. муки, из них одна половина принадлежала казне, другая — компании⁸⁰. Права вывоза муки в Иран добились также Санкт-петербуржец Л. Ширванов и астраханец И. Макаров⁸¹.

В 1753 г. только один армянский купец Исаханов вывез в

Иран 1 000 мешков муки в обмен на золото, серебро и шелк-сырец⁸². В следующем 1754 г., по-видимому, тот же купец-армянин Исаханов совместно с братом вторично получил право на вывоз муки (1 000 мешков) на тех же условиях и при тех же обязательствах⁸³.

В документах сохранились сведения, говорящие о том, что нередко такие жизненно необходимые товары, как мука, вывозились в Иран по просьбе местных правителей⁸⁴.

В начале 50-х гг. при сложившихся обстоятельствах острой нужды в хлебе на Востоке и в Иране, а также ярко выраженном стремлении правительства России пополнить казну золотом и серебром со стороны отдельных купцов (например, петербургского купца М. Назаретова и астраханца Реваса Залиева) делаются попытки монополизировать торговые операции по сбыту в Иран муки, разных видов зерна, юфти с целью приобретения денег. В своем ходатайстве перед правительством в 1753 г. они выдвигают как непереносимое условие «протчим купцам и другим партикулярным людям, акромья нас именованных, муку пшеничную и юфть в Персию отпускать запретить»⁸⁵.

Среди других товаров русского экспорта фигурируют такие продукты, как сало, коровье масло⁸⁶. В этой связи представляет определенный интерес сохранившаяся ведомость, подготовленная русским консульством на основании поступивших сведений от российских, индийских и иранских купцов. В ней содержится перечень товаров, отправленных в 1755 г. в Иран на судне «Санкт-Георгий», которое затонуло. В этой росписи обозначено: 521 пуд. 30 ф. коровьего масла, около 30 тыс. аршин холста, 29 пуд. мыла, 2 046 юфтен, 750 савр и др. В этом же списке наряду с русскими товарами значатся и европейские: кармазины, стамеды, 18,5 пуд. сандала, 3 пуд. семя консельного, 10 стоп писчей бумаги, 39 пуд. сахара⁸⁷.

В фонде Коммерц-Коллегии имеется так называемая справка о вывозе из России в Иран в течение трех лет (с 1754 по 1756 г.) таких товаров, как пшеничная мука, кожа, холст с указанием размера пошлин (табл. II), которые составляют примерно четвертую часть от общей суммы экспорта. При этом следует особо отметить, что исключительным спросом на иранском рынке пользовались кожи. По сбыту этих товаров у России не было конкурентов, они распродавались в любом количестве в обмен на золото, серебро и шелк-сырец⁸⁸.

Одней из характерных черт в торговых сношениях России с Ираном во второй половине XVIII в. было то, что с каждым новым десятилетием все нарастала тенденция к вывозу ранее запрещенных (так называемых «заповедных») товаров, которые были предусмотрены правительственными указами 1717, 1721,

1737 и 1745 гг.⁸⁸. В ряду «заповедных» товаров видное место занимали металлы (железо, олово, золото, серебро, медь в монетах и слитках, медь «в деле» и «не в деле» и проч.), предметы военного снаряжения, судовые снасти, птицы (кречеты и соколы), корень-марена и корень-речень и некоторые другие.

Таблица 11
Экспорт русских товаров в Иран за 1754 — 1756 гг.⁸⁹

Год	Мука	Кожа	Холст, арш.	Пошлины, руб.
1754	6 818 четв. 4 320 мешков	6 665 пуд. 1 ф.	80 024	8 726
1755	2 013 четв. 1 500 мешков	7 743 пуд. 20 ф.	23 634	9 257
1756	10 мешков	4 071 пуд. 11 ф.	266 347	5 596
Итого	8 831 четв. 5 830 мешков	18 479 пуд. 32 ф.	370 005	23 579

Подобные ограничения в экспорте товаров, наряду с положительной ролью, несомненно, играли и отрицательную, т. е. наносили ущерб казне, суживали возможности русской торговли в Иране и объективно способствовали расширению коммерческих связей Ирана с Европой через Средиземное море и Персидский залив.

Естественно, в сложившихся исторических условиях созрело и критическое отношение к таким запретам во внешнеторговых операциях России с Востоком.

Однако уже в 40-х гг. XVIII в. были выдвинуты и обоснованные контрвозражения против сторонников «полной свободы» и вывозе русских товаров на Восток. Как говорилось выше, тот же астраханский губернатор В. Н. Татищев решительно настаивал в своем известном «Рассуждении» на том, что при экспорте (так же, как и при импорте) отечественных изделий следует исходить прежде всего из интересов развития всей внутренней экономики страны и ее собственного производства. Он предлагал строго разграничивать те русские товары, которые направлялись на внешние рынки, учитывая при этом первостепенные нужды своей страны. Выделяя как особую группу товары, «подлежащие казенной монополии» (железо, сталь, рыбий клей, черные лисицы, корень-речень), В. Н. Татищев подчеркивал: «На оных (т. е. товарах. — Н. К.) должно внятно рассмотрев, полезное определение учинить, что б пошлина напрасно не пропадала»⁹¹.

Астраханский губернатор рекомендовал правительственным кругам смелее пользоваться гибкой системой таможенных сборов при вывозе товаров за рубеж. Защищая интересы русской

промышленности (добывающей и обрабатывающей), он в самой общей форме делил все вывозимые товары на два разряда: к первому относились «вещи в деле», т. е. обработанные (кожаные, медные изделия, предметы из благородных металлов и др.); ко второму — «вещи не в деле», т. е. сырые — «лен, пенька, кожи сырые, шерсть овечья, пряжа льняная и шерстяная». Товары первого типа, по мнению В. Н. Татищева, должны облагаться малой пошлиной, а товары второго типа — высокой⁹².

В зависимости от внутренней конъюнктуры в стране, например в засушливые годы («когда недород у нас»), В. Н. Татищев предлагает повысить таможенные сборы на пшеницу и другие зерновые, т. е. «пошлиною их отяготить, чтобы вывоз несколько удержать»⁹³; в урожайные годы он рекомендует «не отягощать» пошлиной вывоз таких продовольственных товаров, как мука, крупа, мед, масло, сало⁹⁴. Интересны также его размышления (хотя и не всегда бесспорные) в отношении отдельных «заповедных» товаров. Традиционно сложившуюся номенклатуру запрещенных товаров он как бы подвергает ревизии. Так, обычный мотив к запрету на вывоз в Иран судовых снастей (в том числе веревок и канатов) сводился к объяснению, «что б персмане флота на Каспийском море не завели». В. Н. Татищев резонно замечает по этому поводу: «Шведы нам на море гораздо более, нежели персиане, опасны, однако ж им во время мирное не запрещены (такие товары. — Н. К.), и они столько оных купить могут, сколько им в войне потребны, а Персия не имеет способ к построению таких судов, чтоб на сем море усилиться и нам вред нанести»⁹⁵.

Оспаривая привычные суждения о необходимости запретить экспорт русского железа в Иран (довод: «для удержания от войны»), автор не без основания утверждал: «Не железо, ни же самое оружие, но люди воюют»⁹⁶. По тем же издавна укрепившимся соображениям военной безопасности запрещался русский экспорт в Иран олова (металл «в деле» и «не в деле»). В. Н. Татищев активно возражал против этого, мотивируя тем, что «оное (т. е. олово. — Н. К.) ни мало к военным приислать не можно», а само прекращение торговли этим товаром, по его мнению, наносит ущерб только государству: «через то мы токмо провозную пошлину теряем»⁹⁷.

Однако все выдвинутые В. Н. Татищевым программные положения и критические замечания об организации товарообмена между Россией и Ираном нашли реальное воплощение только во второй половине XVIII в., особенно в его последние десятилетия. И это было, разумеется, не случайным явлением, а закономерным следствием тех серьезных сдвигов в добывающей и обрабатывающей (особенно металлургической) промышленности,

которые совершались в ту пору в России. К тому же все возраставший на иранском рынке спрос на русские «заповедные» товары содействовал такому развитию товарообмена. По-видимому, не случайно также в этой связи у некоторых официальных русских представителей в Иране обнаруживается живой интерес к данному вопросу. Так, в 1764 г. русским купцам дается распоряжение за подписью консула И. Игумнова выяснить, каковы потребности персиян в железе и стали, а также узнать, «откуда они оные через какой способ получают»⁹⁸.

По отдельным разрозненным сведениям можно заключить, что губернские власти в Астрахани мирились с торговой практикой вывоза в Иран «заповедных» товаров (в том числе разных видов металла), за счет которых структура русского экспорта уже в 60 — 70-е гг. значительно расширилась. Консул В. Яблонский в 1772 г. в своем донесении в Коммерц-Коллегию сообщал: «Ныне в Персии на российские товары поход хороший»⁹⁹.

Таким образом, наряду с известными, традиционно установленными товарами (холст, юфть, мука и проч.), как показывают документы, на иранский рынок сбывались и «заповедные»: железо, сталь, золото, серебро, кожсырье, российские серебряные деньги, — несмотря на строгое запрещение торговать ими «под жесточайшим страхом»¹⁰⁰. Одновременно следует подчеркнуть количественное и качественно-видовое нарастание этих товаров в русском экспорте, что подтверждается и некоторыми другими документами, хранящимися в ЦГАДА и АВПр.

§ 2. Новые тенденции в торговых связях России с Ираном в конце XVIII — начале XIX в. и их отражение в экономических планах и записках современников

В последние десятилетия XVIII в. русско-иранские торговые контакты серьезно осложнились острой и затяжной феодально-междоусобной борьбой в Иране, которая лихорадила хозяйственную и политическую жизнь страны на протяжении 60-х — первой половины 90-х гг. и, наконец, закончилась приходом к власти в 1796 г. каджарской династии во главе с сильным и жестоким Ага Мохаммед-шахом. Эта победа северной тюркской группировки над Зендами (наряду с другими обстоятельствами) была в определенной мере обусловлена экономическими и военными преимуществами северных областей страны по сравнению с южными. В ряду этих преимуществ немалую роль, по-видимому, сыграло традиционное хозяйственное и торговое общение северного Ирана с Россией.

В отечественной исторической литературе высказывалось мнение о том, что «расширение торговых связей с Россией имело очень большое значение для экономики северного Ирана. Южные области Ирана, несмотря на все старания Керим-хана Зенда, не могли достигнуть такого состояния, в каком они находились до афганского вторжения. Вывоз товаров из портов Персидского залива в то время имел меньшее значение, нежели торговля с Россией»¹⁰¹. Это наблюдение и вывод, сделанные И. П. Петрушевским, имеют принципиальное значение для оценки одного из трудных и противоречивых периодов в истории как общих связей, так и конкретно торгово-экономических взаимоотношений между Ираном и Россией.

Однако существует и прямо противоположная точка зрения по этому вопросу. Так, О. П. Маркова в своей монографии достаточно категорично утверждает, что в последние десятилетия XVIII в. русско-иранские экономические и торговые связи находились в состоянии полного упадка, «застоя» и «деградации», а главной причиной этого являлась торговая деятельность Ост-Индской компании¹⁰². Для решения поставленного вопроса и доказательства правомерности первой или второй из приведенных точек зрения, как нам представляется, необходимо обратиться к другим, малоизвестным архивным документам, принадлежащим прямым участникам и деятелям изучаемой эпохи.

В ряду таких документов особого внимания заслуживают «Примечание о Каспийском торге, или Гмелиновы предложения о Каспийском торге»¹⁰³, «Краткое изображение Российской торговли в Персию консула М. Скибиневского»¹⁰⁴, «Мнение графа В. А. Зубова о торговле с Азией»¹⁰⁵ и небольшая безымянная рукопись под названием «Причина упадка Астраханской в Персию торговли»¹⁰⁶.

Все эти официально подготовленные записки принадлежат лицам, или непосредственно находившимся на государственной службе, или временно исполнявшим правительственные задания, но и в том, и в другом случае очень хорошо осведомленным как в делах Ирана, так и в сложных перипетиях торговых и политических отношений между двумя странами. Так, в 1768 — 1774 гг. по заданию Императорской академии наук С. Г. Гмелин совершил большое путешествие по бассейну Дона, низовьям Волги, Кавказу и побережью Каспийского моря. В завершение пути он специально посетил Иран. О пребывании и хорошем приеме русского путешественника в этой стране в своем донесении в Коммерц-Коллегию в 1771 г. сообщил другой его современник, консул В. Яблонский: «Хан де ... рященский ныне к Российским весьма благосклонен и милостив, так что выехавший оттуда профессор Гмелин не может его милостью похвалиться»¹⁰⁷.

Но, по-видимому, не всегда гостеприимно встречали русских

людей местные иранские власти. Тот же С. Г. Гмелин в другой раз попал в плен к каракайтакскому властителю и, находясь в заключении, сумел тайно передать подготовленную им рукопись под названием «Примечание о Каспийском торге, или Гмелиныны предложения о Каспийском торге»¹⁰⁹.

Советский исследователь М. А. Полиевктов не без основания указывал на большую роль С. Г. Гмелина в подготовке «источников по истории Кавказа»: «Наряду с такими деятелями, как Гильденштадт и Паллас, он (С. Г. Гмелин. — Н. К.) не только книги писал, но и всей своей деятельностью способствовал изучению Кавказа»¹¹⁰.

Другой из упомянутых документов (записка консула М. Скибиневского) был подготовлен через 20 лет после «Примечания» С. Г. Гмелина, т. е. в 90-х гг. XVIII в. На эту рукопись и ее автора обратил особое внимание еще П. Г. Бутков: «Российский консул в Персии (на острове Сары) коллежский ассессор Михайла Скибиневский представляет "Описание торговли в персидских провинциях Каспийского моря", это подлинное описание, написанное старинным почерком и за собственноручной подписью Скибиневского»¹¹¹. В нем содержатся, как подчеркивает автор, важные сведения о торговле в Дербенте, Баку, Сальянах, Ленкоране.

Л. С. Семенов установил, что статья «Описание российской торговли, в Персии производимой», опубликованная позже в журнале «Восточные известия» (август — сентябрь 1815 г.), составлена по краткому отчету российского консула в Иране М. Скибиневского: «Помещение этой статьи, — отмечает историк, — накануне открытия русско-иранских переговоров показывает, что экономические и политические требования, выдвигаемые в статье, представляли практический интерес и после Гюлистанского мира»¹¹². О. П. Маркова в своем известном труде, где рассматриваются международные связи России и Закавказья, ссылается на эту же публикацию в «Восточных известиях»¹¹³.

В привлекаемой нами рукописи отражены некоторые подробности биографии ее автора-составителя и те драматические обстоятельства, при которых он, Михайла Скибиневский, коллежский ассессор, получил пост русского консула в Иране. «Астраханский генерал-губернатор граф Иван Васильевич Гудович изволил послать меня, — пишет М. Скибиневский, — в Персию к управлению консульской должности и, получивши донесение от выше упомянутого в консульских делах поверенного, что Энзели оставлены, дом консульский разорен и все селение российское персиянами истреблено, приказал мне остаться в Баке, где с 28 апреля 1793 по 1794 год я жил в отведенном мне в городе

доме»¹¹⁴. О дальнейшем своем продвижении М. Скибиневский сообщает: «Наконец, как по высочайшему указу блаженной памяти государыни Екатерины Вторые, в 1794 г. данному, занят был того же года российской воинскою командою остров Сары и назначен пристанищем для российских судов, то в исполнении того же указа и приехал я с консульскою свитою на сей остров 8 декабря 1794 г.»¹¹⁵ В 1799 г. М. Скибиневскому предложили пересечь в Энзели, откуда он мог «по коммерческим делам ездить во все прочие города Персии, куда надобность потребует, не встречая нигде противности»¹¹⁶. В 1804 г. М. Скибиневский был назначен генеральным консулом в Баку¹¹⁷.

Третья из названных записок «Мнение графа В. А. Зубова о торговле с Азиею» (18 рукописных листов) состоит из трех частей: «Общее обозрение торговли с Азиею»; «О Российской торговле с Персией»; «О торговле с Индией». Впервые записка В. А. Зубова была опубликована в 1829 г. в журнале «Сын отечества» (т. VI) под названием «Общее обозрение торговли с Азиею». О. П. Маркова в своем исследовании использовала это издание¹¹⁸, а Л. С. Семенов привлек публикацию статьи в журнале «Русский архив» (1873, кн. I).

При сравнении рукописного текста записки В. А. Зубова с документом М. Скибиневского бросается в глаза некоторая общность в их содержании, а в отдельных местах заметны дословные совпадения. Очевидно, В. А. Зубов был хорошо знаком с рукописью М. Скибиневского, поэтому еще П. Г. Бутков высказал справедливое предположение: «По всей вероятности, эта записка (М. Скибиневского. — Н. К.) была представлена графу В. А. Зубову»¹¹⁹.

Совершенно очевидно, что все документы, включая и анонимную рукопись («Причина упадка Астраханской в Персию торговли»), появились не только в результате любознательности отдельных энтузиастов. В конце XVIII — начале XIX в. произошли такие важные события в отношениях России с ее восточным соседом, как Персидский поход Зубова, подготовка и начало русско-иранской войны. В историческом развитии России этот период характеризуется новым усилением ее влияния в международных делах, ростом дипломатической активности, развитием экономики, расширением ее южных территорий вплоть до Кавказа.

Авторы рассматриваемых документов пытаются дать обобщенное и систематизированное представление о русско-иранской торговле в последние десятилетия XVIII и начале XIX в., а также рекомендовать меры для ее укрепления и расширения. Несмотря на некоторую разновременность в написании записок, авторы сходятся в мнении о важной роли торговли в укреплении

русско-иранских отношений. Каждый из них по-своему аргументирует необходимость более широких и интенсивных связей России с Ираном и вообще со странами Востока. Так, граф В. А. Зубов, учитывая исторический опыт экономического развития многих европейских государств, пишет: «Азия, изобильнейшая часть света драгоценными произведениями, издревле обращает на себя внимание всей Европы. Через торговлю, а наипаче с нею, целые государства ... достигали и ныне достигают до высшей степени знаменитости, силы и величия»¹¹⁹.

Особое внимание этой проблеме — обоснованию целесообразности и выгоды торгового обмена между Россией и Ираном — уделял и С. Г. Гмелин еще в 70-х гг. XVIII в. Имея в виду экономические связи с другими государствами и ближайшее соседство России и Ирана, автор «Примечания о Каспийском торговле» с большим пафосом утверждал, что по сравнению с Россией в иранской торговле «никакой народ не имеет к тому лучшей способности по местоположению»¹²⁰. Но С. Г. Гмелин высказал и более глубокие мысли о принципах экономических связей двух стран: «...Отправление торгов сделалось наукою, как экономия возвышается до превосходнейшей и любезнейшей науки»¹²¹. Эффективность внешней торговли он связывал с уровнем производства внутри страны. «Если рассудить о Каспийском торговле имея предметом российский интерес, — пишет Гмелин, — то бесспорно оный оказывается невыгоднейшим образом, есть ли будет стараться производить оный в сопряжении с нашими мануфактурами»¹²².

Составители документов рассматривали торговлю в связи с политическими и военно-стратегическими целями России на Востоке, на что в свое время обратил внимание М. А. Ползевков¹²³. Естественно, что правительственные чиновники, авторы рассматриваемых записок, не могли ограничиться только чистыми проблемами торговли. Так, в рукописи Скибиневского вопросы торговые, политические и стратегические дополняют друг друга. Автор озабочен активизацией Англии в Иране, проявляет пристальный интерес к расположению портов и островов, которые он тщательно описывает. Доказывая целесообразность пребывания консула в Энзели, он пишет, что кроме защиты интересов купцов есть и другие политические причины, «для которых потребно жить консулу в Энзели»¹²⁴. Призывая русское правительство укрепиться на восточном побережье Каспийского моря, он предлагает превратить в опорный пункт Мангышлак: «Должно выбрать по крайней мере такое место, где б можно, так сказать, поставить ногу и откуда б была удобность простирать виды далее и исподволь изобретать способы к произведению намерений в желаемое действие»¹²⁵.

Подобные идеи вынашивались и до Скибиневского. В 1771 г. астраханский губернатор Бекетов в беседе с российским консулом в Иране В. Яблонским утверждал, что нет никаких других способов к восстановлению «упавшей в Персии коммерции, как непременно изыскивать в котором-либо месте остров или удобнейшее пристанище и сделать оное безопасным и прочным на будущее время»¹²⁶.

Предлагались разнообразные планы освоения Каспийского моря. Например, настойчиво рекомендовалось построить крепость при реке Эмбе «для приведения в цветущее состояние торговли левого берега», «захватить озера в этом районе, содержащие лучшую соль, в обладание державы российской ... И тогда границы российской империи утвердятся на сей реке...»¹²⁷.

Как бы разделяя и развивая мысли М. Скибиневского, автор рукописи «Причина упадка Астраханской в Персию торговли» писал: «Мы подались уже довольно в Персии, Грузия в нашем подданстве, но не имеем во владении Каспийских берегов». Далее он заявляет, что наступил исторический момент, «благополучный час для обогащения России приобретением к ее подданству Каспийского берега»¹²⁸.

Наиболее конкретно формулирует экономические и стратегические задачи русского правительства в этом районе Кавказа и Каспия В. А. Зубов. Он прямо указывает на необходимость осуществления так называемого «Плана Великой Екатерины на Востоке»: «Чтоб персидская торговля обратилась в Россию, нет иного средства, как привести в точное исполнение все предполагаемое Великой Екатериною»¹²⁹. Особые надежды автор возлагал на Грузию: «Грузия есть для нас нужнейшая, я скажу, что к образованию в крепости и силе политического ее бытия для существенных выгод России необходимо нужно границы оной протянуть до исхода рек Куры и Аракса и присовокупить к ней по Араксу лежащие укрепления Шушу, Нахичевань и Ереван, а к Черному морю по реке Биону или Фазу, Имеретию». Далее Зубов подчеркивает, что это «единственное средство утвердить русскую торговлю на Каспийском море»¹³⁰.

Заботясь о расширении и безопасности торговых путей на Восток, он предлагает также «построить ниже впадения реки Аракса крепость для защиты русской торговли с Ираном от буйных и хищных горских народов»¹³¹.

Некоторые из авторов разбираемых документов хорошо понимали, что успехи международной торговли, в частности русско-иранской, зависят не только от экономических и военных факторов, от расширения границ и строительства крепостей, но и от мирных политических акций между соседними государствами. М. Скибиневский с большей глубиной и тонкостью, чем дру-

гие, сформулировал эту мысль: «Силу трактатов, в пользу торговли сделанных, нужно принести в достолюбезное уважение и действие посредством возобновления соседственной дружбы и иных политических пособий». Принципы осуществления «соседственной дружбы» и применения «политических пособий» в отношениях между странами были очень прогрессивными и, как он полагал, создавали такие условия для русско-иранского торгова, при которых «не нужно будет и содержание многих военных судов при персидских портах, требующих на вооружение их значных издержек»¹³².

Политические аспекты при оценке экономических и торговых связей характерны для авторов всех рассматриваемых документов. В. А. Зубов, постоянно заботившийся о процветании города Баку, о превращении его в центр русско-иранской торговли, указывал и на далеко идущие политические цели. «Итак, когда через Баку откроется верный путь к торговле, то не послужит ли это, между прочим, надежнейшим средством для России возыметь по времени самое сильное политическое влияние на всю Персию»¹³³.

В конце XVIII — начале XIX в. экономическое развитие России характеризовалось сравнительно быстрым развитием мануфактур, возникновением новых и усовершенствованием старых отраслей производства, среди которых одно из важных мест занимали хлопчатобумажные и шелкоткацкие предприятия. Снабжение их сырьем было предметом особой заботы не только предпринимателей, но и правительства. Кроме того, Россия в конце XVIII в. все еще рассчитывала монополизировать транзитную торговлю шелком-сырцом.

Не случайно Гмелин в своей записке большое внимание уделяет вопросу о торговле (вернее, импорту) шелком-сырцом и хлопком, так как «они суть невыделанные материи, коих требует польза России. Все другие вещи, как бы они не назывались, почитают за побочные»¹³⁴. Учитывая опыт Англии и Голландии, он настойчиво рекомендовал властям России организовать монопольную компанию по торговле с Ираном, что значительно облегчило бы возможность «получить шелк и хлопчатую бумагу по умеренной цене, и сии оба неделанные товары могут доставить такой доброты, какой хотят»¹³⁵.

Консул М. Скибиневский в 90-е гг. также считал, что русская торговля с Ираном прежде всего основывается на ввозе шелка-сырца и хлопка¹³⁶. Он внушал властям мысль о том, что «весьма благопотребно поощрить вывоз из Ирана шелка и бумаги хлопчатой, также верблюжьей и овечьей тонкой шерсти, всяких красок и иных сырых материалов в наибольшем количестве для усиления наших фабрик»¹³⁷.

С конца XVIII в. заметно усилилась борьба европейских государств за экономическое и политическое преобладание на Ближнем и Среднем Востоке. Здесь сталкивались интересы Англии, Франции и России. Это остро почувствовали как Гмелин, так и Скибиневский. Гмелин не без преувеличения отмечал, что «персидские ярмарки наполнялись час от часу более английскими шерстяными товарами, кои были хорошей работы и цены сносной, почему более их и покупали. Англичане, зная искусство в коммерции, умели оное употребить себе с выгодною. Их поведение, знание политических дел и искусство, как обратить себе в пользу слабость Персии, и чем подкрепляли их деньгами, все сии обстоятельства доставляли им перед купцами некоторое почтение, а потому и отличное преимущество, которое поспешествовало их торгу»¹³⁸.

Вместе с тем растет и вывоз сырья. Опытные английские купцы, по свидетельству Гмелина, проникали в глубинные районы и чуть ли не на корню контрабандировали у населения урожай шелка. «Англичане не только давали наперед в задаток деньги на будущий урожай, но и брали себе самый лучший, а прочий оставляли персианам, почитая, что опыт не стоит и труда вывозить для их мануфактур»¹³⁹.

Несколько позднее М. Скибиневский не без горечи скажет об этом же: «Россияне соперников себе в торговле чужестранцев никого не имели, доколе англичане не употребляли всевозможных усилий взять участие в персидской торговле»¹⁴⁰.

Но не только внешние обстоятельства, в частности конкурентная борьба на иранском рынке, приводили к сокращению в отдельные годы рассматриваемого периода торговых оборотов между Россией и Ираном. Одна из главных причин заключалась в неустойчивом внутреннем положении Ирана. Анализируемые источники воссоздают яркую картину его экономического и политического упадка в последние десятилетия XVIII в. Политические и социальные потрясения пагубно отражались на экономическом положении народа и страны. Неизвестный автор пишет: «Судя по обстоятельствам, всякий может усмотреть, что Персия, раздираемая внутренними раздорами, ничего противоположить не в состоянии»¹⁴¹.

Междоусобные распри ханов привели к резкому ухудшению финансового положения страны, к усилению налогового гнета, а это, в свою очередь, сопровождалось обострением классовых противоречий, ростом народных волнений.

Следует отдать должное авторам рассматриваемых документов: они сумели относительно верно определить внутреннюю обстановку в Иране, разглядеть и объяснить причину бедственного положения широких слоев населения в Гиляне, Мазендеране и

ряде других областей. Так, Гмелин отмечает: «А как от паложения шахом Надиром на его подданных великих податей вся Персия приведена была в стесненные обстоятельства, то бывшая по смерти его возмущения, во время коих друг у друга отнимали и жизнь ... становились час от часу тягостнее и для россиян»¹⁴². Резюмируя свои наблюдения, он пишет: «Каждая страна в Персии, каждый персидский город готовы всякий день к бунту»¹⁴³.

Нечто подобное о внутреннем положении в Иране в ту же пору сообщают и другие современники, например консулы И. Тумановский, Д. Скиличий и др. Так, первый в своих допесениях писал, что после смерти Керим-хана Зенда «происходят по всей Персии замешательства и междоусобия ... Чья сила на сколько время берет, тот и ханствует, а от того все дороги опасны ... Вся Гилян претерпела неоднократное нападение от других ханов и разграбление ... По дорогам происходят грабежи»¹⁴⁴.

Консул М. Скибиневский, деятельность которого пришлось на 90-е гг., относит начало внутренней смуты в Иране к моменту падения империи Надир-шаха, т. е. к концу 40-х гг., считая при этом, что такое состояние продолжалось. Он сообщал, что «по смерти шаха Надира восстали еще большие мятежи и неустойства от междоусобных браней в разных провинциях между искателями шахского достоинства»¹⁴⁵. И как закономерное следствие этого автор отмечает хозяйственную разруху в Иране: «Фабрики от мятежей и притеснений упали»¹⁴⁶.

Введение в Иране денежных налогов вместо натуральных повлекло за собой усиление грабежа народных масс. Крестьяне вынуждены были за бесценок продавать шелк, чтобы выплатить налоги. Они, по свидетельству Гмелина, «претерпевают многие насильства, ибо, имея зимою в деньгах пужду, не могут почти обойтись без того, что персидские купцы дают им в задаток, почему и принуждены бывают уступать им шелк за самую малую цену»¹⁴⁷.

Естественно, что авторы документов проявили особый интерес к правовому и материальному положению купечества, особенно армянского. Как известно, последним в прошлом принадлежала монополия торговли шелком в Иране, они пользовались исключительными привилегиями и гарантиями. Учитывая мировую известность и коммерческий опыт этих купцов, Гмелин особо подчеркивал необходимость привлекать их к российской торговле, так как «армяне великую имеют способность к персидскому торгу, ибо они разумеют персидский и турецкий язык; знают государство и свойства жителей»¹⁴⁸.

В период смут и раздоров положение армянских купцов резко изменилось. «Утесненные правительством и разоренные от

наложения великой подати, — указывает Гмелин, — они вынуждены были терять свое счастье в торговле и забирать на себя долги ... из купцов сделались простые кормишки, маклеры и прикащики, как на чужой счет приобретают столько, что могли только себя питать и скрывать от людей свое бедственное состояние»¹⁴⁹. Некогда прославленные и привилегированные купцы теперь «... торгуют в Персии, чтоб платить долги долгами, чтобы не умереть с голоду»¹⁵⁰.

М. Скибиневский, в свою очередь, сообщает, что подавляющая часть армян из Джульфы вынуждены были эмигрировать в Индию, Турцию, Голландию, «словом в те места, где безопаснее прожить и более удержать прежний образ жизни надеялись»¹⁵¹.

Положение русских купцов также мало чем отличалось от положения армян. В записке С. Г. Гмелина говорится, что «чуждые грабежи ежедневно наносили опасность» русским купцам, так как в Иране «тогда не спрашивали, кого грабили», и «брали где что находили», «потеряли и россияне при сих смутных обстоятельствах целый магазин товаров. И понеже нигде не можно было найти суда, то от сего многие российские купцы заведены были в новый лабиринт»¹⁵². В том же документе утверждается, что русские купцы не только терпят убытки, но и лишены элементарных прав: «Они должны торговать с ними (с персами. — Н. К.) на кредит, претерпевают ... в нарушение купеческого и народного права великие убытки, не получают нужного правосудия по правовым делам своим и по причине настоящих в Персии обстоятельств подвержены бываюти всяким насильствам, не имея нимало надежды к возвращению ... убытка, да и то еще за счастье почитать должны, ежели в таком случае от смерти себя избавят»¹⁵³. Все эти факты наглядно воссоздают обстановку произвола и беззакония, царивших в Иране конца XVIII в.: отсутствие политической стабильности, часто сменявшие друг друга правители и временщики «не взирали уже более ни на привилегии, ни на трактаты, даже до того, что уже почитали их ныне недействительными, понеже де оные заключены с шахом, кое достоинство теперь в государстве Иранском более не почитается ... Российские купцы нигде себе там удовольствия получить не могут; воляности их нарушены, консул не в состоянии оборонить себя»¹⁵⁴.

В регулярной информации, шедшей в адрес Коммерц-Коллегии, русский консул Д. Скиличий в 80-е гг. докладывал о непрекращающихся столкновениях во владениях Ага Мохаммед-хана¹⁵⁵, а также о том, что русские купцы повсеместно — и в Реште, и в Баку, и в Мазендеране — подвергаются притеснениям, а провинцию Гилян покинули все «первые капиталисты, которые прежде покупали персидские и меняли русские товары»¹⁵⁶, за исключе-

нием русского купца Ивана Ситнепа и армянина Никиты Калустова, никто в Иране не торгует, и вся «коммерция перешла в руки персиян»¹⁰⁷.

В других донесениях того же консула говорится, что во всех иранских портах, в Баку, Эзизли, а также в провинциях Гилян и Мазендеран русских товаров насчитывается не более чем на 300 тыс. руб. «по той причине, что сей торг перешел в руки персиян»¹⁰⁸.

Но в то же время консул не раз повторяет, что главными помехами для русской торговли на рынках были «замешательства во всей Персии и нынешнее тиранское правительство»¹⁰⁹. Относительно последнего Д. Скиличий заявляет, что утвердить такой политический режим Ага Мохаммед-хану непросто¹¹⁰.

Имея в виду крайне неблагоприятную социально-политическую и хозяйственную обстановку в Иране, консулы постоянно сигнализируют о неблагополучии русской торговли в нем. «Производимая в Персии русская коммерция, — отмечает Д. Скиличий, — вместо восстановления в прежнее состояние ныне время от времени приходит во всеконечное падение»¹¹¹.

Такое положение русского купечества в Иране сохранялось длительное время. Так, консул М. Скибиневский в 90-х гг. писал: «Российские коммерсанты, претерпевая грабежи по дорогам, и в городах подвергаясь разным прицепкам и взысканиям, более разорялись, нежели получали пользу»¹¹². В. А. Зубов в своей записке отмечает, что попытки некоторых русских купцов организовать торговлю во внутренних городах Ирана в начале XIX в. также наталкивались на чрезмерные пошлины, притеснения, разбой, грабежи по дорогам.

В условиях политических неурядиц, хозяйственной разрухи не могло не пострадать и финансовое положение страны. Так, Гмелин еще в 70-х гг. XVIII в. указывал, что в Иране «недостаток в деньгах год от году возрастал более»¹¹³. Скибиневский спустя 20 лет вновь подчеркивает острую нужду в золоте и серебре. Он обращает внимание правительственных кругов России на следующее положение в Иране: «Не вывозят уже персияне золота и серебра, а вместо того сами стараются вывозить из России свои металлы в натуре и монете»¹¹⁴.

Наблюдения С. Г. Гмелина, И. Тумановского, Д. Скиличия, В. А. Зубова и некоторых других, хотя и относятся к разным десятилетиям конца XVIII в., содержат ряд общих характеристик внутриполитического и экономического состояния Ирана.

Ценным в документальных записях является и то, что авторы не только свидетельствуют о политической неустойчивости в Иране, хозяйственной разрухе, оскудении государственной казны, но и рассматривают бедственное положение народных масс,

упадок внешней торговли как единое целое. Это хорошо понимали авторы всех названных записок, особенно Гмелин, который отмечал: «И как год от года недостаток в деньгах более умножился, то натуральным образом и торг должен был чувствовать равный подрыв, так что едва десятую часть российских товаров в рассуждении прежнего времени могут продавать»¹¹⁵.

В привлеченных нами источниках наряду с характеристикой прикаспийских провинций Ирана (Гиляна и Мазендерана) дается сравнительно подробное описание Закавказья, определяются его место и значение в торговле с Ираном. В связи с утверждением на шахском престоле Каджаров и их стремлением восстановить власть над Закавказьем положение населения в этом районе становилось невыносимым. Закавказские народы, подвергаясь тяжелым испытаниям и разоряясь во время бесконечных войн и набегов иранских шахов и ханов, возлагали на Россию, с которой у них издавна сложились прочные экономические связи, свои надежды на избавление от иранского господства. Очевидно, этим можно в известной степени объяснить тот факт, что в разбираемых источниках серьезное внимание уделяется Закавказью, его богатствам, торговым связям с Ираном и Астраханью. Интерес русских посланцев к прикаспийским провинциям и Закавказью не случаен: авторы рассматриваемых рукописей выполняли заказ правительственных и деловых кругов России.

Большую роль в русско-иранских торговых отношениях играл Решт — крупный центр внутренней и внешней торговли. М. Скибиневский отмечал, что «в Решт приезжают купцы не только из внутренних персидских городов, но и турецкие из Бассоры, Багдада, Диарбекира и прочих городов; также из Кашемира и из пограничных индийских городов с разными товарами»¹¹⁶. Торговые обороты города были значительны по тому времени, примерно третья часть всех коммерческих операций приходилась на долю России¹¹⁷. По свидетельству Скибиневского, из Решта ежегодно вывозилось на 1,8 млн руб. товаров, помимо драгоценных камней и жемчуга.

Не уступал Решту по объему торговых операций и азербайджанский город Баку, куда съезжались купцы из Азербайджана, Гиляна, Мазендерана, центрального Ирана. «Из Баку развозят не только в Шемаху, Шеку, Гянджу, Карабах и в самой Тифлис сухопутно, но и в Гилян, и в Мазендеран на судах российских, а иногда и на персидских садалах»¹¹⁸. Главное богатство Баку составляли белая и черная нефть, смола, шафран. Зубов в своих записках ратует за превращение Баку в центр торговли с Ираном. «Ежели Баку будет надлежащим образом устроен и всякий увидит себя обеспеченным полною уверенностью в личной безопасности, тогда город сей без всякого сомнения сделается

сосредоточен в всей персидской торговле и привлечет к себе самых богатейших промышленных людей»¹⁶⁹.

Довольно оживленным торговым центром были также Сальяны, куда ежегодно прибывало шесть больших судов за рыбой, икрой и рыбным клеем. С 1792 г. в Сальянах рыбным промыслом завладела отставной майор Варвацкий вместе с купцами Телепевым и Ивановым. В том же пункте вырабатывалась белая и полосатая бязь¹⁷⁰.

В числе других пунктов называется также Энзели, где проживали и торговали купцы разных национальностей: русские (из Астрахани), армяне, азербайджанцы, персы и др.¹⁷¹

Ценность рассматриваемых документов состоит еще и в том, что они довольно полно освещают объем и состав экспорта, а также импорта. Россия предъявляла большой спрос на иранский шелк-сырец (основная часть рукописи Гмеллина и посвящена торговле шелком). Скибиневский, со своей стороны, тоже считал, что торговля России с Ираном — это прежде всего торговля шелком и хлопком¹⁷². По данным П. С. Палласа, ежегодный ввоз в Астрахань только гилянского шелка составлял 6 — 8 тыс. пуд.¹⁷³, но подавляющая часть шелка, как доказывает О. П. Маркова, поступала из Закавказья¹⁷⁴. Общее же количество импортируемого в Астрахань шелка, по свидетельству современника 80-х гг., равнялось 30 тыс. пуд.¹⁷⁵ Одновременно Зубов, Скибиневский и другие рекомендуют помимо традиционных товаров (мехов, кож, сукои и т. д.) вывозить в Иран сталь, медь, олово, свинец, чугун и изделия из них¹⁷⁶.

Намечавшиеся в конце XVIII в. изменения в структуре вывоза в Иран, несомненно, были связаны с успехами уральской металлургической промышленности. Среди русских товаров, экспортировавшихся в Иран, стали преобладать изделия металлургической промышленности, ремесел и промыслов; в то же время увеличился ввоз в Россию иранского сырья.

Иран поглощал не только промышленные товары: он был постоянным потребителем продовольствия, в частности зерна, особенно в неурожайные годы¹⁷⁷, а также «во время беспокойств», когда междоусобицы распри приводили страну к разорению и опустошению.

Однако современники и авторы рассматриваемых записок (в частности М. Скибиневский) не были удовлетворены состоянием русской торговли с Ираном. Они обращали внимание на то, что ввоз товаров в Россию и вывоз в Иран далеко не эквивалентны: «Перечень отвозимых из России на мореходных судах и сухопутно в Персию товаров есть ниже перечня привозимых из Персии в Россию»¹⁷⁸. Иными словами, Скибиневский как бы предостерегает о том, что во внешнеторговых оборотах России с Ираном

в 90-х гг. намечается перевес со стороны импортируемых иранских товаров. Вместе с тем, замечая колебания и неравномерность в двустороннем товарообмене, Скибиневский был твердо убежден в том, что русско-иранская торговля не сокращается. «Ошибаются те, — решительно подчеркивал он, — которые утверждают, что торговля персидская в Россию или российская в Персию упала»¹⁷⁹. В документе приводятся сравнительные данные, подтверждающие этот тезис. Так, в 1775 г. в Иран (из Астрахани и из Кизляра) было вывезено товаров на 953 тыс. руб.

В 1789 г. правитель Гиляна Муртаза Кули-хан обратился за помощью к России в борьбе против своего врага — Ага Мохамед-хана; при этом он ссылаясь на то, что в случае победы последнего понесут убытки и русские купцы, у которых на складах в Энзели скопилось товаров на 3 млн руб., т. е. на сумму, которая в то время считалась огромной¹⁸⁰.

Из рапорта исследователя Каспийского моря Войновича от 1783 г. мы узнаем, что астраханский судовладелец Миней Диланчев не только отправил большую партию товаров в Астрабад, но и пожелал там основать коммерческую компанию¹⁸¹.

В 1793 г., по данным Скибиневского, общий товарообмен между Россией и Ираном составлял 1,5 млн руб., при этом консул считал, что торговые обороты Решта были равны 500 тыс. руб. в год¹⁸². Однако из ведомости генерала Гудовича, представленной Екатерине II 20 декабря 1793 г., следует, что привезено в Астрахань из Ирана товаров на 1412 тыс. руб., вывезено из Астрахани к иранским портам — на 925 тыс. руб.¹⁸³ Таким образом, общий товарооборот превосходил те показатели, которые содержались в рукописи М. Скибиневского.

Наконец, следует привести дополнительные и систематизированные данные по морской торговле с Ираном, Хивой и Бухарой за 1778 — 1781 и 1787 — 1796 гг. (табл. 12, 13). Естественно, они не могут дать полного представления о русско-иранском товарообороте, но если сравнить их показатели с приведенными выше разрозненными данными, то мы убедимся, что сведения в названных таблицах занижены, ибо в них не учитывалась сухопутная торговля через Кизляр и огромная контрабанда, доходившая до миллиона рублей и более.

Из цифровых показателей, содержащихся в табл. 12 и 13, видно, что разница между экспортом и импортом за период с 1778 по 1781 г. суммарно составляла 106 246 руб., а с 1787 по 1796 г. — 99 825 руб., т. е. сальдо было в пользу России. Однако если рассмотреть динамику развития русско-восточной торговли по отдельным годам, то картина получается несколько иной: в 1779 и 1780 гг. (см. табл. 12), а также в 1789, 1791 — 1794 гг.

(см. табл. 13) импорт превышает экспорт; иное наблюдается в 1778, 1781 (см. табл. 12), 1787, 1788, 1790, 1795, 1796 гг. (см. табл. 13), т. е. экспорт явно превосходит импорт. В целом же в рассматриваемые годы русско-иранская торговля с обеих сторон носила более или менее эквивалентный характер.

Таблица 12
Объем русско-восточной торговли с 1778 по 1781 г., тыс. руб.¹⁰⁸

Год	Экспорт	Импорт	Торговый оборот	Пошлины
1778	380 161	196 192	576 353	37 073
1779	169 884	312 267	482 151	25 437
1780	169 682	326 756	496 438	9 150
1781	400 320	178 586	578 906	17 820
Итого	1 120 047	1 013 801	2 133 848	89 480

Таблица 13
Объем русско-восточной торговли с 1787 по 1796 г., тыс. руб.¹⁰⁹

Год	Экспорт	Импорт	Торговый оборот	Пошлины
1787	792 039	548 315	1 340 354	68 892
1788	543 929	477 092	1 021 021	46 143
1789	488 424	567 771	1 056 195	41 498
1790	473 432	423 755	897 187	57 740
1791	413 618	425 799	839 417	38 074
1792	418 832	520 030	938 862	81 481
1793	291 036	428 508	719 544	43 965
1794	276 752	450 275	727 027	48 931
1795	472 422	306 918	779 340	27 307
1796	394 878	317 074	711 952	—
Итого	4 565 362	4 465 537	9 030 899	454 034

Вместе с тем материалы приведенных таблиц дают четкое представление об общем уровне торговли между двумя странами и характере его изменений в конце 70-х гг. и на протяжении целого десятилетия с 1787 по 1796 г. Только по этим цифровым показателям, без привлечения дополнительных сведений хорошо просматривается общий ход развития русско-восточного товарооборота.

Если в конце 70-х и в самом начале 80-х гг., т. е. в течение четырех лет, торговый оборот между Россией и Ираном колебался в пределах от 482,2 до 578,9 тыс. руб., то в 1787 г. он поднялся до 1 млн 340,3 тыс. руб., т. е. увеличился более чем в два раза. В последующие два года (1788, 1789) он держался на уровне выше 1 млн руб.; в 1790 — 1792 гг. происходит некоторое его сни-

жение (сумма колеблется между 839,4 тыс. руб. в 1791 г. и 938,9 тыс. руб. в 1792 г.), затем на протяжении четырех лет (с 1793 по 1796 гг.) товарооборот как бы стабилизируется на более низком уровне в пределах от 711,9 до 779,3 тыс. руб.

Относительно небольшое сокращение товарооборота в последние годы происходило как за счет уменьшения экспорта (1793, 1794 и 1796 гг.), так и вследствие сокращения импорта (1793, 1795 и 1796 гг.). Эти изменения в торговле, хотя и не столь значительные, возможно, были связаны с обострением русско-иранских отношений (военный поход В. А. Зубова), а также с осложнением внутренней обстановки в Иране в момент прихода к власти Ага Мохаммед-хана.

Если для большей наглядности прибегнуть к сопоставлению среднегодовых показателей в русско-иранском товарообороте за 50 — 60-е гг. (см. табл. 10), за отдельные периоды 70, 80 и 90-х гг. (см. табл. 12, 13), то мы получим следующие весьма характерные результаты: в 50 — 60-е гг. общий торговый оборот составлял 593 тыс. руб. (в том числе экспорт — 348 тыс., импорт — 245 тыс. руб.); в 70-е — начале 80-х гг. он равнялся 533 тыс. руб. (соответственно экспорт — 280 тыс., импорт — 253 тыс.); в 80 — 90-е гг. он поднялся до 903 тыс. руб. (соответственно экспорт — 456,5 тыс., импорт — 446,5 тыс. руб.). Данное соотношение среднегодовых показателей, извлеченных только из официальной статистики по русско-иранской торговле за разные десятилетия второй половины XVIII в. (с 50-х до середины 90-х гг.), еще раз убедительно свидетельствует о том, что двусторонний товарооборот между соседними странами в ту пору, несмотря на сложную обстановку внутри Ирана и внешние осложнения, не только не сокращался, а, напротив, продолжал успешно развиваться, хотя и не всегда равномерно.

По наблюдениям современника той эпохи — английского путешественника В. Кокса, русско-иранская торговля за 15 лет после отмены правительством в 1762 г. монопольных компаний утроилась¹¹⁰.

В результате проведенного анализа официальных документов и привлеченных дополнительных источников (консульские донесения, записки Гмелина, Скибиневского, Зубова, Палласа, Кокса и др.) можно сделать также заключение о том, что выдвинутый О. П. Марковой тезис о «полном неблагополучии», о «признаках застоя и деградации» в русско-иранской торговле конца XVIII в., как нам представляется, недостаточно убедителен. Необходимость пересмотра данной точки зрения диктуется отчасти и тем, что названный автор допускает явную непоследовательность в своих утверждениях. Так, например, признавая справедливость отдельных консульских жалоб на паде-

ние торговли в Иране, поступавших в Коммерц-Коллегию, О. П. Маркова делает характерную оговорку: «Но и при плохом состоянии торговли товарооборот достигал значительных размеров (выделено нами. — Н.К.), о чем можно судить по разным косвенным данным»¹⁸⁷. И в качестве примеров этих «косвенных данных» она приводит убедительные факты и случаи из практики внешнеторговых связей России с Ираном середины 70-х и конца 80-х гг.¹⁸⁸

В другом месте О. П. Маркова, говоря о русско-иранской и русско-закавказской торговле (сухопутной и морской), справедливо предупреждает исследователей о том, что данные сведения не отражают всей полноты реального процесса товарообмена между двумя странами. «Обращаясь к официальной статистике, — пишет автор, — мы всегда должны иметь в виду, что она отображает действительность далеко не полностью. На самом деле торговля была намного обширнее официальной статистики. Смело можно утверждать, что контрабандная торговля, учет которой невозможен, на русско-кавказской и иранской границе достигла огромных размеров»¹⁸⁹. С приведенным суждением нельзя не согласиться. Но это еще раз подтверждает нашу мысль о том, что основной вывод О. П. Марковой о характере русско-иранской торговли в конце XVIII в. (о чем выше уже говорилось) неправилен.

Итак, развитие торгово-экономических взаимоотношений между Россией и Ираном во второй половине XVIII в. во многом было специфично и противоречиво, что предопределялось в первую очередь теми своеобразными историческими условиями, в которых находились два соседних государства.

Россия переживала новый этап в укреплении своей государственной, политической и хозяйственной централизации, сопровождавшейся внутри страны нарастанием товарно-денежных отношений, вызреванием капиталистического уклада в недрах феодально-крепостнического строя. Во внешних отношениях она все больше завоевывала международное признание, расширяла границы, устанавливала новые контакты с Западом и Востоком.

В то же самое время обстановка в Иране отличалась крайней политической неустойчивостью, отсутствием стабильности, наличием противоборствующих и децентрализующих сил. Правда, в период правления Керим-хана Зенда в Иране были предприняты серьезные попытки усилить общегосударственное начало, оживить хозяйственную жизнь, расширить внешнеэкономические контакты, но они не увенчались прочными успехами и не привели к консолидации страны.

Одним из серьезных препятствий в нормализации русско-иранской торговли было одностороннее право беспощинной тор-

говли только для русских купцов в Иране, предоставленное им Ренским (1732 г.), а затем закрепленное Гянджинским (1735 г.) договором.

Россия по-прежнему претендовала на роль главного посредника в восточно-европейской (в том числе ирано-европейской) торговле, стремясь закрепить транзитный путь на своей территории. В данном случае она, как и раньше, преследовала не только прямые экономические выгоды, но и политические цели, стараясь нанести урон своему исконному врагу — Османской империи. К тому же в общих планах восточной политики России ее непосредственная торговля с Ираном являлась наиболее важным средством в укреплении позиций страны в данном регионе, о чем лучше всего свидетельствуют приведенные выше документы.

Так называемая «шелковая торговля» еще в большей степени, чем в предшествующий период, была ключевой проблемой в сношениях России с Ираном, а также в связях последнего с Западной Европой. Но, как показывают источники, наряду с шелком и хлопком из Ирана вывозились хлопчатобумажная пряжа, овечья и верблюжья шерсть, разнообразные ткани.

Во внешнеторговой практике России на Востоке во второй половине XVIII в., как и прежде, применялся дифференцированный подход к разным категориям товаров, при этом в первую очередь учитывалась степень их надобности для развития внутреннего производства, а также необходимость пополнения казны золотом и серебром.

Россия со своей стороны вывозила в Иран как отечественные промышленные, промысловые и сельскохозяйственные товары, так и европейские. Последние, как правило, направлялись в Иран через Ригу или Санкт-Петербург. К концу XVIII в. в русском экспорте заметными становятся существенные изменения в структуре товаров, в их количественном и качественно-видовом отношении. Так, наряду с традиционными товарами, все большее место начинают занимать холсты, кожи, писчая бумага, металлические изделия, а также сельскохозяйственные продукты — мука, просо, масло, сало. В 1750 и 1758 гг. были созданы специальные компании по торговле с Ираном, имевшие цель экспортировать муку, зерно и другие товары в обмен на золото, серебро и шелк-сырец.

Характерной чертой русско-иранской торговли второй половины XVIII в. была все усиливавшаяся тенденция вывоза из России ранее запрещенных («заповедных») товаров. В этой связи примечательно то, что выдвинутые В. Н. Татищевым в 40-х гг. программные положения и критические суждения об организации товарооборота между Россией и Ираном нашли свое вопло-

шение только во второй половине XVIII в., особенно в его последние десятилетия.

Конец 70-х — первая половина 90-х гг. в русско-иранских торговых сношениях характеризовались серьезными осложнениями, совпавшими с острой междоусобной борьбой внутри Ирана, завершившейся в 1796 г. приходом к власти новой каджарской династии. В таких необычайно сложных и противоречивых условиях прокладывала себе дорогу двусторонняя внешняя торговля между Россией и Ираном.

Привлеченные нами многообразные консульские донесения, а также записки таких официальных и неофициальных представителей России, как С. Гмелин, М. Скибинецкий, В. Зубов и др., позволяют сделать вывод о том, что при всех политических и экономических препятствиях внутри Ирана и временном обострении противоречий между двумя государствами (военный поход В. Зубова) русско-иранский товарооборот за этот период в целом не только не сократился, но и обнаружил заметную тенденцию к росту.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Всемирная история. М., 1958. Т. 5. С. 634.

² «Русский металл, — отмечал профессор В. В. Данилевский, — составил более трети того, что было необходимым для Англии в те годы, когда появились первые фабрики Аркрайта и когда началось всеобщее распространение металлической паровой машины Уатта». (Данилевский В. В. Русская техника. М., 1948. С. 74).

³ Петров Г. М. Краткий очерк развития русско-иранских экономических и политических отношений в XVIII в. // Советское востоковедение. 1949. № 6. С. 330.

⁴ Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 321.

⁵ Там же. С. 324.

⁶ См.: АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1762 — 1767, кн. 10, л. 36.

⁷ Там же, оп. 77/1, 1759, д. 2, л. 53.

⁸ Там же, 1761, д. 3, л. 131.

⁹ Там же, 1751, д. 5, л. 103.

¹⁰ Там же, 1750, д. 5, л. 24 об., 25.

¹¹ Там же, 1754, д. 2, л. 6 — 7.

¹² Там же, л. 148.

¹³ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1753, д. 613, л. 154.

¹⁴ См.: АВПР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1759, д. 2, л. 61.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1768, д. 644, л. 5.

¹⁶ Там же, 1765, д. 637, л. 190.

¹⁷ Там же, л. 7.

¹⁸ Там же, 1768, д. 644, л. 5.

¹⁹ АВПР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1768, д. 1, л. 43.

²⁰ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1778, д. 648, л. 20 об.

²¹ Там же, л. 25.

²² «Переняте благоприятные между всероссийскою империею и пер-

сским государством вояного мира трактаты ставя ни во что и оныя пренебрегая, мало по малу хотят беспорядочно российским купцам в Персии торг пресечь». (АВПР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1751, д. 2, л. 34).

²³ АВПР, ф. Сношения России с Персией, 1767 — 1769, д. 18, л. 12.

²⁴ Там же, оп. 77/6, 1774, д. 468, л. 135.

²⁵ Там же, оп. 77/7, 1773, д. 127, л. 18.

²⁶ См.: ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1776, д. 647.

²⁷ См.: АВПР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1757, д. 2, л. 64.

²⁸ См.: ЦГАДА, ф. 276, 1759, д. 631.

²⁹ «Продолжаемая коммерция во всей Персии совсем останавливается». (ЦГАДА, ф. 276, 1764, д. 637, л. 7).

³⁰ «И ни от чего много оные торги могли пресекнуться, как томяно за оскудением и от беспомощия персидских купцов...». (ЦГАДА, ф. 276, 1765, д. 637, л. 199 об.).

³¹ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1764, д. 637, л. 242 об.

³² Там же, д. 638, л. 4.

³³ Там же, 1766, д. 641, л. 12.

³⁴ См.: АВПР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/11, 1761, д. 2, л. 39 — 40.

³⁵ Важным подтверждением этого могут служить некоторые наблюдения русских консулов в Иране. Так, в 1768 г. консул Г. Богданов отмечает в своем донесении, что известные российские купцы Журавлевы, Евреиновы, Земской и многие другие прекратили свои поездки в Персию и «торговля досталась в вольную власть живущим армянам в Астрахани. Армяне брали в долг товары от тульских купцов Лучинных, Пастуховых и Ливанцовых». (ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1768, д. 644, л. 195 об.).

³⁶ См.: ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1768, д. 644, л. 153 — 156.

³⁷ См.: Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и дополненные С. Броневским. М., 1823. С. 209 — 210.

³⁸ Там же. С. 210.

³⁹ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1778, д. 648, л. 21.

⁴⁰ По мнению П. Чекалевского, «лучший торг в Мизондроне, куда из Исфагана, Кашана, Казвина, Мешеди и др. мест караваны приходят». (АВПР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1754, д. 2, л. 103; 1763, л. 1, л. 30).

⁴¹ АВПР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1772, д. 120, л. 3.

⁴² Там же, оп. 77/5, 1763 — 1767, кн. 13, л. 85.

⁴³ Там же, оп. 77/1, 1760, д. 3, л. 137.

⁴⁴ Там же, 1761, д. 2, л. 32.

⁴⁵ Там же, л. 36.

⁴⁶ Там же, л. 35.

⁴⁷ Там же, оп. 100/1, 1758, д. 4.

⁴⁸ Там же, оп. 77/1, 1761, д. 2, л. 36.

⁴⁹ Там же, 1700, д. 3, л. 136.

⁵⁰ Там же, 1763, д. 3, л. 141.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, 1753, д. 1, л. 73 об.

⁵³ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1764, д. 637, л. 188 об.

⁵⁴ Там же, 1768, д. 644, л. 101.

⁵⁵ Там же, 1757, д. 623, л. 9.

⁵⁶ Там же, 1764, д. 637, л. 188.

⁵⁷ Там же, л. 189.

⁵⁸ Там же, 1768, д. 644, л. 51 об.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, л. 19.

⁶¹ По данным, сообщенным консулом И. Игумновым, около половины шелка шло из Ирана через Турцию на Запад. (ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1776, д. 647).

⁵² «В знатных портах появляются нелегальные (возникшие хотя не явно, однако тайным образом) коммерческие компании во главе с первостепенными их купцами, которые устанавливают свои цены на сырье, раньше шелк продавался по 60 и 70 рублей, а ныне продается россиянам не по воле, а согласно от компании ценою по 120, 140 и 170 рублей». (ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1776, д. 647, л. 52). Ранее астраханский губернатор Бекетов отмечал, что другие восточные купцы — индийцы, армяне и татары имеют в Иране «родню свою между персидскими подданными», используют это преимущество и причиняют большой ущерб русским купцам. (ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, 1765, д. 331, л. 2).

⁵³ АВВР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1772, д. 120, л. 3.

⁵⁴ Там же, оп. 77/6, 1774, д. 468, л. 199.

⁵⁵ Там же, оп. 77/1, 1772, д. 120, л. 200.

⁵⁶ Там же, 1767 — 1769, д. 16, л. 147.

⁵⁷ Там же, л. 148.

⁵⁸ В 1750 г. астраханский посадский человек армянин С. Соломонов купил три алмаза, предназначенных для русского двора, на сумму в 26 тыс. руб., из них «один белой и первой руки алмаз, бывший у шаха Надара в персте и называемой Нуре Куг, т. е. слово в слово свет горы, весом в 45 карат». (АВВР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1754, д. 2, л. 96).

⁵⁹ Полное название документа: «Ведомость: сколько, каких именно питейных и съестных припасов в 1775, 1776, 1777 годов из Персии в Астрахань привезено и со оных пошлин в сборе было». (ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1778 — 1779, д. 649, л. 3 — 4).

⁶⁰ Предлагалось ввозить в Россию беспошлинно: золото, серебро, шелк-сырец, хлопок, шерсть овечью, козью, краски, «фабрикам потребные... чернильные орехи, дабы чрез оные фабрики русские размножаются, и персиянам оных привозить возможно»; драгоценные камни, т. е. алмазы, изюм, лалы, изумруды, яко же лапись лазури и жемчуг, хотя не нужны и весьма не надобны, но для легкости привоза оных к беспошлинной причитаются». (ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1744, д. 602, л. 23 — 24).

⁶¹ К этой группе относятся «бумага индейская — приделанная и самая тонкая; медь не в деле и т. п.». (ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1744, д. 602, л. 24).

⁶² Сюда включаются: кызылский орех, шамшит, чинар и др.; бумажные шелковые и шерстяные ковры; кофе, сахар, конфеты, рис, оплоди, сухофрукты; мешины (обрезки меха), медь «в деле» — красная и зеленая; овчины — бухарские, багдадские, туркменские и ширазские; парча бумажная, особенно индийская, миткаль, тонкая кисея; ситец, коленкор, платки, кушаки, одеяла, сафьян. (ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1744, д. 602, л. 24 — 25 и об.).

⁶³ В их число входят: парча с золотом и серебром; «бумажные всякие подлые выбойки, бурметы, княдяки, кумачи, лендени, а наипаче бязь, одеяла, завесы, кушаки, сусы, платки и прочая... и оные все в России можно делать; парчи шелковые и полунелковые, бархаты, дорожки, кежи-китай, коноваты, кутин, мови, мухояры, платки, бархат, фаты и проч.». (ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1744, д. 602, л. 26).

⁶⁴ О важности и жизненной необходимости в приобретении шелка-сырца и хлопка не раз говорилось в многочисленных консульских документах. Так, Г. Боголюбов в одном из своих отчетов настойчиво подчеркивал: «В каком бы состоянии ни была Персия, всегда высокая Российская Империя имеет пользу от торговли по самому главному артикулу — мены иностранных и собственных товаров на шелк как весьма нужное для России произращение». (ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1744, д. 602, л. 101).

⁶⁵ «Кармазин, тонкое атласное сукно, краска брусковая, канцелярное сема, сандал, сахар». (ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, 1765, д. 331, л. 1; см. также: ф. 276, 1768, д. 610, л. 122 и др.).

⁶⁶ См.: ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1768, д. 610, л. 122 и др.

⁶⁷ См.: АВВР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1750, д. 5, л. 78.

⁶⁸ Там же, л. 7 об.

⁶⁹ Там же, д. 9, л. 3; д. 6, л. 216.

⁷⁰ Там же, д. 5, л. 252.

⁷¹ Там же, д. 9, л. 5.

⁷² Там же, 1753, д. 2, л. 37.

⁷³ Там же, 1754, д. 4, л. 9 об.

⁷⁴ Например, в 1750 г. в ответ на обращение бакинського хана Мирзы Магмета из России были отправлены несколько судов с мукой, потому что «там у них в хлебе крайняя нужда». (АВВР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1750, д. 5, л. 7).

⁷⁵ АВВР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1753, д. 5, л. 14 об.

⁷⁶ Там же, 1754, д. 2, л. 102.

⁷⁷ Там же, 1756, д. 2, л. 99 — 100. Согласно ведомости, составленной в астраханской таможне в 1778 г., из Астрахани в Иран были отправлены следующие товары, принадлежащие индийским купцам: около 60 тыс. аршин холста, 350 кож казанских, 350 савр, 160 стоп швейц бумаги, краски, коровье масло; иглы, наперстки, булавы; 15 тыс. аршин западноевропейских сукон. Весь товар оценен на сумму 11 271 руб. 50 коп. (Русско-индийские отношения в XVIII в., док. 194, с. 369 — 375).

⁷⁸ См.: АВВР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1756, д. 2, л. 102.

⁷⁹ В указе 1717 г. среди таких «заповедных» товаров числились: «железо и пруты и в кришах», «дощатое олово в прутах и в слитках, всякое ружье, топоры, стрелы, стрелыные железцы, гвозди и всякие ратные припасы, також погайского и татарского полону, соколов, кречетов, чегликов кречетных и никаких птиц; золото, серебро как в монете, так и в деле, и в слитках, и медь не в деле, также пушки, мортиры и всякое ружье, порох, свинец, сера, горючая селитра и прочее, что принадлежит к военной аммуниции, тако и ясирь...». По указу 1735 г. к общему списку добавляется ремень; по именным указам 1721 и 1737 гг. были включены «якори, канаты, парусы, смолы, канн-фас, парусные полотна и др. судовые припасы»; в указе 1745 г. добавляется «корень марена, употребляемая в крашении сукон». (ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1755, д. 618, л. 3 — 4).

⁸⁰ См.: ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1757, д. 621, л. 7 об.

⁸¹ Там же, 1744, д. 602, л. 29 об., 30.

⁸² Там же, л. 29, 34.

⁸³ Там же, л. 29.

⁸⁴ Там же, л. 33.

⁸⁵ Там же, л. 31 об.

⁸⁶ Там же, л. 32 об.

⁸⁷ Там же, л. 31.

⁸⁸ АВВР, ф. Сношения России с Персией, оп. 77/5, 1762/67, кн.: 10, л. 94.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1771, д. 645.

⁹⁰ АВВР, ф. Сношения России с Персией, 1767 — 1769, д. 16, л. 320.

⁹¹ История Ирана с древнейших времен до XVIII в. включительно. Л., 1958. С. 328.

⁹² См.: Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С. 75, 76, 97.

⁹³ Написание относится к 70-м гг. XVIII в. (ЦГИА, ф. 1374, оп. 3, ед. хр. 2399, л. 166 — 189). Более полный текст «Примечания» см.: ЛО Архива АН СССР, ф. 3, оп. 34, д. 40, л. 1 — 87.

⁹⁴ Написание относится к 90-м гг. XVIII в. (ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 25 — 53).

⁹⁵ Написание относится к первым годам XIX в. (АВВР, ф. Главный Архив 11 — 3, оп. 34, 1803, д. 7).

⁹⁶ Документ обозначен 1801 г. (ЦГИА, ф. 1409, оп. 1, ед. хр. 145, л. 1 — 3).

- 107 ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1771, л. 645, л. 20 об.
 108 См.: ЛО Архива АН СССР, ф. 804, оп. 1, д. 226.
 109 Подневков М. А. Из истории русского академического кавказоведения // Изв. АН СССР. Сер. 7. Общественные науки. 1935. С. 35.
 110 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2. С. 293 — 294.
 111 Семенов Л. С. Россия в международные отношения на Среднем Востоке в 20-е гг. XIX в. Л., 1963. С. 45 — 46. Автор использовал отчет М. Скибинского, который хранился в ЦГАДА, ныне он передан в АВПР. Нами обнаружен его же отчет в ЦГИА.
 112 См.: Маркова О. П. Россия, Закавказье... С. 81.
 113 ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 42.
 114 Там же, л. 43.
 115 ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1799, л. 654, л. 13.
 116 См.: Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 3. С. 371.
 117 См.: Маркова О. П. Россия, Закавказье... С. 70.
 118 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2. С. 293 — 294.
 119 АВПР, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1803, д. 7, л. 2.
 120 ЛО Архива АН СССР, ф. 3, оп. 34, д. 40, л. 3.
 121 Там же, л. 18.
 122 Там же, л. 7.
 123 См.: Подневков М. А. Из истории... С. 768.
 124 ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 47.
 125 Там же, л. 48.
 126 ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1771, л. 645, л. 21.
 127 ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 52 — 53.
 128 Там же, ф. 1409, оп. 1, ед. хр. 145, л. 3.
 129 АВПР, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1803, д. 7, л. 15.
 130 Там же, л. 13.
 131 Там же.
 132 ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 54 — 55.
 133 АВПР, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1803, д. 7, л. 11.
 134 ЛО Архива АН СССР, ф. 3, оп. 34, д. 40, л. 12.
 135 Там же, л. 55.
 136 См.: ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 25.
 137 Там же, л. 50.
 138 Там же, ф. 1374, оп. 3, ед. хр. 2399, л. 172.
 139 Там же, л. 180.
 140 Там же, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 25. Консул Д. Скибинский в 1787 г. также отмечал оживленную торговлю в Иране европейскими товарами, которые доставлялись туда персидскими и багдадскими купцами через Турцию и Багдад. Среди европейских изделий назывались сукна, шелковые материи, бархат, английские и французские часы, специи, стальные и железные предметы, «кои оттуда и Багдада привозит в Испанию и прочие персидские места...» (ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1787, л. 652, л. 22 об.).
 141 ЦГИА, ф. 1409, оп. 1, ед. хр. 145, л. 3.
 142 Там же, ф. 1374, оп. 3, ед. хр. 2399, л. 172.
 143 Там же, л. 185.
 144 ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, 1782, д. 241, л. 1 об., 6, 16 и др.
 145 ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 26.
 146 Там же, л. 27.
 147 Там же, ф. 1374, оп. 3, ед. хр. 2399, л. 176.
 148 ЛО Архива АН СССР, ф. 3, оп. 34, д. 40, л. 16 — 17.
 149 ЦГИА, ф. 1374, оп. 3, ед. хр. 2399, л. 270.

- 150 Там же, л. 174.
 151 Там же, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 26.
 152 Там же, ф. 1374, оп. 3, ед. хр. 2399, л. 173.
 153 Там же, л. 177.
 154 Там же, л. 174.
 155 См.: ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, 1787, л. 652, л. 27.
 156 Там же, л. 23.
 157 Там же.
 158 Там же, л. 27.
 159 Там же, л. 657, л. 26.
 160 Там же.
 161 Там же, 1787, л. 652, л. 16.
 162 ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 26.
 163 Там же, ф. 1374, оп. 3, ед. хр. 2399, л. 172.
 164 Там же, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 28.
 165 ЛО Архива АН СССР, ф. 3, оп. 34, д. 40, л. 27.
 166 ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 37.
 167 Там же, л. 39.
 168 Там же.
 169 АВПР, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1803, д. 7, л. 9 — 10.
 170 См.: ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 34, 37.
 171 Там же, л. 44.
 172 Там же, л. 30, 50.
 173 См.: Pallas P. S. Bemerkungen auf Einer Reise in die südlichen Staatshalterschaft des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1799. Bd. 1. S. 191.
 174 См.: Маркова О. П. Россия, Закавказье... С. 84.
 175 См.: Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и при всех преимущественных указаний по оной... сочиненное Михайлом Чулковым: В 7 т. СПб.; М., 1781 — 1785. Т. 2, кн. 2. С. 459.
 176 См.: ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 30, 31, 37, 50; ф. 1147, оп. 3, ед. хр. 2399, л. 166 об. и др.; ф. 1409, оп. 1, ед. хр. 145, л. 2; АВПР, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1803, д. 7, л. 6 об.
 177 «...А если бы лишены были сего, то б уже последовал настоящий голод». (ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, 1784, л. 330, л. 3 об.; ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 37, 50).
 178 ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 48.
 179 Там же, л. 28.
 180 См.: ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, 1789, д. 56, л. 7.
 181 Там же, 1783, л. 288, л. 2.
 182 См.: ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 165, л. 39.
 183 См.: Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 3. С. 457.
 184 См.: ЦГАДА, ф. Государственный архив, разр. XIX, 1781, д. 297, ч. 14, л. 338 — 383, 384 — 471; ч. 16, л. 40 — 72, 73 — 119, 238 — 249, 251 — 287; ч. 17/1, л. 144 — 156, 157 — 198. Эти статистические материалы опубликованы в указанной монографии Марковой О. П. «Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в.» (табл. 3, с. 77).
 185 См.: Архив Государственного совета. СПб., 1888. Т. 2. Стб. 667 — 668. Эти материалы приведены в монографии Марковой О. П. (табл. 4, с. 78).
 186 См.: Soxe W. Travels into Poland, Sweden and Denmark. L., 1792. V. 3. P. 393.
 187 Маркова О. П. Россия, Закавказье... С. 75 — 76.
 188 Там же, с. 76.
 189 Там же, с. 74.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ИРАНА В ОБСТАНОВКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

§ 1. Своеобразие русско-иранских торговых связей и проблема закавказского транзита

В истории многовековых экономических связей России с Ираном торговые отношения между ними в первой половине XIX в. занимали особое место. Это был качественно новый этап не только в двустороннем развитии русско-иранских контактов, но и в сложной системе переплетающихся интересов стран Азии и Европы. Характер обоюдной торговли, ее успех или застой определялись в тот период, с одной стороны, новым уровнем развития производительных сил в каждой из стран, а с другой — невиданным прежде напряжением конкурентной борьбы капиталистических держав на восточных рынках. Без учета этих основных — внешних и внутренних — факторов трудно понять многие особенности и перипетии в торговых связях между двумя соседними государствами.

В результате промышленного переворота в западноевропейских странах стремительно развивающийся капитализм (в первую очередь английский), одержимый жадой новых прибылей, охваченный духом безудержного предпринимательства, неизбежно сталкивался не только с непреодолимой узостью внутреннего рынка, но и с так называемым «затовариванием» всех внешних каналов сбыта, что, в свою очередь, неминуемо приводило к периодически повторяющимся кризисам, к непрерывным поискам новых территорий, экономической и вооруженной экспансии.

Шаг за шагом осуществляя захватнические планы в Индии с помощью пушек и товаров, английские колонизаторы рассчитывали обеспечить себе полное господство в странах Ближнего и Среднего Востока, вытеснить Россию с рынков Ирана, Закавказья и Средней Азии, подчинить своему контролю торговые пути через Средиземное и Черное моря, одновременно проникая со своими торговыми факториями на побережье Каспийского моря. Таким образом, для Англии первой половины XIX в., стремящейся захватить в свои руки, по меткому выражению петербургского купца Оленцова, «всесветную торговлю», сбыт промышленных товаров становится острой политической и страте-

гической проблемой, так как колониальная экспансия Великобритании на Среднем Востоке сталкивается с жизненно важными интересами России.

При сложившейся ситуации в этом районе экономические интересы России и Англии оказались столь противоположными и непримиримыми, что Ф. Энгельс вынужден был сделать решительный вывод: «Эти страны есть и постоянно будут антагонистами на Востоке»¹. Данный антагонизм и противоборство между Россией и Англией на Среднем Востоке во многом предопределили своеобразие русско-иранских рыночных связей в первой половине XIX в.

Изученные нами ежегодные консульские отчеты дают конкретный и разносторонний материал о ввозе и вывозе товаров в Иран и из Ирана русскими, иранскими и европейскими купцами, о таможенных сборах, о соотношении экспорта и импорта, о структуре товаров и о ценах на них, об удельном весе русской торговли во внешней торговле Ирана, об англо-русском соперничестве на его рынках.

Из документов видно, что многосторонняя деятельность консулов, их активное вмешательство в дела межнациональной и межгосударственной торговли предусматривались и определялись подробно разработанными инструкциями. Например, обращает на себя внимание инструкция, полученная полномочным министром при персидском дворе А. С. Грибоедовым. В ней особо подчеркнута роль торговли в укреплении дружественных добрососедских связей. «Постарайтесь убедить персиян, — отмечается в инструкции, — что торговля с Россиею есть обильный источник благосостояния ... что она должна быть основанием и порукою согласия и дружества между обоими государствами»².

В донесении консула А. И. Озерова говорилось, что он строго придерживался в своей деятельности инструкции, полученной еще его предшественником Н. А. Аничковым. В полном соответствии с ней, как отмечал Озеров, консульство «старалось ограждать права и преимущества подданных России в Азербайджане, следить за ходом торговли, сохранять постоянные и дружеские отношения с местными властями»³.

Но, разумеется, никакие инструкции не могли учесть и регламентировать разнообразные практические действия консулов. Порой они прибегали к неожиданным способам получения всякого рода информации. Скажем, для отчета о торговле Мазендерана за 1835 г. использовались сведения, доставленные русской миссии А. Суджаевым — откупщиком рыболовных вод⁴. Дом генерального консула становился местом встреч с иранскими коммерсантами, духовными лицами и др.⁵ Во многих доку-

ментах консулы с удовлетворением отмечали свое умение устанавливать дружеские отношения с местными властями. Такие контакты имели большой практический смысл: они создавали благоприятные условия для осуществления русской торговли, благотворно влияли на решение разнообразных конфликтов, тяжб, спорных дел. «Сношения мои с местными властями по делам русского купечества в Гиляне были приятны и, смею уверить, не бесполезны», — писал А. И. Ходзько в 1835 г.⁶

На официальных приемах консулы не упускали случая ставить вопросы о положении русского купечества и защищать его интересы на иранской территории. Еще в 1831 г. Н. П. Безак в течение целого месяца имел ряд встреч с местными властями в Тебризе, на которых речь шла о необходимости обеспечения более благоприятных условий для русских купцов. Ему удалось добиться отмены налагаемых местными властями произвольных, завышенных пошлин⁷.

В ежегодных консульских отчетах внимание Азиатского департамента обращалось на необходимость расширения торговли, предлагались практические меры. Безак считал чрезвычайно важным учредить в Гиляне постоянное консульство «как единственное средство к обеспечению интересов купцов к прекращению притеснений»⁸, а в Исфахане он советовал назначить специального агента⁹. В следующем году о необходимости создания консульства писал Ходзько, он считал лучшим местом для этого город Энзели¹⁰.

Огромные усилия, политический такт, знание юридических тонкостей в законодательстве другой страны, осведомленность в правилах торговых операций требовались от каждого консула при разборе тяжб и конфликтов между русскими и иранскими купцами. Очень часто иранские купцы, не желая платить долги, объявляли себя банкротами, ссылаясь при этом на минимые притеснения местных властей. Консульские донесения пестрят жалобами на беззакония в отношении русских купцов и безнаказанность иранских должников. В 1838 г. русские подданные предъявляли генеральному консулу 142 просроченных векселя на сумму в 698 401 руб. ассигнациями. В течение двух месяцев изыскивались долги, в результате чего была удовлетворена только половина требований¹¹. Консулу Аничкову более сопутствовал успех в подобных случаях. Он с удовлетворением отмечал, что «даже спорные дела восьмилетней давности находили положительное решение»¹². Так, при его энергичном участии в тяжбах русские купцы сумели вернуть 2 млн руб.¹³ Для успешного решения споров положительную роль сыграло шахское постановление, согласно которому при разделе имущества обанкротившегося должника русские подданные уравнивались в правах с

иранскими. Нельзя не заметить, что само появление этого документа в значительной мере было обусловлено действиями русских консулов, которые непрестанно занимались вопросами, связанными с торговлей.

Не менее важным объектом частых столкновений русских консулов с местными властями была проблема непомерных поборов, взимаемых как с провозимых в Иран, так и с вывозимых оттуда товаров. Поборы эти взыскивались сверх установленной пятипроцентной пошлины.

Консулы хорошо сознавали, что успех или неудача в русско-иранской торговле связаны не только с размерами пошлин, но и с экономическим и политическим состоянием Ирана. В официальных консульских отчетах мы находим немало ценных сведений о внутренней жизни соседней страны, порой карикатурные описания местных правителей. Аничков, например, справедливо объясняет «шаткость торговли неустроенностью государства»¹⁴. Консулы писали о нищете народных масс, произволе в налоговой политике местных правителей, голоде, эпидемиях, стихийных выступлениях народных масс.

Все эти свидетельства официальных русских представителей об Иране того времени сами по себе имеют огромную ценность для понимания ситуации и многих исторических событий рассматриваемого периода, они объясняют частые спады не только во внутренней, но и во внешней торговле. Данные непосредственных участников экономических и политических отношений двух государств дают ключ к пониманию особенностей иранского рынка, торговой конъюнктуры.

К иранской действительности первой половины XIX в. вполне применимо известное положение Ф. Энгельса о том, что «восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость не гарантирована от хищных рук сатрапов и шаhey; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности»¹⁵.

Ханы многих провинций, по существу, грабили население, вводили непосильные разорительные налоги, народ был лишен элементарных прав в какой-либо защите своего положения. Консулы отмечали отсутствие «писанных гражданских законов», что позволяло, как подчеркивалось в одном из консульских отчетов, «теснить поселян, отягощая их различными налогами и обогащаясь таким образом за счет неимущих»¹⁶. Отсутствие правопорядка в имущественном положении населения еще более категорично подчеркивалось в другом документе, в котором сказано, что «законного ограждения собственности не существует ни для кого»¹⁷.

Разложение и коррупция достигли кульминации: чины, звания, должности, ордена — все покупалось и продавалось. Сбор податей и налогов брался на откуп, «откупная система проникла во все поры иранского государства»¹⁸. В этой связи один из консулов писал: «Крестьянин нигде не найдет защиты от притеснения, так как правитель всегда откупался подарками и деньгами»¹⁹.

Безмерный гнет, бесправие, грабеж народных масс неизбежно вызывали сопротивление. В тех же документах сообщалось, что в Гиляне не прекращались выступления крестьян, горожан, угнетенных национальных меньшинств. Отмечались массовые случаи отказа от платежа налогов. Такие сведения повторяются по многих консульских делах.

Общим итогом такого правления было крайнее падение производительных сил страны. Оказались подорванными всякие надежды на экономическое возрождение. Один из консулов так характеризует атмосферу безверия: «Страх безначалия, анархии и вообще непрочности вещей вселяет недоверчивость в капиталистах»²⁰.

Все приводимые показания русских официальных представителей воссоздают правдивую картину социально-политического бесправия народных масс, коррупции в государственном аппарате, анархии и беспорядка в хозяйственной жизни. Итогом всего этого был прогрессирующий упадок страны. Совершенно очевидно, что такая внутренняя обстановка в Иране, особенно в отдельные периоды на протяжении первой половины XIX в., предопределила неблагоприятные условия для торговой деятельности русского купечества. Нередко его представители подвергались притеснениям, а то и прямому грабежу. Но несмотря на это, деловые, коммерческие и правительственные круги непрестанно искали пути к нормализации экономических отношений со своим восточным соседом, что диктовалось объективным ходом развития страны, нарастанием промышленного производства и расширением товарных отношений.

Россия была заинтересована в прочных торговых связях с Ираном, в стабилизации его внутреннего положения. В так называемом «Обзоре посольства А. П. Ермолова» настоятельно подчеркивалась важная мысль о том, что «расширение и укрепление торговли между двумя дружественными странами отвечает не только непосредственным интересам их подданных, но и служит, кроме того, самой благотворной гарантией мирных и союзных отношений...»²¹.

«Торговля с Персией, — как справедливо подчеркивал исследователь, — имела заметное значение в экономической жизни консолидировавшейся России и поэтому привлекала при-

стальное внимание со стороны российских правителей»²². Внутренний рынок дореформенной России был все еще весьма ограничен и не мог удовлетворить потребности быстро растущей текстильной промышленности.

Как отмечается в исторической литературе, среди азиатских рынков для России уже в конце 20-х гг. XIX в. приобретал особое значение иранский²³.

Но, говоря о поднимающейся мануфактурной промышленности России, исторически прочно связанной с иранским рынком сбыта и источником сырья, мы не должны забывать об экономическом и хозяйственном тяготении Ирана к России, о его внутренних потребностях в русских товарах и русском рынке. Именно этой неумолимой закономерностью и можно объяснить тот факт, что в самых напряженных и конфликтных ситуациях (например в период первой и второй русско-иранских войн начала XIX в.) между двумя странами возобновлялись торговые связи, на что обратил внимание советский исследователь Л. С. Семелов²⁴. В рапорте генерал-майора Гурьева от 1806 г. сообщалось, что русские купцы просили его разрешения отправиться из Баку в Иран с нефтью и солью, утверждая, что они могут «с безопасностью ехать в персидские порты»²⁵. Ко времени первой русско-иранской войны относится также сообщение директора астраханской портовой таможни от 25 июня 1809 г. о том, что иранские и прочие азиатские купцы доставили в Тифлис шелка, хлопка, шелковой материи из Хоя, Тебриза, Исфаха, Кашана, Исфахана и Шемахи на 200 тыс. руб., бумажных тканей — на 100 тыс. руб., синей краски — на 20 тыс. руб., шелка из Нухи, Шеки — на 100 тыс. руб. Кроме того, кофе, миндаля, перца, изюма — на 50 тыс. руб.²⁶

В 1812 г. главнокомандующий в Грузии Н. Ф. Ртищев в письме к ереванскому сердарю Хусейн Кули-хану писал, что иранские купцы могут продолжать торговлю с Россией и при этом дается гарантия «беспрепятственного пропуска персидских караванов в Тифлис»²⁷.

Наконец, те показатели, которые приводятся С. Броневским, являются дополнительным свидетельством того, что в период русско-иранской войны торговые связи между Россией и Ираном не только не прекращались, но в отдельные годы были достаточно интенсивными. Так, в 1805 г. привоз из Ирана составил 857 201 руб., вывоз — 126 564, товарооборот — 983 765 руб. Соответственно в последующие годы: в 1806 г. привоз — 528 000 руб., вывоз — 775 669, товарооборот — 1 303 669; в 1807 г. привоз — 1 073 390, вывоз — 476 212, товарооборот — 1 549 602 руб.²⁸. Такова реальная, хотя и несколько приблизительная, картина состояния русско-иранской торговли в отдельные годы русско-

иранской войны 1804 — 1813 гг., в итоге которой, как известно, был заключен Гюлистанский мирный договор²⁶. Его важнейшие положения определили характер взаимных торгово-экономических отношений между странами. Согласно специальным торговым пунктам этого документа (ст. VIII — X)²⁷, купцы обоих государств получили равные права свободной торговли как на территории Ирана, так и на территории России, а также право на транзит; здесь же были зафиксированы общие правила взимания таможенных сборов с ввозимых и вывозимых товаров, установлена предельная пятипроцентная пошлина с объявленной цены (ст. IX) и провозглашалась свобода торгового мореплавания на Каспийском море (ст. V). Обе стороны получили право назначать консулов (ст. VII).

Из сказанного видно, что мирный трактат 1813 г. о взаимоотношениях двух соседних стран как бы заложил юридические основы для планомерного развития экономических связей между ними. Однако историческая практика не претворила в жизнь некоторые очень важные пункты принятого договора. Прежде всего, пятипроцентные пошлины в торговле между обеими странами фактически не применялись. Вплоть до 1822 г. продолжал действовать астраханский тариф 1755 г., по которому со всех товаров (за исключением иранского шелка-сырца) в таможах и портах Каспийского моря брались 23-процентные пошлины²⁸. Это означало, что ближайшие годы после подписания мира не были достаточно благоприятными для русской торговли в Иране. Рост товарооборота за 1814 — 1819 гг. осуществлялся главным образом за счет увеличения импорта иранских товаров в Россию. Экспорт же русских товаров оставался на прежнем уровне²⁹. Таможенная политика царского правительства вплоть до 20-х гг. XIX в. носила запретительный характер.

Обострение так называемого восточного вопроса в связи с освободительным движением в Греции, разрыв дипломатических отношений России с Турцией, ирано-турецкая война 1821 — 1823 гг., конфликты с Афганистаном (1813 — 1818, 1823 гг.), резкое ухудшение отношений с Англией (1819 — 1823 гг.) — все это привело к сокращению импорта в Иран английских и турецких товаров. В такой кризисной ситуации правительство Фетх Али-шаха активизирует торгово-экономические контакты с Россией.

Обстановка, сложившаяся на Среднем Востоке в начале 20-х гг., как отмечает советский исследователь, «ускорила отмену со стороны России таможенных ограничений на границе с Ираном, и царское правительство в связи с общим курсом своей политики на Среднем Востоке полностью перешло в Закавказье

к льготной тарифной системе»³⁰. Предусмотренные Гюлистанским договором 5-процентные пошлины были распространены на все пограничные таможи. Специальным указом от 8 октября 1821 г. тот же льготный 5-процентный тариф был разрешен для западноевропейских товаров, ввозившихся в Закавказье, кроме того, разрешался беспошлинный транзит в Иран³¹. Поток этих товаров направлялся через Редут-Кале (Кален) севернее Поти. Названный указ вступил в силу с 1 июля 1822 г.

Эти введенные в торговую практику меры не замедлили сказаться на результатах торговли. Уже в 1820 — 1823 гг. обозначился резкий подъем русско-иранской торговли: ее среднегодовой оборот в эти годы в два с лишним раза превзошел соответствующий оборот за 1814 — 1818 гг., а в 1823 г. он равнялся 4,3 млн руб.³² Как показывают те же материалы официальной статистики, половина всех промышленных товаров, экспортировавшихся в эти годы из России в Азию, сбывалась на рынках Ирана³³. Экспорт одних только хлопчатобумажных тканей в Иран в конце 20-х гг. приближался к 3 млн руб., что составляло примерно 60 % от общего вывоза тех же товаров в Азию³⁴.

Таким образом, по сбыту русских промышленных товаров в Азию иранский рынок выдвигается на первое место: он поглощает от 40 до 60 % всех русских товаров, экспортируемых в эти районы³⁵.

Одновременно с оживлением русско-иранской торговли, особенно после заключения Эрзурумского мира между Турцией и Ираном, возобновились и усилились англо-иранские и турецко-иранские торговые отношения, которые осуществлялись по следующим путям: через Трапезунд — Эрзурум — Тебриз; через Мосул — Керманшах; через Персидский залив — Бушир — Шираз — Исфахан. Примерно четвертая часть всех товаров, поступавших в Иран из Британской Индии в 1824 — 1825 гг., доставлялась через Персидский залив³⁶.

Увеличившийся приток товаров в Иран со стороны Турции и Индии означал для России не только усиление экономического проникновения Англии и Турции на рынки Ирана, но и возможную политическую опасность: создание блока Тегеран — Стамбул — Лондон³⁷, тем более, что активизация англичан в Иране сопровождалась резким ухудшением общего положения русских купцов, притеснением и ограничением последних. Этим, по-видимому, и объясняется одно из сообщений русского консула Я. К. Ваценко генералу А. П. Ермолову: «Нет сомнения, что персидский двор по иному англичан притесняет российских купцов и английская миссия старается возобновить несогласие между Россией и Персией в уповании принудить персов покупать их товары и тем уничтожить совсем нашу торговлю»³⁸.

Однако, несмотря на подрывные действия английских дипломатов и торговых компаний, к концу 20-х гг. условия русско-иранской торговли меняются к лучшему. В результате окончившейся второй русско-иранской войны 1826 — 1828 гг. и заключения Туркманчайского мирного договора, включившего известный «Особый Акт о торговле», объективно открывались новые перспективы для более успешного развития торговли между двумя соседними странами. Та и другая сторона торжественно обязались создать максимум благоприятных условий для осуществления внешнеторговых связей. Непосредственные проводники международной торговли — русские и иранские купцы — получили узаконенные мирным договором права на «обоюдную свободную торговлю» как по всему пространству Персидского государства с беспрепятственным выездом в соседние страны, так и в порядке «взаимства»; иранским подданным предоставлялась возможность «привозить их товары в Россию как через Каспийское море, так и через сухонутную границу ... обменивать оные и покупать товары для вывоза, пользуясь правами и преимуществами наравне с подданными держав, наиболее благоприятствуемых»⁴².

Налаживание торговых связей между Россией и Ираном, как это было уже не раз в прошлом, началось до заключения мирного договора, еще в ходе войны.

Примечательно, что вопреки острым вооруженным столкновениям между двумя государствами экономическая необходимость в то же время заставляла обе стороны вести торговлю. При этом товарообороты между ними были не только сравнительно быстро восстановлены, но и превзошли самый высокий уровень за предшествующие годы (например 1823 г.). Так, по официально учтенным данным, в 1826 г. из России в Иран было отправлено товаров на 750 тыс. руб., а из Ирана в Россию — на 1700 тыс. руб.; в 1827 г. вывоз из России в Иран превысил 1,2 млн руб., а ввоз из Ирана в Россию составил 2,4 млн руб.⁴³

Другие сведения из того же источника характеризуют интенсивность передвижения товарных грузов между странами по водным маршрутам. Например, в апреле 1827 г. возобновились рейсы между Гилианом и Мазендераном, с одной стороны, Астраханью и Баку — с другой. Только за один год из Ирана в Астрахань прибыло 37 судов с товарами, а в Баку — 99. В свою очередь, из Баку в Иран было отправлено 122 судна⁴⁴.

В отечественной литературе отмечалось, что русский экспорт в Иран, а также в Турцию к исходу войны в конце 20-х гг. серьезно увеличился. Правительственная статистика свидетельствует, что с 1802 по 1827 г. суммарный экспорт русских товаров в

Иран и Турцию возрос в 9,2 раза, а с 1802 по 1829 — в 12 раз. Если данные изменения показать в процентном выражении по отношению к торговле со всеми странами Азии, то это будет выглядеть так: русский экспорт в Иран в 1802 г. составлял 3,3 % от общего вывоза в Азию, а в 1829 г. он достиг 39,7 %⁴⁵.

Наряду с успехами русско-иранской торговли в те же годы значительно расширяется транзит европейских товаров через Грузию в Иран, что во многом было обусловлено введением нового таможенного тарифа, законодательно закрепленного, как отмечалось выше, специальным правительственным указом от 8 октября 1821 г. Объявленные в нем льготные условия для провоза иностранных изделий вызвали огромный поток западноевропейских товаров в Закавказье и далее — на рынки Ирана. Среди разнообразных транзитных товаров особое место занимали так называемые лейпцигские, в числе которых преобладали хлопчатобумажные и шерстяные ткани.

Рост транзитной торговли может характеризовать следующее сравнение: если в 1825 г. объем (в стоимостном выражении) транзитных товаров, проходящих через закавказские порты в Иран, равнялся 397 тыс. руб., то через четыре года, в 1829 г., он приблизился к 2 млн руб.⁴⁶ При этом дальнейшее развитие транзита обещало еще большие успехи. Таким образом, как бы сбывались давние, ставшие традиционными, надежды правительственных и деловых кругов на то, чтобы восточно-европейские (прежде всего прано-европейские) торговые пути пролегали через территорию России, что обеспечивало бы стране международный авторитет и значительные государственные прибыли.

Один из активных защитников новой системы посреднической торговли Г. В. Розен, главнокомандующий на Кавказе, приводил в пользу своей концепции поучительные данные о росте таможенных доходов при введении льготных условий для европейского транзита: если сборы пошлин до введения нового тарифа по тифлисской таможне с 1807 по 1822 г. составили 274 200 руб. серебром, то с 1822 по 1832 г., т. е. в период действия льготного тарифа, они поднялись до 740 тыс.; только за один 1830 г. их было получено 100 тыс. руб. серебром⁴⁷.

Разумеется, при новом таможенном режиме не только возрастали доходы казны, немалые выгоды извлекали для себя и прямые участники посреднической торговли, в первую очередь — армянские купцы.

В сложившихся исторических условиях 20-х гг. XIX в. Грузия становится на некоторое время центром торгового притяжения между Востоком и Западом, а Тифлис, по характеристике современника той поры — французского консула Гамбы, превратился в оживленный город и складское место европейско-азиатской

торговли. В этот «узловой пункт между Европой и Азией», по наблюдению того же автора, съезжались «негоцианты из Парижа, курьеры из Петербурга, купцы из Константинополя, англичане из Калькутты и Мадраса, армяне из Смирны, узбеки из Бухары»⁴⁴.

Несомненно, льготная тарифная система 1821 г., рассчитанная (в противовес устремлениям Англии и Турции) на переклочение восточно-европейского транзитного потока товаров в пределы России, на извлечение экономических выгод, на привлечение иностранного капитала с целью оживления русско-иранской и закавказской торговли, на первом этапе сыграла известную положительную роль в расширении рыночных связей между Россией и Закавказьем, с одной стороны, Европой и Средним Востоком — с другой. Но при всей видимой эффективности эта система имела негативные стороны и таила в себе опасность, непредвиденную для ее инициаторов в правительственных кругах. Увлечшись новым торговым путем, посреднической ролью России в межнациональном азиатско-европейском товарообороте, широко открыв шлюзы для притока европейской мануфактурной продукции на территории Закавказья и Ирана, они не сразу заметили и оценили прямую угрозу в тех же районах для сбыта некоторых промышленных товаров русского экспорта, а в дальнейшем неминуемое подчинение закавказского рынка западноевропейскому капиталу. Таким образом, новые тарифные правила прежде всего подрывали позиции русских фабрикантов из некоторых областей, которые были прочно связаны с указанными рынками.

К тому же следует добавить, что усилившаяся восточно-европейская торговля при сложившихся условиях весьма отрицательно сказывалась на развитии местного производства и ремесла. В этой связи интересно свидетельство А. С. Грибоедова (он, как известно, участвовал в разработке условий льготного закавказского тарифа) о том, какое влияние оказал облегченный транзит товаров на внутреннюю жизнь Кавказа и Тифлиса, помимо того, что местные купцы увеличили свои капиталы и установили связи с европейскими рынками. По его наблюдениям, закавказский транзит и активное участие в нем здешних торговцев не способствовали «поощрению внутренней промышленности», так как при этом «не возникло ни одной фабрики, не процветало ни земледелие, ни садоводство». Очевидно, неминуемым следствием этого явилось и обеднение местной торговли: «Базар тифлиский, — замечает А. С. Грибоедов, — нестрет привозными товарами, взор наблюдателя напрасно будет искать домашних изделий, на которые их можно обменивать»⁴⁵.

Если ревностным защитником и покровителем льготного та-

рифа для Закавказья, как уже отмечалось выше, был Г. В. Розен, главнокомандующий в этом крае, то его непримиримым и последовательным противником оказался министр финансов Е. Ф. Канкрин⁴⁶. Он был одним из первых (если не самым первым), кто забил тревогу по поводу новых таможенных правил и нависшей опасности вытеснения изделий русской промышленности западноевропейскими товарами на рынках внутренней Азии, в том числе на рынках Ирана.

Давая объективную оценку уровню экономического развития России и Европы, Е. Ф. Канкрин считал возможным и необходимым укрепить внешнеторговые позиции страны по так называемой «азиатской границе». В своем письме в Государственный совет он писал: «Нынешнее состояние российской мануфактурной промышленности не позволяет еще нам предполагать, чтобы могли выдерживать совместничество (т. е. соперничество. — Н. К.) с прочими европейскими державами и делать большие отпуски фабричных изделий высших разрядов в Европу и Америку, а потому очевидно, сколь для нас выгодно и необходимо умножить сбыт изделий наших во внутренность Азии»⁴⁷. Особую заботу и заботу Е. Ф. Канкрин проявлял по отношению к иранскому и закавказскому рынкам. Здесь, по его мнению, недопустимо «совместничество». В своем представлении в Государственный совет от 21 мая 1827 г. министр финансов остро ставит вопрос о непригодности льготного тарифа для провоза иностранных товаров из Лейпцига через Одессу, Грузию и Иран, так как «степень вредности сего транзита очевидно доказывается тем, что четвертый уже год Нижегородская ярмарка не снабжает Персию и самую даже Грузию товарами российских фабрик, в той же степени, что бывало прежде»⁴⁸. В своих возражениях против таможенной системы 1821 г. Канкрин не был одинок, он опирался на многочисленные жалобы русских промышленников, в том числе на ходатайство-прошение тридцати текстильных фабрикантов, адресованное на «высочайшее имя» самого императора. В этом документе отчетливо выражены недовольство новым торговым режимом в Закавказье и просьбы о замене его запретительной системой. «Предоставленная ныне свобода провозить транзитом из-за границы иностранные товары в Одессу, Грузию и Персию, — говорится в коллективной жалобе, — почти совершенно прекратила сбыт наших мануфактурных изделий в той стране, ибо армяне и персиане, покупавшие прежде на большие суммы для торговли в Грузию и Персию сукна и прочие российские изделия в Москве и на Нижегородской ярмарке, ныне несколько оных у нас не требуют, а провозят все количество из Лейпцига и вообще чужих краев транзитом. Сим самым причиняется не только для наших фаб-

рик, но и для внутренней нашей торговли неисчислимый вред»⁵³.

Жалобщики в своей просьбе рассчитывают на прямое вмешательство правительства, уверяют его в необходимости принять меры к ограждению ввоза некоторых европейских товаров (например сукна) и запретить транзит в Иран. Они убеждены в результативности таких действий и как бы заверяют от своего имени, что «таковые меры (т. е. правительственные запреты. — *Н. К.*) подадут российским фабрикантам, употребившим для заведения фабрик огромные капиталы, возможность упрочить и усовершенствовать оные так, что в скором времени будут в состоянии во всех отношениях соперничествовать с иностранными, и торговля наша избежит зависимости от иностранцев, в которую она уже вовлекается, а сим достигается величайшая польза государству»⁵⁴.

Но как покажет дальнейший исторический опыт, в этих суждениях, расчетах и надеждах русских промышленников, атакующих самодержавное правительство просьбами о помощи в связи с быстрым проникновением европейских товаров на иранский и закавказский рынок, было немало иллюзорного и утопичного. Никакое государственное вмешательство, конечно, не могло спасти их экспортируемые товары от недостаточной конкурентоспособности в столкновении с иностранными изделиями. И, по-видимому, это была еще только первая серьезная торговая угроза для русских мануфактуристов в данном районе со стороны западноевропейских коммерсантов. Точнее говоря, это были первые симптомы будущего наступления западного капитала.

Жалобы русских предпринимателей, их обеспокоенность, как нам представляется, были несколько преувеличены и преждевременны. Свидетельства других современников той эпохи расходятся с теми, что приведены нами выше. Так, И. Ф. Бларамберг писал, что до начала 30-х гг. XIX в. объем торговли Англии с Ираном был невелик, что в ту пору «Россия имела почти монополию на продажу ситцев в Персии»⁵⁵. Английский экономист Дж. Вигхем также отмечал, что англичане в те же годы не могли соперничать в торговле с русскими, «которых с персами связывает море и близкие пути»⁵⁶. Перед русско-иранской войной, в 1825 г., российский Генеральный консул Я. К. Ващенко сообщил генералу А. П. Ермолову: «...Российская торговля взяла верх до такой степени, что по всей Персии английских товаров нет в продаже, потому что привозимые из России продаются гораздо дешевле»⁵⁷.

Из сказанного следует, что русские фабриканты и министр финансов, приводя данные о состоянии русской-иранской и

русско-закавказской торговли в конце 20-х гг. XIX в., в известной мере драматизировали реальную картину на среднеазиатских рынках в связи с транзитом европейских товаров. Однако появившаяся тревога за судьбу экспорта промышленных товаров, остро поставленная проблема овладения восточноазиатскими рынками была не случайна. Многолетние и бурные дискуссии 20 — 30-х гг. в правительственных и деловых кругах по вопросу о льготном тарифе закончились на первом этапе (в 1831 г.) победой сторонников Е. Ф. Канкрин: транзит через Закавказье был отменен, на импортируемые европейские товары были повышены пошлины. Все это означало, что русские промышленники стремились обеспечить себе монопольное право на кавказский рынок и гарантировать преимущество на иранском.

Согласно правительственному указу 1832 г., «велею запретить порты закавказского края и особливо Редут-Кале в надежде отклонить эту мерою соперничество иностранных произведений и тем обеспечить исключительно русским произведениям сбыт в закавказские провинции и в Персию»⁵⁸. Эта государственная акция также свидетельствовала о том, что в кризисной экономической ситуации, когда развивающаяся мануфактурная промышленность России сталкивается с ограниченностью внутреннего рынка, правительство вынуждено было пойти навстречу своей буржуазии, как бы помогая капитализму все более разрастаться вширь за счет овладения рынками на своих окраинах и в соседних странах, минуя глубокую перестройку феодального базиса внутри страны. С этим связано также и то, что внешнеторговая стратегия русского самодержавия и раньше всегда учитывала (особенно в отношении восточноазиатских стран) наряду с экономическими интересами и политические цели, причем последние нередко считались «несравненно важнее». «Торговлю нашу с Азией не должно принимать единственно в виде обыкновенного обмена взаимных народных потребностей и обыкновенных торговых спекуляций, но паче как орудие надежнейшее и даже единственное для достижения важной цели ограждения границ наших и их совершенного успокоения...», — говорится в решении департамента государственной экономии Государственного совета по вопросу об азиатском тарифе (1816 г.)⁵⁹.

Однако главные торгово-экономические (и вместе с тем политические) задачи, выдвинутые, так сказать, «снизу» русской промышленной буржуазией и поддерживаемые «сверху» царизмом, не были разрешены с помощью новых тарифных мер. Как предшествующая льготная таможенная политика русского правительства 20-х гг., так и его запретительная система 30-х гг. XIX в. по отношению к закавказскому транзиту европейских товаров не оправдали возлагавшихся на них надежд. В последнем случае

европейские купцы-мануфактуристы сравнительно быстро проложили себе новый, еще более эффективный торговый путь в Иран, минуя Россию, ее черноморские порты, Редут-Кале, они направили свои товары через Триест, прибрежные города Адриатического моря, Константинополь, Трапезунд в Тебриз.

Для многих современников той поры стало очевидным, что предпринятые государством чрезвычайно покровительственные меры в интересах русских фабрикантов не дали желаемых результатов. Европейская торговля с Ираном продолжала свое поступательное движение по новому маршруту.

И. Ф. Бларамберг делает решительный вывод по поводу искусственного запрета транзитной западноевропейской торговли через Россию: «Затвор гавани Редут-Кале принес ущерб только казне: с тех пор Трапезунд заменил Редут-Кале»⁶⁰.

Такого исхода в повороте восточно-европейской торговли инициаторы нового таможенного устава 1832 г. не ожидали. О негативных последствиях этого правительственного акта снова писал Е. Ф. Канкрину тот же Г. В. Розен: «С переменною торговлей в здешнем крае (Закавказье. — Н. К.) мы не уничтожили, даже не ослабили транзитного торгового иностранных товаров в Персию. Он взял направление по другому пути, с тою только разницей, что выгоды его уже не в нашу пользу; русскими мануфактурными произведениями мы не заменили европейских ни в персидских, ни в турецких провинциях»⁶¹. И действительно, европейская торговля с Ираном по новому пути, т. е. через Трапезунд, стала развиваться невиданными ранее темпами. Если в 1833 г. общий ее товарооборот в Тебризе, главном пункте доставки западных товаров в Иран, равнялся 20 млн руб., то в 1836 г. он поднялся до 52 млн руб.⁶² Все это с неопровержностью свидетельствовало о том, что остановить или хотя бы ограничить ирано-европейский транзит с помощью запретительных указов невозможно. Становилось очевидным и то, что как ирано-европейская, так и русско-иранская торговля вступили в новую фазу своего развития, завязывался новый узел торгово-экономических противоречий на Среднем Востоке.

Что касается непосредственно самого русско-иранского товарооборота, ради которого в основном и была введена тарифная система 1831 г., то он экономически мало что выиграл.

Противники запретительной таможенной реформы все более активизировались и выдвигали новые аргументы для доказательства ее непригодности, неэффективности. Так, Г. В. Розен в своем отношении к Е. Ф. Канкрину приводит следующие официально зарегистрированные данные по русско-иранской торговле за первые три года после введения нового тарифа 1831 г. В

1832 г. вывоз русских товаров в Иран через все таможенные Закавказья составил в денежном выражении 2773112 руб. асс., в 1833 г. — 2195906, в 1834 г. — 1649906 руб. асс. Приведенные цифры показывают, что русский экспорт на протяжении трех лет снизился более чем на 1 млн руб. Сходное положение отмечается и по отдельным таможенным. Например, из Баку в Иран в 1832 г. было отправлено товаров на сумму 1052259 руб. асс., в 1833 г. — на 340452 и в 1834 г. — на 117670 руб. асс. Из Ленкорани в 1832 г. вывезено товаров на 118680 руб. асс., в 1833 и 1834 гг. отправлений товаров не было⁶³.

Все эти данные свидетельствуют о явном снижении экспорта товаров из России в Иран за первые же годы после введения новых таможенных правил. Не случайно поэтому в высших правительственных сферах, в административных, деловых и финансовых кругах в 30 — 40-х гг. с новой силой разгораются споры по поводу таможенного режима в Закавказье, его несостоятельности, а также желательности возврата к прежней льготной системе, открывающей свободный доступ европейским товарам в этот край и способствующей их продвижению на иранский рынок. Забегая несколько вперед в связи с поставленной проблемой, можно сказать, что в этих спорах все неудачи, связанные с проведением в жизнь запретительного тарифа, причины и последствия реформы осмыслились и оценивались современниками по-разному. В нашей литературе также нет еще полной ясности в данном вопросе, хотя для анализа привлечен большой материал, особенно в монографии М. К. Рожковой.

Одним из военных деятелей Закавказья 30-х гг. XIX в. генерал Н. Н. Раевский в своей «Записке о торговле с горцами» объяснял неэффективность и просчеты при осуществлении таможенной системы 30-х гг. не ошибками правительства или особыми историческими условиями, сложившимися в ту пору, а субъективными причинами, недостатками самого русского купечества. Так, признавая целесообразность торговой реформы, он в то же время подчеркивал: «Правительство желало уничтожением транзита открыть сбыт русским произведениям, но, к сожалению, должно признаться, что наше купечество сим не воспользовалось. Все русские произведения возятся на колесях с Макарьевской ярмарки в Тифлис по военно-грузинской дороге, наше купечество еще не догадалось, что из Москвы, центра промышленной России, можно Волгою и Каспийским морем снабжать изделиями через Баку весь закавказский край, чрез Энзели — Азербайджан и чрез Астрабад — внутренность Персии, восточный берег Каспийского моря и, наконец, Тегеран, который от Астрабада в полтора-два верста»⁶⁴. Само собой разумеется, что такое масштабное общественно-экономическое явление, как обеспечение огром-

ного рынка Закавказского края и рынка соседнего Ирана промышленными товарами, даже при протекционистской политике правительства, нельзя объяснить только способностью, «догадливостью» или «недогадливостью» русского купечества при выборе торговых путей на суше или на море.

Едва ли можно также полностью согласиться и с выводом советского историка С. А. Покровского, который рассматривал неуспех применения таможенной системы 1831 г. как исключительно правительственную ошибку, означавшую полный «провал политики Канкрин»⁶⁵. В данном контексте, по-видимому, предполагается, что государственная политика в области транзитной торговли, связанная с применением льготного тарифа в предшествующие десятилетия, больше соответствовала экономическому развитию России. Но это не так. Сделанное С. А. Покровским заключение, на наш взгляд, весьма односторонне: оно затушевывает главные причины того, почему охранительные и покровительственные меры, принятые государством в интересах русских мануфактуристов и торговцев, не дали ощутимых экономических результатов. Конечно, просчеты и некоторые неоправданные надежды, как уже отмечалось выше, имелись в планах правительства и инициаторов таможенной реформы 1831 г., но главное в этой акции то, что она была вызвана к жизни не заблуждениями правящих кругов России, а явилась естественной и исторически необходимой реакцией на реальную угрозу со стороны европейской и главным образом английской торгово-экономической экспансии.

Лучшим подтверждением этого может служить практический опыт в торговле предшествующего десятилетия, который, по существу, был своеобразным историческим экспериментом с применением в Закавказье льготного тарифа и введением свободного режима для беспослиженного транзита европейских товаров в Иран. Прямые результаты данного опыта, о чем уже говорилось выше, особенно явно дали о себе знать в конце 20-х — начале 30-х гг. Участвовавшие сигналы, групповые жалобы и обращения к правительству со стороны русских купцов и фабрикантов, а также официальных представителей консульской службы, финансовых и деловых кругов по поводу засилья лейпцигских и манчестерских товаров на иранском и закавказском рынках — все это свидетельствовало о том, что назрело время для принятия решительных мер, т. е. отмены транзита в целях увеличения сбыта русских изделий, для защиты развивающейся русской промышленности и торговли.

Если в былые времена Россия мечтала о привлечении торгового транзита между Востоком и Западом на свою территорию и ей это сулило только выгоды и международное признание, то

теперь историческая ситуация коренным образом изменилась. Оказалось, что тот же самый транзит, но осуществляемый развитыми капиталистическими странами в новых условиях, после того как они пережили промышленный и технический переворот, повлек за собой невиданный ранее наплыв дешевых изделий машинного производства, захлестнувший одновременно как иранский, так и внутренний российский (закавказский) рынки.

Таким образом, иранская и закавказская торговля находилась в состоянии кризиса прежде всего из-за открыто наступающего европейского, в первую очередь английского, торгового капитала. Закрытие правительством черноморских гаваней для транзита и резкое повышение тарифа на ввозимые товары и было первым ответом на этот натиск.

Затянувшиеся еще на ряд лет (до 1846 г.) дебаты в правительственных и деловых кругах по вопросу о таможенном режиме для европейского транзита в Иран по своей сути отражали острейшую борьбу за овладение средневосточными рынками в условиях ожесточенной торговой конкуренции между развитыми капиталистическими странами и феодально-крепостнической Россией, которая судорожно пыталась государственными мерами защититься от экономической экспансии иностранного капитала, опираясь на недостаточно еще окрепшую отечественную буржуазию.

Сама угроза этой экспансии, несомненно, ясно осознавалась и реально оценивалась многими современниками — участниками горячих споров (хотя и не всеми одинаково) и государственными учреждениями. Поэтому трудно согласиться с замечанием М. К. Рожковой о том, будто бы русское правительство недооценивало английскую экспансию в северный Иран⁶⁶. Это утверждение не согласуется, как уже было показано, с действиями и решениями правительства. Разумеется, можно говорить о том, почему предпринятые государством различные санкции и покровительственные меры не достигли своих целей или были недостаточны. Но это другой вопрос, на который также следует ответить. Однако приводимые тем же автором подробные материалы, связанные с ходом дискуссии вокруг транзита в 40-е гг., как нам представляется, очень убедительно свидетельствуют о том, что в правящих деловых и административных верхах России вполне представляли себе возможные последствия наступления английского и европейского капитала в условиях открытого транзита в северный Иран через Закавказье при наличии конкуренции и свободного продвижения иностранных товаров.

Вновь назначенный наместник Кавказа М. С. Воронцов предложил проект, в котором он не без определенной доли наивности

предлагал открыть во всем крае свободный впуск иностранных товаров, установить для них льготную пошлину, привлечь европейских предпринимателей с целью противостоять всеобщему влиянию торгующих армян. Министр финансов Ф. П. Вронченко резонно возражал против этого, предупреждая правительство о серьезной опасности принятия такого плана. Он прямо указывал, что практическое претворение его в жизнь, во-первых, могло бы вызвать «весьма сильное потрясение российской промышленности, которая основывала большие надежды на введенной в 1832 г. в Закавказском крае таможенной системе, — вошла с сим краем в немаловажные сношения и в последнее время приготавлилась к весьма значительным предприятиям»; во-вторых, это затруднило бы сбыт изделий русской промышленности не только в Персию, но и в другие районы (в Хиву, Бухару), куда потекли бы западноевропейские товары через Тбилиси и Баку, ввоз которых в то время через Индию и Кабул был затруднен; в-третьих, это неизбежно привело бы к «почти совершенному отпадению Закавказского края от России в торговом отношении с большим вредом и для российского судоходства на Черном и Каспийском морях»; в-четвертых, это также означало бы банкротство многих закавказских купцов, находившихся в долгу у московского купечества, что, в свою очередь, принесло бы большие убытки русским фабрикантам⁶⁷.

Из приведенных доводов Ф. П. Вронченко, его экономических прогнозов на тот вероятный случай, если бы Россия на своей территории открыла полный простор иностранному капиталу, продвигать его товары на закавказский и иранский рынки, хорошо видно, что правящие круги и на этот раз очень трезво учитывали нависшую угрозу со стороны Англии и других европейских стран.

Анализ развития торговых отношений свидетельствует о том, что капиталистическая Англия, изгнав со своих рынков мануфактурные товары из Индии, Ирана и Китая, превратив экспортирующую страну Индию — эту, по словам К. Маркса, величайшую в мире мастерскую хлопчатобумажных изделий⁶⁸ — в свою колонию, явно стремилась к поглощению всех рынков на земле.

Политика всемирной экспансии английских колонизаторов повстине не знала границ. О стратегических целях и задачах внешнеэкономического наступления Англии в ту пору откровеннее всего писал английский публицист-экономист, защитник этого курса Г. Кэри. В своих исповедальных письмах американскому президенту он сообщал: «Огромные капиталы нашей страны суть великие орудия войны против соперничества других стран... Это война с целью принудить жителей других стран ограничиться одним земледелием, отклонить их от разнообразных промы-

слов, замедлить умственное развитие, парализовать всякое движение к разработке металлических сокровищ земли, затруднить добывание железа, уменьшить спрос на труд, захватить всю эту деятельность дома и за границей в свои руки, и таким образом поработить фермеров и плантаторов всех стран мануфактурному господству Англии»⁶⁹.

Осуществляя свою гегемонию на всех мировых рынках, Англия проникла и на Средний Восток, в район Черного моря, ведя наступление на внутреннюю Азию «одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря». Она «ворвалась в сферу русской торговли», оттеснила ее «на оборонительные рубежи, проходящие по самому краю ее собственной таможенной границы»⁷⁰. Любая страна с менее развитой или отсталой промышленностью могла повторить судьбу Индии в условиях стремительно развивавшегося капитализма в Европе.

Неудержимой экономической экспансии Англии соответствовала и вероломная внешняя политика, на что также обращали внимание и Маркс, и Энгельс. В связи с нарастающим противоречиям на Среднем и Ближнем Востоке между Англией и Россией в 50-е гг. и возможностью распада султанской империи английские дипломаты торопились договориться с царским правительством о разделе Турции, рассчитывая занять решающий плацдарм в этом районе. К. Маркс в этой связи после тщательного анализа складывающейся обстановки в своих статьях «Секретная дипломатическая переписка» и «Документы о разделе Турции» не случайно приходит к заключению, что если бы раздел Турции не угрожал войной с Францией и возможностью последующей европейской революции, то Англия с одинаковой охотой «проглотила» бы и Турцию, и Россию⁷¹.

Таким образом, забегаая несколько вперед, в свете реального хода последующих событий 40 — 50-х гг., как нам кажется, можно вернее судить об общем смысле внешнеэкономической политики России на Среднем Востоке в 30-е гг., более точно определить ее расчеты, просчеты и колебания при введении нового таможенного режима для европейского транзита в Иран. Более очевидным становится и то, почему предпринятые Россией по необходимости защитительные акции ради сбыта своих мануфактурных изделий и запретительные меры против беспрепятственного ввоза европейских товаров на закавказский и иранский рынки не дали эффективных экономических результатов. Причины этих неудач, на наш взгляд, заключались в том, что в условиях 30 — 40-х гг. XIX в. международная торговля поднялась на качественно новый уровень своего развития, при котором обычные протекционистские санкции одной из конкурирующих стран — России, располагавшей менее развитым промышленным

потенциалом, оказались явно недостаточными. И связано это было прежде всего с тем, что к 30-м гг. XIX в. в мире уже сложилась довольно широкая сеть освоенных торговых путей при наличии новых, более совершенных средств транспорта. Поэтому введенные Россией запреты и ограничения на иностранные конкурирующие товары не могли полностью обеспечить русским фабрикантам и торговцам господствующего положения не только на иранском, но и на внутреннем, т. е. закавказском, рынке, где, как казалось, уже существовала узаконенная монополия для их товаров.

Все покровительственные меры — запретительные и ограничительные — в условиях новой торгово-экономической ситуации в мире оказались полумерами. Можно было закрыть один, другой порт для английских товаров в закавказских водах, но нельзя было закрыть все порты на Черном море, в том числе те, которые находились в ведении других государств. Поэтому так быстро Редут-Кале был заменен другим, более приспособленным для транзита портом — Трапезундом. Можно было также запретить ввоз иностранных (и том числе английских) товаров в Закавказье или значительно повысить на них пошлины, но, очевидно, нельзя было «отменить» потребности населения Кавказа в дешевых и нужных европейских изделиях, так же как невозможно остановить производство последних в других странах.

В правящих и деловых кругах России в 30 — 40-х гг. еще жила иллюзия, будто отечественные мануфактурные товары на европейском и американском рынках конкурировать не могут, а на азиатских для них обеспечен полный успех. Эти представления не вполне оправдались. Во всяком случае, кавказский и закавказский (как и иранский) рынки оказались в орбите уже сложившегося всеохватывающего мирового рынка. Закавказье перестало быть только азиатским рынком или рынком одного региона. Товары из Европы в готовом виде или полуфабрикаты потоком шли в Закавказье через Турцию и Иран, часто с национальным клеймом этих стран. Запретить поступление таких изделий в пределы России, точнее, на закавказские рынки, было невозможно, так как они шли в порядке импорта из соседних государств. Это было связано с их суверенными правами, а всякое отступление от установленных соглашений в данном случае неминуемо угрожало бы нарушением общего товарооборота между Россией и указанными странами.

Таковы общие причины недостаточной экономической эффективности таможенной реформы, примененной Россией в 1831 г. для европейского транзита в Закавказье.

§ 2. Новый этап в русско-иранских торговых отношениях в 30 — 50-е гг. XIX в. и конкурентная борьба между Англией и Россией

В первой половине XIX в. в русско-иранских торговых отношениях как бы вычленился совершенно самостоятельный период, который охватывает 30 — 50-е гг. Это время характеризуется прежде всего стремительным нарастанием конкурентной борьбы между Англией и Россией. Развивающийся и крепнущий капитализм в Европе искал рынки сбыта, а его производительные силы требовали новых источников сырья. Иран и был тем рынком сбыта и источником сырья, где уже в первой и особенно во второй четверти XIX в. сталкивались интересы промышленно развитой Англии и вступающей на буржуазный путь развития крепостнической России. Конечно, в этом экономическом единоборстве, в конкуренции товаров на азиатских, в том числе на иранском, рынках явное преимущество было на стороне Англии с ее высокоразвитым производством, вольнонаемной рабочей силой, а не на стороне России, промышленность которой еще во многом опиралась на подневольный труд закрепощенных людей. В этом и заключалась главная причина того, почему при прочих максимально благоприятных условиях российские товары на рынках соседней страны часто пользовались меньшим спросом, чем английские. Еще в 1817 г. генералу Ермолову, возглавлявшему посольство в Иране, была дана следующая инструкция: «Остановить перевес английского влияния в Персии, ослабить оное неприметным образом и, наконец, вовсе истребить его»¹. Несколько позднее Ю. Гагемейстер приводит характерные показатели о росте ввоза в Иран английских бумажных тканей. Так, если в 1827 г. их было поставлено 11 560 172 ярда, а в 1829 г. — 15 566 351 ярд, то в 1834 г. импорт этих товаров по сравнению с 1827 г. увеличился примерно в 2,5 раза и составил 28 621 498 ярдов². Однако до начала 30-х гг. объем торговли Англии с Ираном был относительно невелик.

Начиная с 30-х гг. английские текстильные товары стали ввозиться в Иран во всевозрастающих количествах. Так, в 1830 г. было учреждено английское консульство в Трапезунде³. В 1831 г. русский консул Н. П. Безак предупреждал свое правительство, что в том же Трапезунде англичане создают торговую компанию с целью вытеснить русские товары на внутренних рынках Ирана; при этом высказывалась надежда, что на севере и северо-востоке страны Россия еще может преградить путь английским товарам⁴.

В 1833 г. начальник Закавказского таможенного округа сообщал, что в Трапезунде полностью подготовлены дом и амба-

ры для английской компании. Он же высказывает свои сомнения в успехе этого предприятия, перечисляет возможные контрмеры и возлагает надежды на активное противодействие торговым соперникам со стороны купцов Посылиных, а также русских представителей в Константинополе и в Тебризе, поверенного в Трапезунде⁷⁶.

Примерно в одно и то же время в Тебризе торговали русские купцы братья Посылины и английские коммерсанты Борджесы и Боном. В наших документах есть также сведения о том, что в каждый свой приезд в 1833 — 1840 гг. названные английские купцы доставляли товаров примерно на 300 — 400 тыс. руб.⁷⁷ Выручка Борджесов, Бонома и Бика в 1834 г. составила 790 тыс. руб. асс.⁷⁸ В 1837 г. Борджес заключил с иранским правительством специальный контракт на поставку оружия из Англии на 75 тыс. туманов⁷⁹. В том же году консул Д. Ф. Кодице извещает Азиатский департамент о намерении британского подданного Аббота основать в Тебризе торговый дом совместно с британским подданным Брантом.

Активная организаторская деятельность англичан сопровождалась новым притоком мануфактурных изделий на азиатский рынок. В 1838 г. уже известные Борджесы, Боном, Аббот доставили в Тебриз товаров на 1,5 млн руб.⁸⁰ В том же году астраханский военный губернатор писал, что «англичане совершенно овладели тамошнюю торговлею, которая в крайнем упадке»⁸¹. В следующем 1839 г. А. И. Ходзько писал, что русские шерстяные и бумажные изделия уже не выдерживают конкуренции со стороны английских товаров, «не находят себе охотников, ибо англичане привозят сюда лучше и дешевле»⁸². По данным за 1840 г., приток английских товаров по-прежнему значителен и «русским нет при них хода и долго еще не будет»⁸³.

В начале 30-х гг. английское правительство через своих представителей в Иране стало активно добиваться заключения торгового договора на льготных условиях, т. е. при снижении таможенных пошлин с английских товаров до 2 %. Для обоснования такого требования выдвигался тот аргумент, что с привозимых английских товаров уже взималась пошлина 3,5 % на территории Турции и что таким образом при таможенных сборах в Иране те же английские изделия будут поставлены в неравные торговые условия по отношению к русским товарам⁸⁴.

Правительство Ирана сразу отклонило это требование, но в 1836 г. согласилось зафиксировать некоторые льготные права для английских купцов. Согласно шахскому фирману от 6 мая 1836 г. последним была «дарована» свобода торговли на всей территории страны, гарантирована безопасность имущества и установлена ввозная пошлина 5 % наравне с русскими купцами⁸⁵.

После неудачной осады Герата в 1837 — 1838 гг. правительство Мохаммед-шаха в 1841 г. вынуждено было пойти на заключение торгового договора с Англией, по которому английские подданные получили права экстерриториальности и освобождение от уплаты внутренних таможенных пошлин в Иране. На ввозимые в Иран английские товары была установлена единая пошлина в размере 5 % от их стоимости. Англия получила также право учреждения консульства в Тегеране и Тебризе⁸⁶. В октябре была ликвидирована привилегия российских подданных в первоочередном получении имущества банкротов⁸⁷.

В последующие годы приток английских товаров значительно усилился. «Англичане заполнили рынки дешевыми ситцами и миткалями», — сообщалось в очередном консульском отчете за 1844 г.⁸⁸ Положение не меняется и в следующем году. Характеризуя торговлю Тебриза за 1845 г., консул Озеров усматривает причину ослабления сбыта русских товаров в том, что велик наплыв мануфактурных изделий из Англии, «которыми поглощаются все капиталы, и которые по дешевизне своей имеют необъятное число потребителей»⁸⁹.

Эта торгово-экономическая экспансия Англии в жизненно важных для России районах Среднего Востока хорошо осознавалась русскими деловыми и политическими кругами. Так, И. Ф. Бларамберг в период англо-русского конфликта из-за Герата достаточно точно определил торговую стратегию давнего «нашего конкурента». Англия, по его мнению, рвется к Каспию — «вот жизненный вопрос для Ост-Индской компании и для всей Англии»⁹⁰.

Английская конкуренция на иранском рынке на всем протяжении 30 — 50-х гг. XIX в. оставалась для России наиболее важной проблемой. Угроза вытеснения русских товаров диктовала необходимость принятия эффективных контрмер. Очевидно, этим можно объяснить те многочисленные предложения, планы, которые направлялись в правительственные учреждения. Документы им поступали как от официальных представителей, так и от частных лиц. Некоторые из них имели специальное задание проанализировать создавшееся положение и наметить пути для преодоления препятствий русскому экспорту в Иран. Среди документов привлекает внимание «Записка о торговле России с Ираном через Каспийское море»⁹¹, составленная горным инженером подполковником Воскобойниковым. Главным средством вытеснения английской торговой монополии в Иране автор считает создание объединенной компании русских купцов и мануфактуристов⁹². Особое внимание составители новых проектов сосредоточивали на тех преимуществах, которыми располагала Россия по сравнению с другими странами в связях с Ираном.

Серьезное внимание этому вопросу уделяла «Коммерческая газета». Давая обзор мануфактурной торговли России с Востоком, этот орган деловых и финансовых кругов России стремится убедить своих читателей в том, насколько реальна ближайшая перспектива успешного расширения торговых операций. «При нынешнем состоянии нашей мануфактурной промышленности не каждый ясно может видеть, почему так желательно расширение нашей торговли с Востоком; когда наша промышленность более разовьется, тогда только получат понятие о тех выгодах. Какое обогащение предсказывает она нашему народу, какая блестящая будущность открывается»⁹³.

Оптимизм этой газеты и стоящих за ней русских промышленников не был беспочвенным. Как мы видели выше, в конце 20-х — начале 30-х гг. русские хлопчатобумажные ткани пользовались на иранском рынке большим спросом.

В осуществлении плана широких экономических связей России с Ираном особая роль отводилась Закавказью и его купечеству. Если Астрахань связывала Россию с северо-восточным Ираном, то Тифлис — с северо-западным. Между судовладельцами Астрахани и Баку существовали постоянная вражда и соперничество: главной причиной упадка своей торговли астраханцы считали Тифлис и его купцов⁹⁴. И в самом деле, сухопутный путь через Закавказье успешно конкурировал с традиционным, т. е. по Каспию⁹⁵.

Имеются и другие свидетельства, в которых подчеркиваются невыгодность и дороговизна сухопутного пути. Ф. Корф отдает явное предпочтение морскому пути: «Торговлю России с Персией должно разделить на две части: на торговлю с Азербайджаном и на торговлю с Гиляном и с Мазендераном, или иначе на торговлю через Грузию и Армянскую область и на торговлю через Каспийское море. Второй путь сообщения идет от Астрахани в Персидские порты Каспийского моря: в Зензели, Решт и частично в Астрабад и Бальфруш. Из этих портов русские товары расходятся по внутренним провинциям Персии по самым безопасным путям сообщения»⁹⁶. Г. П. Неболин также отмечает выгодность морского пути: «...Самый близкий путь для торговли с Персией есть Каспийское море, что Астрахань своим водяным сообщением, соединяясь с сердцем России, самую природою предназначена быть главным складочным местом российско-персидской торговли, и что Тифлис мог сделаться опасным соперником в опой не по каким-либо естественным выгодам, а единственно от опасности судоходства по Каспийскому морю...»⁹⁷.

Подчеркивая исключительное значение для русско-иранской торговли Астрахани, Тифлиса, всего Закавказья в целом, мы не должны забывать их неразрывную связь с глубинными райо-

нами России, а также с такими крупными центрами, как Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, и многими другими городами, расположенными по Волжско-Каспийскому пути.

В связях России с Востоком заметную роль играла Нижегородская ярмарка. Ежегодно на нее направлялись большие группы купцов с многообразными товарами — изделиями промышленности, ремесла, промыслов и сырья; при этом, как свидетельствуют многие современники, иранские купцы предпочитали выменивать свои товары на деньги.

Выдающаяся роль Нижегородской ярмарки была отмечена в трудах исследователей 30 — 40-х гг. XIX в. Один из них, прибегая к образному языку, уподоблял значение этой ярмарки «Вавилонскому столпу, к которому стекается до 50 племен со всех сторон Европы и Азии»⁹⁸.

В то же время на территории Ирана выделялись крупные торговые центры, которые имели большое международное значение. Среди них первостепенную роль играл Тебриз, который разносторонними и прочными путями был связан с Западной Европой и Россией. Это был поистине интернациональный рынок, где встречались купцы со всей Европы и Азии. В нем размещались разноразличные торговые объединения и общества: греческие, немецкие, австрийские, русские, английские и многие другие. Сюда текли товары из разных уголков земли. Деятельное участие в торговле Тебриза принимали купцы из Астрахани, Закавказья, Москвы и других городов. В архивных фондах сохранились специально составленные таблицы по учету участия различных групп купцов в структуре торговли Тебриза. В них содержатся сведения о ввозе и вывозе товаров каждой группой купцов. Ежегодные торговые обороты Тебриза, по приближенным подсчетам, составляли 2—3 млн туманов⁹⁹. Тебриз как международный торговый город постоянно привлекал к себе внимание Генерального консула России. В годовых отчетах консульства регулярно уточнялись данные об экспорте и импорте товаров, их поступлении из Астрахани, Константинополя, Лейпцига, Манчестера и иных международных торговых центров. Одновременно учитывались поставщики товаров, т. е. купцы, — русские, иранские, европейские и др.

Устойчивый интерес к торговле в Тебризе, ее детальное изучение имели большое практическое значение для России. Консул Озеров так объясняет причины этого: «Генеральное консульство с двоякой целью следит за торговлей в оном городе. Во-первых, для того, чтобы собрать всевозможные данные, могущие быть основанием к мерам поощрительным для русских торговых отношений с Персией; во-вторых, для того, чтобы с ближайшей точностью определить число ввоза и вывоза товаров и тем показать,

что торговля с Персией по важности не может быть пренебрегаема¹⁰⁰.

Не менее значимым центром русской торговли в Иране была столица Гиляна — город Решт. Один путь к нему шел через Закавказье (Ленкоран — Ардебиль — Астара — Решт), другой — по морю (Астрахань — Баку — Энзели — Перибазар — Решт). Первым маршрутом чаще всего пользовались закавказские купцы, вторым — бакинские судовладельцы и иранские коммерсанты. В Реште обычно проводилась распродажа шелка-сырца; кроме того, здесь, в самом центре Гиляна, естественно, возникло надежное складское место для товаров, привозившихся из других городов Ирана: Казвина, Иезда, Кермана, Тегерана, Хамадана, Кашана и Исфахана¹⁰¹.

В экономическом и хозяйственном отношении роль Решта оказалась многосторонней. Он являлся не только важным торговым центром общеперсидского значения, но и одновременно стал одним из значительных центров русско-иранской торговли. И сам факт учреждения консульства в Гиляне еще раз свидетельствует о его значимости для русско-иранских экономических и политических связей. В Реште русские купцы, как показывают документы, не испытывали той угнетающей атмосферы конкуренции, с какой они постоянно сталкивались в Тебризе.

Транспортировка русских товаров в Гилян морским путем совершалась на судах, принадлежавших астраханскому купцу первой гильдии Мир Абу-Талиб Мир-Багирову, — на так называемых бакинках. Эти же суда доставляли русские товары и в соседнюю провинцию — Мазендеран. В течение года сюда прибывало до 10 малых судов, нагруженных нефтью. «Астраханское мореплавание, — уточняет Г. Неболсин, — оно есть персидское. Астраханские персидские купцы имеют на Каспийском море вместо прежних своих киржимов большие трехмачтовые суда, кои могут поднимать грузы от 20 до 30 тыс. пудов. Они перевозят русские товары в Зинзили и прочие свои гавани, а персидские прямо из Зинзили в Астрахань, чрез что успели подорвать перевозную торговлю Баку»¹⁰².

В середине 50-х гг. значительно возросла торговля русских купцов в Барфоруше и Астрабаде. В 1857 г. в одном только Барфоруше собралось до 300 купцов, тогда как за пять — шесть лет до этого их бывало не более нескольких десятков¹⁰³. Оживилась торговля в Ардебиле и через Ардебиль. В этой связи консул Озеров отмечал, что торговля в менее известных городах приобретает значительный размах, она «каждый год привлекает довольно большое количество российских подданных из кавказских жителей»¹⁰⁴.

Таким образом, русская торговля в Иране осуществлялась во

многих крупных городах главным образом северного Ирана; бывали русские купцы и в глубинных районах страны. Но, разумеется, Тебриз, Решт, Энзели, Ардебиль, Астрабад, Тегеран — это только наиболее известные торговые центры, в которых русские подданные нередко жили годами. Многие из них имели там собственные дома, конторы, лавки, склады и другое недвижимое имущество. Некоторые надолго оседали на иранской земле со своими семьями. К этому следует еще добавить, что в таких обширных провинциях, как, например, Гилян, Астрабад, Азербайджан, были учреждены консульства, в результате чего торговая деятельность русских подданных находилась под постоянным присмотром официальных представителей России.

В 30 — 50-х гг. XIX в. в осуществлении русско-иранских торговых связей по-прежнему значительное место принадлежит жителям Закавказья — азербайджанцам, армянам и грузинам. В европейской и так называемой лейпцигской торговле они также играют ведущую роль. С их именами мы сталкиваемся во всех консульских отчетах: в них фигурируют имена карабагских, ширванских, шекинских, духинских купцов¹⁰⁵. В Реште отдельные закавказские купцы имели собственные дома, среди них — Ага Михаил, Кербелан Мехди, Хаджи Бедель. Помимо них в Гиляне постоянно проживали Хаджи Исмаил, Мохаммед Хасан, Молла Алла Верди и др. Всего их было 18 чел., почти все — азербайджанцы¹⁰⁶.

В отчете об астраханской торговле, опубликованном в «Коммерческой газете», среди купцов «по значительности оборотов» выделяются «астраханской первой гильдии купец Мир Абу-Талиб Мир-Багиров, который также есть из числа первых судовладельцев, шуйские братья Посылины, рештский персидский и петербургский второй гильдии купец Аджи Сеиб Казим, ленгерудские персидские Мошады Джафар Хадасов и Молла Аскер, бакинский персидский Батир Аджи Рагимов, хивинец Байкан Ишмаилов»¹⁰⁷.

В 1835 г. из России в Решт большой груз товаров был доставлен бакинскими купцами, всего их было 20 чел., из них 13 ширванцев, несколько сальянцев, остальные — кубинцы. Имеется список торговцев, вывозивших гилянские шелка в Россию; это купцы Посылины, приказчик купца Томашева, шекинцы, тифлисцы. В 1837 г. Д. Ф. Кодинов, характеризуя русскую торговлю в Тебризе, отмечает, что число тифлисских и карабагских армян, доставляющих товары из России, увеличилось до 30 чел. «Вообще в 1837 году, — пишет он, — было значительное стечение русских подданных в Тебризе, приезжающих торговать или оканчивать старые расчеты по делам своим здесь. Некоторые карабагские, ширванские и шекинские армяне и мусульмане, прибыв в Тебриз с небольшим количеством денег, покупали здесь европей-

ские товары мелкими партиями и здесь же продавали их в раздробь, отчего получали немалые барыши»¹⁰⁸. Как видно, русские подданные занимались одновременно перекупкой и перепродажей товаров. В Мазендеране в 1851 г., судя по консульским записям, торговлю вели российские подданные из Баку (фамилии у них полувосточные, полурусские). В 1850 г. они закупили хлопка, шелка-сырца и других товаров на 150 тыс. туманов для вывоза в Россию¹⁰⁹.

Среди так называемых «русских купцов» было немало иностранцев, которые по коммерческим соображениям становились «русскими», а при изменившихся условиях снова меняли подданство. Были и такие коммерсанты, которые приезжали торговать с просроченными паспортами или вовсе без них, они нередко объявляли себя то русскими, то персидскими, то европейскими купцами, в зависимости от того, что было выгоднее в конкретных обстоятельствах.

Д. Ф. Кодинцев сообщал в Азиатский департамент о российском подданном Зино, который задумал учредить в Тебризе собственную контору. Ранее он зарекомендовал себя в России как крупный торговец в Таганроге, Одессе и других городах¹¹⁰. Русское правительство разрешило ему открыть контору в Тебризе¹¹¹.

В 30 — 50-е гг. XIX в. русское правительство проявляло особенно активный интерес к тем представителям купечества, которые осуществляли межнациональные и межгосударственные экономические связи как с Востоком, так и с Западом. Самодержавная Россия стремилась укрепить свои позиции на международных рынках и транзитных путях, на одних участках внешней торговли извлекая экономические выгоды, на других — восполняя тот урон, который она имела в результате неэквивалентного товарообмена в сношениях с Ираном. При этом значительная роль во внешнеторговых контактах с Ираном паряду с русскими и закавказскими купцами все еще отводилась тем торговцам, которые были иностранцами по происхождению, но имели русское подданство.

По консульским документам 1837 г., среди торгующих в Тебризе европейскими товарами, вывезенными из Константинополя, числятся три торговца — Ралли, Теодорити и шемахинский мусульманин Мешедн Абдуллах. «Торговля последнего в Константинополе была малозначущая; первым же двум принадлежал почти весь капитал, на который доставлены оттуда европейские товары. Теодорити не принадлежал, собственно, к числу российских подданных, но продолжал торговать по доверенности русских купцов, прибывающих в Константинополь, и по сей причине пользовался он вспомоществованием генерального консульства во всех его торговых оборотах»¹¹².

Как видно, консульские деятели хорошо различали формальную принадлежность купцов к тому или иному государству и их практические дела. Поэтому учитывались не только паспорта, подданство торгующих лиц, но и такие понятия, как взаимопонимание между деловыми людьми, «купеческое доверие» между русскими и иностранными торговцами. Во всяком случае отсутствие российского подданства у западного коммерсанта Теодорити не помешало ему воспользоваться защитой и покровительством со стороны правительственных органов России. Для этого было достаточно иметь «доверенность» от русских купцов.

Однако создавшееся положение в русской торговле в названных районах не всегда удовлетворяло правящие круги. Генеральные консулы ставили перед министерством и правительством вопрос о необходимости привлечения к торговле с Ираном русских купцов: «Пока торговля наша с Персией будет исключительно находиться в руках греко-русских капиталистов, — писал Генеральный консул в годовом отчете за 1844 г., — которые жнут и собирают в пользу английских мануфактуристов, которые торгуют не на настоящий, а на будущий капитал, мы не можем ожидать естественных выгод от торговых сношений в здешнем краю»¹¹³. Это категорическое заявление, по-видимому, не было случайным. Как показывают сохранившиеся документы, внимание официальных учреждений России к коммерческой деятельности русских и закавказских купцов на внешних рынках все более усиливается. В регулярных отчетах МИДа по Азиатскому департаменту за каждый год подводятся итоги по так называемой лейпцигской торговле, в них очень тщательно учитывается степень участия купцов — подданных России как в ирано-европейской, так и в русско-иранской торговле.

Например, по сведениям МИДа, за 1841 г. российскими подданными было привезено в Тебриз европейских товаров на 1,5 млн. русских — на 60 тыс. руб. серебром. В 1842 г., говорится в отчете МИДа, «торговля шла достаточно успешно, купцы наши привезли товаров из России на 82 тыс. руб. серебром, из Константинополя — на 800 тыс., из Лейпцига и других мест — на 900 тыс. руб., а всего — на 1 782 000 руб. серебром»¹¹⁴. Вывоз из Тебриза в Россию составил 450 тыс., а из Константинополя — 350 тыс., всего — на 800 тыс. руб. серебром¹¹⁵.

В 1843 г. из России в Тебриз российскими подданными было привезено товаров на 31 тыс. руб. серебром, в то же время из Англии, Франции и Германии ими доставлено товаров на 920 тыс., всего — на 1 450 тыс. руб. серебром. За тот же год их вывоз из Тебриза в Европу и в Константинополь был равен 450 тыс. руб. серебром, а в Россию — 540 тыс., общий вывоз составил 990 тыс. руб. серебром¹¹⁶. Из всех этих учтенных данных

сама собой выявляется некая общая закономерность, состоящая в том, что суммы ввозимых в Тебриз русскими купцами товаров значительно превышают суммы вывоза.

Очевидно, что такая коммерческая активность отечественных купцов в восточно-европейской торговле поддерживалась правительственными крутами и в известной мере была выгодна для Русского государства. Дело в том, что определенная доля европейских товаров, ввозившихся в Иран русскими торговцами, входила в состав российского экспорта и поэтому играла важную роль в общем балансе русско-иранской торговли. В данной связи представляют интерес некоторые наблюдения Ю. А. Гагемейстера, известного знатока торгово-экономических связей России со странами Востока и современника той эпохи. В своем экономическом обзоре за 1838 г. он писал: «Россия берет у нее (т. е. Ирана. — Н. К.) товаров средним числом на 7 и 8 млн руб. в год, и посылает своих изделий на 2,5 и 3 млн; но не вся разность покрывается монетою, ибо часть товаров, привозимых в Табриз русскими армянами из Германии, должна быть, как выше сказано, также причислена к предметам, из России вывозимым, и Персия получает из России ежегодно 3—4 млн руб. золотом и серебром»¹¹⁷.

Таким образом, сведения, содержащиеся в консульских донесениях и отчетах МИДа, дают нам разностороннее представление о сложных формах развития товарооборота между Россией и Ираном, о пестром национальном составе купечества, которое принимало участие в русско-иранской и европейско-восточной торговле.

Вместе с тем в этих же документах недостаточно информации о купцах Ирана и их роли в экономических связях с Россией. В отчетах и донесениях русских консулов о них сообщается довольно скупо. Так, в годовом отчете за 1830 г. Безак писал, что товары ввозились в Россию как русскими, так и иранскими купцами¹¹⁸. В отчете за 1834 г. несколько подробнее указывалось, что «табризские купцы из персиян приезжали на Нижегородскую ярмарку в составе 80 человек»¹¹⁹. В 1835 г. иранские купцы доставили в Тебриз русских товаров на сумму 86 тыс. руб.¹²⁰ В 1836 г. купец из Решта Гаджи Санд Казым (обычно торговавший в Санкт-Петербурге) вместе с другими рештскими торговцами направил в Астрахань гялянский шелк¹²¹. В другом документе отмечается, что мазендеранская торговля с Россией находится в руках барфорушских купцов, которые «ездят в Астрахань и даже в Н. Новгород»¹²². В 1837 г. купцами из Ирана было ввезено в Россию товаров на 296 тыс. руб.¹²³

Среди иранского купечества в консульских бумагах чаще всего упоминаются жители Решта, Ленгеруда, Кашана и других

городов. Г. Небоlesi утверждал, что вся внешняя торговля в Астрахани сосредоточена у персов, российских и иранских поданных, и «в их руках находится вся торговля с Персией... Астраханские персияне, господствующие в российско-персидской торговле и судоходстве, суть по большей части комиссионеры своих соотечественников, прибывающих из Персии, от которых поручается им разная продажа и покупка товаров»¹²⁴. Если даже эти наблюдения Г. Небоlesi об участии иранских купцов в русско-иранских торговых оборотах 30-х гг. XIX в. несколько преувеличивают его, то все равно они, несомненно, свидетельствуют об их активной роли в экономических связях двух стран. Присутствие иранских консулов в таких торговых центрах, как Астрахань, Тифлис, а затем и Баку, подтверждает правильность этого положения.

В русском экспорте в Иран в 20-х — начале 30-х гг. XIX в. особое место занимали текстильные товары. По утверждению А. Семенова, вывоз мануфактурных изделий на азиатские рынки рос только до 1829 г., затем он стал сокращаться¹²⁵. По данным консульских документов, вытеснение текстильных товаров с иранского рынка происходило постепенно в течение 30—40-х гг. Во всяком случае, в 1835, 1836, 1837 и даже в 1840 гг. русские ткани успешно сбывались на иранском рынке, а в отдельные годы среди населения многих иранских провинций, особенно на севере страны, спрос на эти товары даже увеличился. Так, в 1835 г. в связи с сокращением привоза тканей из России в Мазендеране цены на них поднялись на 30 %. По мнению Кодица, иранский рынок был способен поглотить одного миткаля в год на 3 млн руб. Разнообразные ткани из России поступали в 1838 г.¹²⁶ В 1840 г. на рынках Тебриза они успешно раскупались: «Вообще не было убытков, — как заверяет консул, — ни на один товар, несмотря на соперничество иностранных товаров»¹²⁷.

Однако начиная с 40-х гг. XIX в. в документах все реже встречаются упоминания о таких ходовых товарах, как ситец, панка и др. В качестве главных причин спада спроса иранских покупателей на русские мануфактурные изделия называются дороговизна тканей, плохое качество красок, несоответствие узоров восточным вкусам. Ю. Гагемейстер писал, что кусок ситца, стоивший в Англии около 10 руб. асс., в Константинополе стоил 12 руб. асс., а в Тебризе — 15 руб. асс., тогда как цены на товар производства российских мануфактур были на 25% выше¹²⁸.

Таким образом, планы русской буржуазии по овладению иранским рынком оказались несостоятельными. Вывоз текстиля в 1851—1853 гг. составил 1/3 часть его объема в 1824—1826 гг. Особенно пострадал экспорт хлопчатобумажных това-

ров: в указанные годы он составил 1/10 часть сбыта 20-х гг. «Английские бумажные изделия, доставляемые через Трапезунд, вытеснили произведения наших фабрик», — заключает А. Семенов¹²⁹.

Важное место в русском экспорте занимали металлы и металлические изделия¹³⁰, причем отмечались периоды более и менее активного сбыта, но основная тенденция в их поставке характеризуется нарастанием ее объемов. Для наглядности приведем сравнительные данные по этому виду экспорта (табл. 14).

Таблица 14

Вывоз металлов из России в Иран, руб. серебром¹³¹

Наименование товара	Год		
	1833	1843	1844
Железо	65 954	207 442	169 159
Медь	22 915	52 672	63 919
Металлические изделия	17 185	62 783	49 133

Как видно из табл. 14, объем русской торговли металлами на иранском рынке в 40-е гг. значительно возрос по сравнению с 30-ми гг.: по железу — примерно в 3 раза, по меди — в 2,8 раза, по металлическим изделиям — более чем в 3 раза.

Торговля металлами развивалась успешно и в конце 40-х — начале 50-х гг.: в 1847 г. их было вывезено на сумму 328 121 руб. асс., в 1849 г. — 276 357, в 1850 г. — 729 376, в 1851 г. — 367 280, в 1854 г. — 608 354 руб. асс. Несколько иные сведения приводит А. Семенов, который отмечал, что в 1851, 1852 и 1853 гг. из России ежегодно вывозилось железа на 161 098 руб., меди — на 52 086 и разного металла — на 21 686 руб. серебром. В целом вывоз металлов в 50-х гг. увеличился по сравнению с началом века в 4 раза¹³².

Торговля металлическими изделиями, медью, железом была выгодной: русские экспортеры в 1840 г. только в Тебризе от продажи стали и железа получили 40 % прибыли¹³³. В 1850 г. одной лишь Московской торговой компанией по торговле с Азией было экспортировано в Иран железа и стали на 53 286 руб. серебром¹³⁴. В одном из консульских отчетов, где речь шла о сокращении торговли мануфактурными товарами, в то же время подчеркивалось, что «отпуск металлов и металлических изделий, не взирая на соперничество иностранных изделий, увеличился и сделался главной статьей отпускной торговли Персии»¹³⁵.

Заметное место в русском экспорте занимали также кожи:

буйволодые, конские для производства пожен и других предметов; поставлялись кожи и для изготовления сапог и чемоданов¹³⁶. В течение 1851 — 1853 гг. ежегодно вывозилось выделанных и невыделанных кож примерно на 43 331 руб. серебром¹³⁷. Эти сведения подтверждаются и материалами консульских донесений.

Важной статьей русского экспорта в Иран являлись фарфор и хрусталь. Эти товары традиционно и неизменно пользовались спросом. Их исключительный успех на рынках Ирана и коммерческую эффективность от их реализации отмечал Генеральный консул в 1838 г., который указывал, что одни только изделия из стекла, хрусталя, фарфора приносят русским купцам 100 % чистой прибыли и находятся вне всякой конкуренции¹³⁸. Об успехе и славе русского хрусталя говорится также в гилянском отчете 1846 г.¹³⁹ и во многих других аналогичных донесениях.

В русском экспорте в Иран определенное место отводилось и таким товарам, как меха (особенно ценились хорек и белка), писчая бумага, краски, прежде всего марена, сандал, кошениль. Спрос на них был постоянным, а сбыт полным. Из Баку на иранский рынок морским путем поставлялись нефть и соль. Эти добываемые продукты пользовались широким спросом, но встречали конкуренцию со стороны тех же товаров, привозимых туркменскими купцами. Если бакинская нефть по качеству и цене выдерживала соперничество и иранские потребители (точнее, гилянские жители) перестали покупать туркменскую нефть, то в отношении соли сложилась иная ситуация. Те же персы (энзелийские жители) охотнее покупали туркменскую соль, так как она была в 2 раза дешевле бакинской и за нее можно было не платить наличными, а обменивать ее на товары¹⁴⁰.

В официальных отчетах МИДа не раз отмечалось, что бакинская нефть «составляет главнейшую статью привоза в Гилян»¹⁴¹. Так, в 1838 г. в указанную провинцию было отправлено 75 тыс. пуд. нефти и «все количество продано с большой выгодой»¹⁴². По другим сведениям, содержащимся в письме министра Ф. П. Вронченко к наместнику Кавказа и генерал-адъютанту А. П. Нейдгардту, в 1838 г. в Иран было экспортировано 144 867 пуд. нефти¹⁴³. Всего за 15 лет (с 1828 по 1843 г.), по тем же документам, из Баку в Иран было вывезено нефти 2 338 343 пуд. и соли 593 480 пуд.¹⁴⁴

Важной статьей русского вывоза были и такие продовольственные товары, как мука, сахар и др. Имел в виду иранский рынок, «Коммерческая газета» писала о том, что «русский чай составляет выгодный предмет торговли»¹⁴⁵. В отдельные годы поставки муки, крупы имели для Ирана первостепенное значение. В 1838 г. только в один порт Энзели по Каспию было завезено 20 500 пуд. муки, 8 540 пуд. ячменя и 5 200 пуд. ри-

са¹⁴⁶. Русский сахар сбывался на иранском рынке повсеместно и беспрепятственно. Это дало основание Л. Ивановскому высказать предположение, что его усиленный экспорт из России может полностью вытеснить с иранского рынка английский, немецкий и французский сахар¹⁴⁷.

Архивные документы освещают еще одну важную страницу в истории межгосударственных торговых отношений, связанную с некоторыми особенностями иранского товарооборота в России. Заезды иранских купцов в глубинные районы страны в 40 — 50-е гг. XIX в. обычно сопровождались стремлением получить русскую валюту для вывоза ее в Иран. Естественно, со стороны официальных российских торговых и финансовых учреждений проявлялась настороженность к иранским коммерсантам и были предприняты некоторые меры к ограничению вывоза русской валюты. Однако иранские торговцы преодолевали установленные барьеры. Особенно успешно они осуществляли свои торговые акции на Нижегородской ярмарке, где собирали большое количество денег и переправляли в Иран. Например, в 1852 г. ими было вывезено только товаров на 40 тыс. руб. Но гораздо более значительную сумму составляли наличные деньги в виде монет русской чеканки¹⁴⁸. Поэтому озабоченность властей вполне понятна.

Нижегородский губернатор неоднократно сообщал о том, что вывоз русских денег иранскими купцами продолжается; примерно четвертая часть средств, вырученных от продажи иранских товаров, затрачивается на покупку русских промышленных изделий, остальная целиком вывозится за рубеж¹⁴⁹. П. И. Мельников подсчитал, что с начала 50-х гг. иранские подданные ежегодно вывозили с Нижегородской ярмарки до 2 млн руб. золотых и серебряных монет¹⁵⁰.

Для более полного представления о составе русского экспорта в Иран приведем два свидетельства современников: одно из них относится к концу 20-х, другое — к 30-м гг. Так, тбилисский губернатор Н. М. Сипягин в своей записке от 19 сентября 1828 г., адресованной И. Ф. Паскевичу, сообщал о тех товарах, которые пользовались наибольшим спросом в Иране и «сбывались с великою пользою». Среди них он выделял железо, медь, сталь, писчую и оберточную бумагу, краски, нефть, соль, разные металлические изделия¹⁵¹.

Этот перечень экспортируемых русских товаров, указанных Н. М. Сипягиным, может быть дополнен свидетельством Платона Зубова. В числе вывозимых в Иран товаров он называет следующие: бархат, полубархат, атлас, полуатлас, сукна, парча, штоф, обьяр, ситцы, большие ситцевые платки, коленкор, саржа, камлот, пестрядь, полотно, позументы, лакированные

вещи, самовары, хрусталь, оконные стекла, железные и стальные изделия, меха (лисы, горностаявые, хорьковые, собольи, заячьи и др.); разная посуда, чай, сахар, душистое мыло, разные мелочи — гребейки, щетки. Вывозились также краски (белила, румяна, кошениль, сурик), зеркала, воск, сученое золото и серебро на шелку, галантерея¹⁵².

Таким образом, ассортимент русских товаров, поставлявшихся на иранский рынок в первой половине XIX в., как показывают опубликованные и неопубликованные материалы, был достаточно разнообразен.

Активно развивающаяся промышленность России с каждым годом предъявляла всевозрастающий спрос на иранское сырье — хлопок и шелк-сырец, главные продукты иранского импорта в Россию. «Собирая нынешний ход по разным отраслям азиатской торговли, можно сказать утвердительно, что она клонится в пользу наших мануфактур, ибо привозится преимущественно сырье, обретающееся у нас в изделия, которые начинают иметь в соседственных землях сбыт выгодный»¹⁵³.

В этом суждении газеты видна официальная установка на то, чтобы внешняя торговля России ориентировалась на развитие российских мануфактур и фабрик, а это практически не только означало усиление заботы о «выгодном» сбыте русских товаров в «соседственных землях», но и предполагало еще большее внимание к импорту, в структуре которого главное место должно было занимать сырье для мануфактурных и других предприятий. Таковы были основные цели русско-азиатской и русско-иранской торговли (как их понимали представители торгово-промышленных верхов России). Не случайно в делах русских консульств в Иране видное место занимают проблемы торговли шелком-сырцом и поставки сырья для русской промышленности. Все операции, связанные с закупкой, оплатой, вывозом, районами сбыта и другими деталями, обстоятельно освещаются почти во всех консульских документах.

Приведем наиболее общие, типичные вопросы, которые в разных вариантах повторяются почти во всех консульских отчетах, донесениях. Кто вывозил шелк? Сколько и по какой цене куплено шелка-сырца и в какие районы России отправлено? Как приобретался шелк-сырец — за наличные деньги или в обмен на товары? На какие товары?

Содержание, направленность приведенных вопросов свидетельствуют об исключительной деловой заинтересованности в иранском сырье не только консулов, но и всей России, а повторяющиеся однотипные ответы в переписке разных официальных лиц говорят о том, что эти вопросы были подсказаны сверху, Азиатским департаментом.

Разумеется, такой целеустремленный и сосредоточенный интерес к импорту иранского сырья требовал всесторонней осведомленности и точного учета всех факторов, с которыми были связаны добывание, купля, обмен, транспортировка и реализация шелка-сырца, ведь на этом базировалась экономика значительной отрасли русской промышленности. Этим, очевидно, и объясняются те энергичные поиски разнообразных форм и каналов торгово-экономической информации, которыми занимались русские консулы, что нашло отражение в анализируемых источниках.

Еще в 1832 г. Ходзько в своем донесении Генеральному консулу Безаку жаловался на то, что все его усилия раздобыть точные сведения о количестве вывезенных из Ирана в 1831 г. шелка и хлопка оказались безрезультатными по причинам, связанным с чрезвычайными обстоятельствами. Смерть таможенного чиновника от чумы, сожжение всех его бумаг исключали всякую возможность получить какие-либо сведения. Одновременно в том же донесении сообщалось, что цены на шелк-сырец довольно высоки, что правительство гиланской провинции собирает людей к переселению в другие районы, где люди вымерли от эпидемии и где не хватает рабочих рук¹⁴. В 1833 г. Генеральный консул, отчитываясь перед полномочным министром при шахском дворе И. О. Симоничем, передавая ему общие сведения о торговле, одновременно уточняет, что материалы о вывозе иранского шелка-сырца и хлопка доставлены правителем Гилана Маниучар-ханом, старейшиной русского купечества в Реште Ага Михаилом и приказчиком купцов Посылинных Хрякиным. Совершенно очевидно, что чиновники консульской службы всех степеней, начиная от советника и кончая полномочным министром при Тегеранском дворе, с большой ответственностью относились к собиранию точных сведений об импорте иранского сырья и других товаров. Как показывают документы, русские консульства и миссия имели разветвленную сеть связей, прямых контактов с местными властями, частными лицами, начальниками таможен, старейшинами купцов и др.

В консульских делах обращалось внимание на то, что русские торговцы приобретают шелк-сырец главным образом за наличные деньги, без кредита, иногда же «на мену», «сроками не пользуются». При этом следует оговориться, что русские купцы поставляли иранский шелк-сырец не только в Россию, но и в европейские страны, используя путь через Константинополь. Последнее обстоятельство подводит нас вплотную к вопросу об активной экономической борьбе европейского (в первую очередь английского) капитала и русских торгово-промышленных кругов за овладение иранскими сырьевыми ресурсами.

Трудно назвать какой-либо отчет за 30 — 40-е гг., в котором не говорилось бы о торговле шелком-сырцом, о перипетиях борьбы за сырье. Русские предприниматели-мануфактуристы затрачивали огромные суммы на покупку шелка-сырца. Так, в 1830 г. в один только Решт было завезено товаров на 1 млн асс. для закупок сырьевого шелка. Через 12 лет консул Н. А. Анчиков, характеризуя общее состояние торговли за 1842 г., сообщал, что русскими подданными только из Тебриза вывезено товаров на 1 656 844 руб., из них половину составлял шелк-сырец¹⁵. По данным, приводимым П. Зубовым, в Россию ежегодно привозилось до 70 тыс. пуд. шелка-сырца из провинции Гилан¹⁶.

Английские предприниматели и коммерсанты стремились перехватить инициативу у русских купцов в закупке сырьевого шелка: они прибегали к различным торговым ухищрениям, совершали тайные оптовые операции по закупке и вывозу этого товара. В результате конкурентной борьбы цены на иранский шелк-сырец в 30 — 50-е гг. непрерывно поднимались. Все это, естественно, затрудняло его импорт в Россию. Уже известный нам по истории Нижегородской ярмарки автор П. И. Мельников приводит типичный случай из торговой практики конкурентов: один английский дом в течение многих лет скупал в Гилане и других провинциях шелк-сырец и отправлял его в Европу¹⁷. Все это подрывало русско-иранскую шелковую торговлю.

Важное место (после шелка-сырца) в русском импорте занимал хлопок, который обычно вывозился русскими купцами из Мазендерана и Хирасана. Значение этого вида сырья определялось все более растущими потребностями мануфактурного производства. Вот почему русские торгово-промышленные круги проявляли, как показывают документы, особую заинтересованность в расширении поставок иранского хлопка.

В числе видов иранского сырья, в котором нуждалась русская промышленность, следует также назвать разного рода краски для тканей. Чтобы оценить значение экспортируемого из Ирана товара и иметь представление о его количестве, приведем один пример из практики Московской торговой компании: в 1850 г. ее купцы и приказчики ввезли одной только марены 2191 пуд.¹⁸

В течение 15 лет (с 1836 по 1851 г.) импорт шелка из Ирана в Россию увеличился в 79 раз, хлопка — в 70, пряжи — в 10 раз. Всего в 1851, 1852 и 1853 гг. ежегодно продавалось хлопка на 97 732 руб. серебром, пряженной бумаги — на 80 574, шелка — на 298 789, красок — на 47 705 руб. серебром¹⁹.

Сырьевые товары — прежде всего шелк-сырец, хлопок, краски и некоторые другие — составляют первую группу.

Ко второй группе товаров, если применить условную классификацию, следует отнести разнообразные произведения иранских, а также азербайджанских ремесел и промыслов: это прежде всего бумажная пряжа и ткани (хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные), в том же ряду находятся ковры, пушнина и кожа. Основным потребителем иранских тканей были ближайшие провинции Закавказья, но одновременно они завозились и на Нижегородскую ярмарку¹⁶⁰. «Из привозных товаров бумажные, шелковые и полупелюшковые изделия употреблялись в Закавказском крае между горцами и пародами, кочующими в Астраханской губернии, кавказской области и близ берегов Каспийского моря»¹⁶¹. В источниках довольно подробно детализируется структура иранских тканевых товаров, ввозившихся в Россию. В их числе мы находим: бязь, холст, ситцы, хам-халат (бумажный материал), кашанский бархат, атлас, зарбафу, керманские и хорасанские шали, тебризские, гиланские и исфаханские бурметы, выбойки, кумач и др. Это только немногие названия из огромного перечня разновидностей иранских тканей, встречающихся в консульских бумагах. О размерах привоза таких товаров можно судить по опыту Нижегородской ярмарки: в 1841 г. на нее было доставлено тканей на 232 777 руб.¹⁶²

В начале 50-х гг. из Ирана в Россию ежегодно привозилось бумажных тканей на сумму 1 219 787 руб. серебром, шелковых — на 335 943 и шерстяных — на 73 786 руб. серебром¹⁶³. А. Семенов, анализируя данные ввоза в Россию (Закавказье), приходит к оптимистическому выводу: «Конечно, мы еще не можем соперничать с произведениями европейских мануфактур, но при некотором старании наших фабрикантов, несомненно, мы в состоянии состязаться и, судя по значительному их привозу в Закавказский край, можем хотя бы наполовину заменить их со временем изделиями отечественных фабрик»¹⁶⁴.

В Россию одновременно импортировались и иранские промысловые изделия, особенно большим спросом пользовались пушные товары и невыделанные кожи. Так, в списке товаров, вывезенных из Астрабада, значатся шкуры и шкурки, в том числе тюленьи, тигровые, лисьи, куницы, барсовые, шакалы, а также бараньи и козляные¹⁶⁵. Пушнина регулярно поставлялась на Нижегородскую ярмарку. П. И. Мельников отмечал, что постепенно, но непрерывно количество невыделанных мехов и кож в иранском привозе сокращалось, а количество выделанных изделий соответственно увеличивалось. Если в 1813 г. невыделанных мехов на ярмарку поступило на сумму 174 480 руб., то в 1845 г. — только на 63 300 руб., а в 1848 г. — на 58 000 руб.¹⁶⁶

К третьей группе иранских товаров, отправляемых в Россию, можно отнести продовольственные: пряности, сахар, фрукты,

мед и др. Как особую разновидность здесь следует выделить «рыбный товар»¹⁶⁷.

Современники изучаемой эпохи нередко группировали импортные восточные товары по месту их назначения. Так, в «Статистическом описании Нахичеванской провинции...»¹⁶⁸ иранские товары распределены по двум направлениям: одни предназначены собственно для России, другие — для мусульманских провинций. Из предметов, ввозившихся в Россию, указаны шелк, хлопок, чернильный орех, керманские шали, термаламы, купорос, рис, купжунное масло, сушеные фрукты. Для Грузии и мусульманских провинций обозначены иные предметы: разные виды шелковых материй, ковры, лисьи меха, хна, табак, чинарное и ореховое дерево и др.

Такова в целом структура экспорта и импорта двух соседних стран в первой половине XIX в.

Однако общая картина русско-иранской торговли, если отвлечься от подробной характеристики ее содержания, лучше просматривается в сводных и подытоженных цифровых показателях. При этом следует обратить особое внимание на те сведения, которые регистрируют торговые операции в Тебризе, где осуществляло свои постоянные функции русское генеральное консульство. Поскольку Тебриз занимал центральное положение во внешнеэкономических отношениях Ирана с другими государствами, то по зафиксированным тебризским товарооборотам можно в значительной мере судить об общем характере и закономерностях как русско-иранской, так и ирано-европейской торговли.

Вместе с тем отсутствие регулярных и систематических отчетов о внешних экономических связях ряда других провинций Ирана все-таки мешает восстановить в полной мере объем межнационального товарообмена, т. е. не позволяет сделать окончательный вывод об уровне этой торговли в абсолютных цифрах на протяжении 30 — 50-х гг. Поэтому суммированные и обобщенные данные по русско-тебризскому товарообороту с 1833 по 1852 г., которые приведены ниже в табл. 15, дают лишь приблизительное представление о динамике и масштабах торгового процесса между Россией и Ираном в указанный период.

Таблица 15
Торговые обороты России с Тебризом с 1833 по 1852 г.,
руб. асс.¹⁶⁹

Год	Экспорт	Импорт	Оборот
1	2	3	4
1833	1 088 225	1 658 336	2 746 561
1834	1 682 217	1 275 358	2 957 575
1835	686 924	879 308	1 566 232

1	2	3	4
1836	904 592	2 042 000	2 946 592
1837	1 766 600	2 512 760	4 279 360
1838	505 080	2 514 204	3 019 284
1839	195 775	2 143 732	2 339 507
1840	404 320	2 861 139	3 265 459
1841	199 592	2 038 690	2 238 282
1842	265 643	2 106 844	2 392 487
1843	82 500	2 145 954	2 228 454
1844	433 429	4 553 484	4 986 913
1845	371 479	3 665 130	4 036 609
1846	326 493	4 364 706	4 691 199
1847	291 263	4 384 741	4 676 004
1848	296 549	4 760 335	5 056 884
1849	385 990	4 529 778	4 915 768
1850	1 063 068	6 751 210	7 814 278
1851	1 143 464	5 696 177	6 839 641
1852	898 203	4 633 631	5 531 834

В этой связи правомерно сопоставить русскую торговлю через Тебриз с общеевропейской (т. е. английской, французской, немецкой и др.) через тот же центр (табл. 16) как два противоположных явления.

Таблица 16
Торговые обороты Ирана с Западной Европой с 1833 по 1852 г.,
руб. асс.¹⁷⁰

Год	Экспорт	Импорт	Оборот
1833	2 980 000	14 258 310	17 238 310
1834	4 929 600	16 255 768	21 185 368
1835	3 317 280	32 266 618	35 583 898
1836	3 488 000	39 185 492	42 673 492
1837	1 620 000	11 088 592	12 708 592
1838	210 000	14 234 007	14 444 007
1839	2 750 400	7 210 309	9 960 709
1840	3 358 400	6 053 852	9 412 252
1841	2 124 463	10 835 366	12 959 829
1842	2 559 827	8 768 565	11 328 392
1843	3 257 161	7 208 018	10 465 179
1844	3 411 142	15 591 713	19 002 855
1845	7 007 520	12 106 445	19 113 965
1846	3 848 583	17 752 608	21 601 191
1847	1 436 375	18 708 932	20 145 307
1848	3 888 385	20 435 063	24 323 448
1849	5 216 537	17 815 699	23 032 236
1850	6 616 400	17 884 583	24 500 983
1851	4 700 193	21 341 420	26 041 613
1852	8 866 049	18 476 883	27 342 932

Рассмотрим некоторые особенности русско-иранской торговли по тебризским консульским материалам. Из табл. 15 видно, что товарообороты между Россией и Ираном (Тебризом) на протяжении двадцати лет (с 1833 по 1852 г.) хотя и неравномерно, а порой и замедленно, но все же увеличивались. В стоимостном выражении, если взять крайние точки по денежным суммам, они поднялись от 1,6 млн руб. асс. в 1835 г. до 7,8 млн руб. асс. в 1850 г. Правда, в 1851 и 1852 гг. торговые обороты были несколько ниже по сравнению с 1850 г., т. е. соответственно равнялись 6,8 и 5,5 млн руб. асс., но по отношению ко всем предыдущим годам они были выше. В целом же за весь период товарообороты выросли в 2,5 — 3 раза.

Приведенные данные позволяют выявить еще одну закономерность: рост торговых операций между двумя странами происходил главным образом за счет импорта иранских товаров в Россию. Если в первые три года (с 1833 по 1835 г.) обороты по иранскому импорту составляли в среднем 1,3 млн руб. асс., то в последующие восемь лет (с 1836 по 1843 г.) их сумма была примерно на уровне 2,3 млн руб. асс., в последующие шесть лет (с 1844 по 1849 г.) они поднялись приблизительно до 4,4 млн руб., а в последние три года (с 1850 по 1852 г.) средний уровень достиг примерно 5,7 млн руб. асс. Иначе говоря, сумма ежегодно импортируемых из Ирана в Россию товаров за два десятилетия увеличилась в 4 раза.

Что же касается русского экспорта в Иран, если судить по консульским документам, то он за тот же период значительно отставал. В первые три года (1833 — 1835) по общей стоимости вывозимых товаров он был почти равен импорту из Ирана, в 1836 г. он был меньше примерно в 2 раза, в 1837 г. — в 1,4 раза, в 1838 г. — в 5 раз, в последующие одиннадцать лет экспорт по сравнению с импортом уменьшился в 11 раз. В последние три года (1850 — 1852) русский экспорт в Тебриз повысился до 1 млн руб. асс., что составляет примерно пятую часть от суммы вывозимых из Тебриза товаров.

Такой большой разрыв между импортом и экспортом в русско-иранском товарообороте (хотя бы в пределах тебризской торговли) можно объяснить следующими причинами: во-первых, острой конкурентной борьбой западноевропейских капиталистических стран (в первую очередь Англии), наводнением иранских рынков европейскими товарами, а также их проникновением под видом иранских изделий на закавказские рынки; во-вторых, тем обстоятельством, что значительная часть русских экспортируемых товаров при сложившейся конъюнктуре на Среднем Востоке в середине 30 — 40-х гг. находила сбыт в других районах Ирана и это не было учтено. Так, в табл. 15 уровень русского экспорта за

1835 г. обозначен в 686 924 руб. асс.: по сведениям И. Ф. Бларамберга, вывоз русских товаров в Иран в 1835 г. только из двух портов (Баку и Астрахани) составлял почти 3 млн руб.¹⁷¹ За 1838 г. русский экспорт в Тебриз был равен 505 080 руб., но в то же время оставался неучтенным ввоз русских товаров в Мазендеран на сумму 500 тыс. руб., а также в другие провинции Ирана¹⁷².

В 1839 г., по той же табл. 15, в Тебриз из России поступило товаров на сумму 195 755 руб.; по иным источникам стоимость товаров, завезенных из России в Гилян, была равна 1 065 597 руб. асс., в другие прикаспийские области — 630 870 руб. асс., всего в Иран их поступило на сумму около 3 млн руб. асс.¹⁷³

В 1845 г. консул Озеров, отмечая спад русской торговли в Тебризе, одновременно не без удивления подчеркивал, что базары в Ардебиле завалены русскими товарами примерно на сумму в 3 млн руб.¹⁷⁴

Даже эти неполные сведения, приведенные нами, свидетельствуют о том, что сложившиеся в научной литературе представление об очень больших «ножницах» между экспортом и импортом, о невыгодности русской торговли в экономических контактах России с Ираном в 30 — 50-е гг. XIX в. требует серьезных уточнений и корректировки. Вместе с тем можно считать бесспорным и тот факт (это подтверждено многочисленными свидетельствами современников изучаемой эпохи), что огромный натиск европейских, т. е. манчестерских, лейпцигских и других, дешевых текстильных изделий на иранский рынок создал новую ситуацию: русская торговля на этом участке была серьезно потеснена, изменила свои районы сбыта и отчасти структуру товаров, но практически она никогда не прекращалась.

Феодално-крепостническая Россия, только еще вступившая на путь буржуазного развития, в торговой войне с Англией и другими капиталистическими странами Европы на иранском рынке терпела поражение, но не сдавалась, а предпринимала активные контрмеры, используя при этом такие свои преимущества, как географическое положение, традиционные связи и издавна сложившиеся хозяйственные отношения между народами. Но и при столь неблагоприятной рыночной конъюнктуре в районе Среднего Востока необходимость экономических контактов между двумя соседними странами не устранилась, а усиливалась с той и другой стороны. Это нередко признавали и современники той эпохи как в России, так и в Иране.

Как свидетельствует Ю. Гагемейстер, «шах персидский, особенно расположенный к русской торговле, потому что она более европейской основана на взаимности (выделено нами. — Н. К.), старался собственным примером и приказаниями оста-

новить сбыт европейских изделий, и ко двору его нельзя было прийти в платье, сделанном из европейских материй, но все его усилия останутся тщетными»¹⁷⁵. Приведенное свидетельство симптоматично и поучительно в двух планах: во-первых, оно демонстрирует вполне осознанное понимание главой иранского государства обоюдной пользы от торговли с Россией; во-вторых, оно показывает его стремление остановить поток европейских товаров в страну и одновременно обнаруживает полное бессилие в этих начинаниях. Здесь же лишний раз подтверждается известная мысль К. Маркса о безудержном характере и разрушительном действии торговой экспансии промышленно развитых капиталистических стран и о так называемой «несовместности» их производства с производством тех стран, которые еще находятся на стадии мануфактурного развития¹⁷⁶. И в самом деле, западноевропейская (в первую очередь английская) торговля с ее огромным потоком текстильных товаров в 30 — 50-е гг. глушила внутреннюю торговлю Ирана, приводила к свертыванию в нем национального мануфактурно-ремесленного производства, делала иранских купцов перекупщиками иностранных товаров и непрерывно выкачивала из страны валюту.

Оценивая характер русско-иранских экономических взаимосвязей на этом этапе, современный исследователь с полным основанием заключает: «В торговле с Россией баланс был активным для Ирана, что обусловило помимо обеспеченного рынка сбыта постоянный приток золота и серебра в Иран и поддержание платежного баланса с Англией»¹⁷⁷. В этом, может быть, нагляднее всего проявилась одна из характернейших исторических особенностей русско-иранского товарообмена 30 — 50-х гг. XIX в., его реальная экономическая, по сути, спасительная функция по отношению к Ирану в условиях новой конъюнктуры, сложившейся на Среднем Востоке.

Разумеется, одна эта сторона товарного обмена далеко не исчерпывает всей сложности в торговых сношениях двух соседних государств. Несмотря на то что Россия ввозила в Иран меньше товаров, чем вывозила из него, и имела, следовательно, пассивный баланс, выгоды ее, как и иранского соседа, были несомненны. Но их, по-видимому, не следует измерять только временными коммерческими успехами. Россия в этих вопросах уже имела достаточный опыт и исторические уроки в недалеком прошлом, о чем в свое время очень удачно напомнил нам Н. А. Халфин в своей монографии¹⁷⁸. Еще в 1798 г. председатель Коммерц-Коллегии Российской Империи писал: «Торговые выгоды государства не требуют, чтобы баланс чужестранной торговли при всех портах и со всеми народами был непременно в пользу России, но чтобы все части оной взаимно одна другую

поддерживали, потому что иногда, терпя невыгоды при торге с одним народом, убыток сей вознаграждается превосходнейшим прибытком при торговле с другим»¹⁵⁹. Ведя как бы внутреннюю полемику со сторонниками узко экономического и прагматического понимания проблемы активного баланса во внешней торговле, автор документа конкретно ссылается на опыт торговли со странами Азии и Европы, при этом он особо акцентирует внимание на восточном товарообмене: «Товары, которые можно получить из внутренней Азии дешевле, нежели из Европы, должны быть всегда предпочитаемы. В сем положении находится торг наш с Персией, Хивой и Бухариею. Получаемые от них товары нужны не к роскоши, но к поддержанию наших фабрик, тем более, что они привозятся необделанными; и если б и в самом деле было, чтоб число наших собственных товаров было достаточно на расплату за привозимые из сих земель, то не предвидится невыгод доплачивать недостающее количество золотом и серебром»¹⁶⁰.

Несомненно, такой взгляд на внешнеэкономические связи России с Востоком был весьма перспективен, поскольку он учитывал в первую очередь интересы развития собственной промышленности. Именно в этом же духе, в русле тех же традиций в правительственных кругах 30 — 40-х гг. велись непрекращающиеся споры, дебаты по вопросам эффективности русско-иранского товарооборота, о льготных тарифах для иностранных товаров, о возвратной пошлине на английскую пряжу для изделий, экспортируемых в Иран, и о других проблемах с постоянным учетом интересов внутренней промышленности.

Систематизированные нами в виде двух таблиц (см. табл. 15, 16) данные генерального консульства в Тебризе по учету русско-иранской и ирано-европейской торговли за 20 лет (с 1833 по 1852 г.) представляют интерес и в ином аспекте. Поскольку по этим вопросам существуют и другие источники, на которые опираются современные исследователи, то есть возможность их сопоставить, что дает интересную информацию как об общем характере торговых процессов, так и о товарообмене в отдельные периоды, годы.

В упоминавшейся выше работе Л. С. Семенова «Россия и Англия...» используются сведения, сосредоточенные в официальном документе «Государственная внешняя торговля за 1840 — 1852 гг.» (СПб., 1841 — 1853), приведенные автором в табл. 6. В отличие от нашей табл. 16, она включает данные о товарообмене России с Ираном не за 20 лет, а лишь за 13, т. е. с 1840 по 1852 г., в ней представлена информация о торговле не только в Тебризе, но и в других провинциях. Таким образом,

русский экспорт в Иран в монографии Л. С. Семенова дан более полно, чем в нашей табл. 16, и разрыв между русским ввозом и вывозом здесь выглядит несколько меньше. Однако общая закономерность спада русского экспорта в 30 — 40-х гг. XIX в., а также значительное превышение импорта над экспортом подтверждаются обеими таблицами, хотя, как уже говорилось выше, тут возможны еще уточнения и корректировки.

Л. С. Семенов, исходя из данных, приведенных им в табл. 6, делает закономерный вывод о том, что в начале 50-х гг. происходит заметное увеличение русского экспорта в Иран, что подтверждается и в нашей книге. Вместе с тем наши сведения по тебризским товарооборотам противоречат другому выводу того же исследователя о том, что в 50-х гг. он держался на уровне 40-х гг., что свидетельствовало «о застое экспортной торговли на этом участке азиатской границы России»¹⁶¹. Судя по собранной нами информации, экспорт в начале 50-х гг. был в несколько раз выше, чем в начале 40-х гг.

Средний же уровень импорта иранских товаров в Россию, как показывают данные табл. 6 из книги Л. С. Семенова, увеличивается с 1847 г. и достигает максимума в 1849 г., а в начале 50-х гг. наблюдается уменьшение ввоза из Ирана в Закавказье, «что, — по мнению того же автора, — совпадает в 1851 — 1852 гг. с сокращением ввоза в Иран через Трапезунд»¹⁶². По нашим данным, увеличение импорта из Ирана в Россию отмечено не в 1847 г., а в 1844 г. (4,5 млн руб. асс.), в 1845 г. наблюдается относительное его понижение (3,7 млн руб. асс.), в 1846 — 1849 гг. — снова повышение (4,5 млн руб. асс.), в 1850 г. — резкий подъем (6,7 млн руб. асс.), в 1851 г. — относительное падение (5,7 млн руб. асс.), в 1852 г. — снижение (4,6 млн руб. асс.). В итоге, по тебризским материалам, в 50-е гг. (в 1850 — 1852 гг.) происходило не сокращение привоза иранских товаров в Россию, а увеличение, и общий рост русско-иранского товарооборота осуществлялся одновременно за счет как экспорта, так и импорта.

Не меньший интерес представляет соотнесение данных по ирано-европейскому товарообороту, учтенному, с одной стороны, в Тебризе (см. табл. 16), с другой — в Трапезунде (см. табл. 5 в монографии Л. С. Семенова «Россия и Англия...»).

Утверждение Л. С. Семенова об увеличении в полтора раза импорта европейских товаров в Иран за время с 1843 по 1852 г.¹⁶³ подтверждается и материалами русского генерального консульства, приведенными в нашей работе. Но в сводных документах есть и существенные различия. Так, по данным, представленным в работе Л. С. Семенова, динамика транзитной торговли через Трапезунд свидетельствует об увеличе-

нии вывоза европейских товаров в Иран в 1845 — 1846 гг. и 1848 — 1850 гг. и сокращения их ввоза в 1847 и 1851 — 1852 гг.¹⁶⁴ Эти показатели несколько расходятся с теми, которые зафиксированы в табл. 16: согласно нашим сведениям, увеличение ввоза наблюдается не с 1845 г., а с 1844 г., в 1845 г., напротив, имеется некоторое снижение, а с 1846 г. и до конца периода происходит новое повышение. Вывоз товаров из Ирана через Трапезунд к концу периода не поднимался выше уровня 1845 г.¹⁶⁵ Это подтверждается в целом и нашими показателями из табл. 16.

Итак, сопоставление статистических данных, зафиксированных в официальном документе «Государственная внешняя торговля за 1840 — 1852 гг.», в записях генерального консульства в Тебризе за 1833 — 1852 гг., в консульских материалах по Трапезунду за 1843 — 1852 гг. и обобщенных в сводных таблицах (см. табл. 5, 6 из книги Л. С. Семенова «Россия в Англия...»), позволяет представить в целом более полную и точную картину подъемов и спадов во внешней торговле Ирана 30 — 50-х гг. XIX в. как с Россией, так и с западноевропейскими странами. При всей ценности каждого отдельно взятого источника из числа названных все-таки использование их в совокупности позволяет глубже и разностороннее раскрыть динамику и переплетение русско-иранской и ирано-европейской торговли.

Из анализа приведенных документов видно, что экономические связи между Россией и Ираном в первой половине XIX в. представляют качественно новый этап в развитии межгосударственных отношений двух стран. Они определялись, с одной стороны, изменившимся уровнем хозяйственно-экономического развития обоих государств, а с другой — сложным кризисным состоянием международных отношений как в Европе, так и в регионах Ближнего и Среднего Востока.

Если в первые три десятилетия двусторонний русско-иранский товарообмен складывался в особенно неблагоприятных условиях — при острых внешнеполитических противоречиях и военных конфликтах (первая и вторая русско-иранские войны, Отечественная война 1812 г. и др.), то в 30 — 50-х гг. он был осложнен не менее острой конкурентной борьбой ведущих европейских стран на восточных рынках. При этом следует отметить, что нередко внешнеторговые контакты России и Ирана играли роль стабилизирующего фактора, своеобразного ускорителя в установлении мирных отношений между ними.

Совместно принятые двумя государствами мирные соглашения — сначала Гюлистанский договор 1813 г., а затем Туркманчайский трактат и особый Акт о торговле 1828 г. заложили основы для развития равноправных отношений между Рос-

сией и Ираном. Реализация Гюлистанского договора уже в 1820 — 1823 гг. благотворно отразилась на экономическом сближении обеих стран, на значительном росте товарооборота между ними: примерно половина русского экспорта по азиатской границе в эти годы направлялась в Иран, в еще большей мере увеличился импорт иранских товаров, одновременно введенный Россией в 1821 г. льготный тариф для транзита европейских товаров в Иран также резко оживил торговлю через Кавказ.

Нарастающий транзит европейских товаров через Россию на Восток создал новую угрозу вытеснения русских товаров на иранском рынке и опасность поглощения внутреннего, т. е. закавказского, рынка. Руководствуясь в этой ситуации экономическими и политическими соображениями, учитывая интересы своей развивающейся промышленности, русское правительство прибегло к чрезвычайным мерам — запретило европейский транзит, закрыло черноморские порты, но и на этот раз расчеты буржуазии и правящих кругов России не оправдались — европейские товары стали импортироваться через турецкий порт Трапезунд.

В этих условиях протекционистские государственные санкции одной из стран — России с менее развитыми производительными силами и менее зрелыми капиталистическими отношениями оказались недостаточно эффективными.

В результате русская торговля в Иране на следующем этапе — в 30 — 50-х гг. XIX в. столкнулась с труднопреодолимой преградой — со всевозрастающей конкуренцией европейских товаров: в отдельные годы русский экспорт отставал от импорта в 11 раз. В связи с этим изменились районы сбыта русских товаров в Иране и структура экспорта: сократился вывоз текстильных товаров, но вместе с тем увеличились поставки металлов и металлических изделий.

Все это позволяет пересмотреть сложившееся в научной литературе представление о том, будто русско-иранская торговля в 30 — 50-х гг. катастрофически рушилась и была экономически невыгодной. Консульские донесения, годовые отчеты МИДа и другие источники помогают существенно скорректировать это излишне категоричное утверждение. На самом деле Россия активно сопротивлялась экономической экспансии Англии на Среднем Востоке, в районах Кавказа и Каспия, меняла формы и способы торгово-экономических связей с Ираном, применяла политические рычаги для ограничения потока европейских товаров на указанные рынки.

- ¹ Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 12 — 13.
- ² Акты Кавказской Археологической Комиссии (далее — АКАК), т. VII. № 791. (А. С. Грибоедов был автором идеи создания компании по торговле с Закавказьем).
- ³ АВПР, ф. Миссия в Персии, оп. 528*, 1844 — 1859, д. 377, л. 101.
- ⁴ Там же, ф. Главный архив II — 3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 6.
- ⁵ Там же, Миссия в Персии, оп. 528*, 1844 — 1859, д. 377, л. 106.
- ⁶ Там же, оп. 528*, 1833 — 1837, л. 249, л. 65 об.
- ⁷ Там же, Главный архив II — 3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 15 — 16, 69.
- ⁸ Там же, л. 15 об.
- ⁹ Там же, л. 69.
- ¹⁰ Там же, ф. Миссия в Персии, оп. 528*, 1832, д. 127, л. 10.
- ¹¹ Там же, ф. Главный архив II — 3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 77 об.
- ¹² Там же, ф. Миссия в Персии, оп. 528*, 1838 — 1845, д. 288, л. 44.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же, л. 37 об.
- ¹⁵ Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 33.
- ¹⁶ АВПР, ф. Главный архив I — 9, оп. 8, 1847 — 1854, д. 11, л. 177.
- ¹⁷ Там же, л. 180.
- ¹⁸ Иванов М. С. Багдаски восстания в Иране. М.: Л., 1939. С. 39.
- ¹⁹ АВПР, ф. Главный архив I — 9, оп. 8, 1847 — 1854, д. 11, л. 177.
- ²⁰ Там же, л. 457.
- ²¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1976. Т. 2 (X). № 56.
- ²² Зонненштраль-Писковский А. А. Международные торговые договоры. М., 1931. С. 67.
- ²³ См.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.: Л., 1949. С. 70.
- ²⁴ См.: Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е гг. XIX в. Л., 1963. С. 119.
- ²⁵ АКАК, т. III, № 651.
- ²⁶ Там же, т. IV, № 95.
- ²⁷ Там же, т. V, с. 146 — 147.
- ²⁸ См.: Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I. С. 210.
- ²⁹ Договор был подписан 24 октября 1813 г. в местечке Гюлистан Н. Ф. Ртищевым и Мирзой Абул-Хасеном.
- ³⁰ См.: ПСЗ, т. XXXII, № 25466.
- ³¹ См.: Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности. СПб., 1859. Ч. I. С. 166 — 167.
- ³² См.: Семенов Л. С. Россия и международные отношения... С. 28.
- ³³ Там же, С. 75.
- ³⁴ См.: ПСЗ, т. XXXVII, № 28771.
- ³⁵ О характере внешней торговли в 1820 — 1823 гг. подробнее см.: Семенов Л. С. Россия и международные отношения... С. 78.
- ³⁶ См.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства... С. 70.
- ³⁷ Там же, с. 71.
- ³⁸ Там же, с. 72.
- ³⁹ См.: Porter Ch. The Progress of the Nation. L., 1947. P. 750.
- ⁴⁰ См.: Семенов Л. С. Россия и международные отношения... С. 84 —

- ⁴¹ АКАК, т. VI, ч. 2, с. 315. (Письмо Ващенко Ермолову от 30 мая 1825 г.).
- ⁴² Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М., 1946. С. 35.
- ⁴³ О характере внешней торговли в 1826 — 1827 гг. подробнее см.: Семенов Л. С. Россия и международные отношения... С. 118.
- ⁴⁴ См.: Семенов Л. С. Россия и международные отношения... С. 119.
- ⁴⁵ О характере внешней торговли в соответствующие годы подробнее см.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства... С. 66.
- ⁴⁶ См.: Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 242 — 243.
- ⁴⁷ См.: АКАК, т. VIII, № 92.
- ⁴⁸ Gamba J. Voyage la Russie Méridionale. Paris, 1826. V. I. P. 107 — 108.
- ⁴⁹ Еняколов Н. Грибоедов и Восток. Ереван, 1954. С. 146.
- ⁵⁰ О перипетиях сложной и длительной (с середины 20-х до 50-х гг. XIX в.) борьбы в правительственных кругах вокруг торгового тарифа для Закавказья более подробно см.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства... С. 75 — 104.
- ⁵¹ АКАК, т. VII, № 102.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства... С. 84.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И. Ф. Бларамбергом в 1841 г. СПб. 1853. С. 88.
- ⁵⁶ Whigham J. The Persian problem. L., 1903. P. 4.
- ⁵⁷ АКАК, т. VI, ч. 2, с. 215.
- ⁵⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 446, д. 117, л. 183.
- ⁵⁹ См.: ЦГИА, ф. Общей канцелярии министерства финансов, № 560, оп. 4, д. 2, л. 76, 78, 126, 127.
- ⁶⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 446, д. 177, л. 183.
- ⁶¹ АКАК, т. VIII, № 291.
- ⁶² См.: Гагемейстер Ю. А. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб., 1838. С. 94.
- ⁶³ См.: АКАК, т. VIII, № 291.
- ⁶⁴ Там же, т. IX, № 549.
- ⁶⁵ Покровский С. А. Внешняя торговля... С. 94.
- ⁶⁶ См.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства... С. 161.
- ⁶⁷ Там же, С. 288 — 289.
- ⁶⁸ См.: Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 156 — 157, 158.
- ⁶⁹ Керн Г. К. Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов. М., 1960. С. 184.
- ⁷⁰ Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции. С. 13.
- ⁷¹ «Если бы за разделом Турции не таилась война с Францией — призрак революции, то английское правительство с одинаковой охотой проглотило бы и Турцию и его "казацкое" величество» (Маркс К. Секретная дипломатическая переписка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 162).
- ⁷² АКАК, т. VI, ч. 2, с. 435.
- ⁷³ См.: Журнал мануфактур и торговли. СПб., 1838. Ч. I — 3. С. 290.
- ⁷⁴ См.: Surzon J. Persia and Persian question. L., 1892. V. II. P. 554.
- ⁷⁵ См.: АВПР, ф. Главный архив II — 3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 12. Те же мысли высказывает генерал-лейтенант Раевский: «В Тегризонде оспиналась богатая, могущественная и предприимчивая К^а английских куниц, Оши

имеют в виду завладеть всею торговлею Малой Азии и Персии. Подобно всем другим английским компаниям она старается приобрести влияние и на политические дела сих стран» (АКАК, т. IX, № 414).

- ⁷⁰ Там же, л. 140.
⁷¹ Там же, л. 241 — 245.
⁷² См.: Корф Ф. Воспоминания о Персии. СПб., 1838. С. 122.
⁷³ См.: АВПР, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1831, д. 8.
⁷⁴ Там же, ф. Миссия в Персии, оп. 528*, 1838 — 1845, л. 288, л. 27.
⁷⁵ Там же, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1839, д. 2, л. 377.
⁷⁶ Там же, л. 123.
⁷⁷ Там же, ф. Миссия в Персии, оп. 528*, 1838 — 1845, л. 288, л. 41 об.
⁷⁸ См.: АКАК, т. VII, с. 734.
⁷⁹ См.: Aitchison C. U. Collection of Treaties Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Countries. Calcutta, 1933. V. XIII. P. 66.
⁸⁰ Там же, Р. 68 — 69.
⁸¹ См.: Березин И. Н. Путешествие по северной Персии. Казань, 1852. С. 68 — 69.
⁸² См.: АВПР, ф. Миссия в Персии, оп. 528*, 1844 — 1859, л. 377, л. 9.
⁸³ Там же, л. 105.
⁸⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 446, д. 37, л. 1.
⁸⁵ АВПР, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1836, д. 5, л. 129 — 133 с об.
⁸⁶ Там же.
⁸⁷ Коммерческая газета. 1840. № 22.
⁸⁸ См.: АВПР, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 317.
⁸⁹ См.: Коммерческая газета. 1847. № 139.
⁹⁰ Корф Ф. Воспоминания о Персии. С. 114 — 115.
⁹¹ Небольсин Г. П. Статистические записки о внешней торговле России, составленные Г. П. Небольсиным: В 2 ч. СПб., 1835. Ч. II. С. 153 — 154.
⁹² Зубов А. Описание Нижегородской ярмарки. СПб., 1839. С. 1.
⁹³ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 446, д. 177, л. 204.
⁹⁴ АВПР, ф. Миссия в Персии, оп. 528*, 1839, д. 293, л. 74 об. «Каспийская морская торговля находится исключительно в руках персиян Рентских, которые имеют своих корреспондентов в Астрахани». (Зубов П. Картина закавказского края, принадлежащего России, и сопредельных ему земель в историческом, статистическом, финансовом и торговом отношении. СПб., 1834. Ч. I. С. 197).
⁹⁵ Там же, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1831, л. 8, л. 4.
⁹⁶ Небольсин Г. П. Статистические записки о внешней торговле ... Ч. II. С. 154.
⁹⁷ См.: Коммерческая газета. 1858. № 57.
⁹⁸ АВПР, ф. Главный Архив II — 1, 1845, д. 85, л. 122.
⁹⁹ Там же, оп. 34, 1831, д. 8.
¹⁰⁰ Там же.
¹⁰¹ Коммерческая газета. 1835. № 151.
¹⁰² АВПР, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 329 — 330.
¹⁰³ Там же, ф. Главный Архив I — 9, оп. 8, 1817 — 1854, л. 11.
¹⁰⁴ Там же, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 204.
¹⁰⁵ Там же, л. 212 и об.
¹⁰⁶ Там же, л. 327.
¹⁰⁷ АВПР, ф. Миссия в Персии, оп. 528*, 1844 — 1859, д. 377, л. 6.
¹⁰⁸ Там же, Отчет МИДа, 1841, д. 10, л. 245.
¹⁰⁹ Там же, 1842, д. 12, л. 273 — 274.
¹¹⁰ Там же, 1843, д. 13, л. 194.
¹¹¹ Журнал мануфактур и торговли. С. 476.
¹¹² См.: АВПР, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 12.
¹¹³ Там же, л. 170.
¹¹⁴ Там же, л. 180.

- ¹¹⁵ Там же, л. 193.
¹¹⁶ Там же, л. 163.
¹¹⁷ Там же.
¹¹⁸ Небольсин Г. П. Статистические записки о внешней торговле ... Ч. II. С. 153 — 154.
¹¹⁹ См.: Семенов А. Изучение исторических сведений ... Ч. III. С. 170.
¹²⁰ См.: АВПР, ф. Миссия в Персии, оп. 528*, 1838 — 1845, д. 288, л. 39.
¹²¹ Там же.
¹²² См.: Журнал мануфактур и торговли. С. 296.
¹²³ Семенов А. Изучение исторических сведений ... Ч. III. С. 170.
¹²⁴ Железо, медь, сталь, нефть, сандал, чугуны и медные изделия, «не могли встречать соперничества», — отмечалось в отчете МИДа. (АВПР, Отчет МИДа, 1839, д. 6, л. 296 и др.).
¹²⁵ См.: АВПР, ф. Главный Архив I — 9, оп. 8, 1847 — 1854, д. 11, л. 338.
¹²⁶ См.: Семенов А. Изучение исторических сведений ... Ч. III. С. 172.
¹²⁷ См.: АВПР, ф. Миссия в Персии, оп. 528*, 1833 — 1845, л. 288, л. 46.
¹²⁸ Там же, ф. Главный Архив I — 9, оп. 8, 1847 — 1854, д. 11, л. 234.
¹²⁹ Там же, оп. 8, 1844, д. 14, л. 338.
¹³⁰ Там же, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1839, д. 2, л. 553 — 554.
¹³¹ См.: Семенов А. Изучение исторических сведений ... Ч. III. С. 172.
¹³² См.: АВПР, ф. Главный Архив I — 9, оп. 8, 1847 — 1854, д. 11, л. 186.
¹³³ Там же.
¹³⁴ Там же, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 315 об.
¹³⁵ АВПР, Отчет МИДа, 1839, д. 6, л. 296 и др.
¹³⁶ Там же.
¹³⁷ См.: АКАК, т. IX, № 548.
¹³⁸ Там же.
¹³⁹ Коммерческая газета. 1826. № 62.
¹⁴⁰ См.: ЦГИА, ф. 18, оп. 4, ед. хр. 506, л. 62.
¹⁴¹ См.: АВПР, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1839, д. 2, л. 553.
¹⁴² См.: ГАОУ (Государственный архив Нижегородской области), ф. 2, оп. 4, 1852, д. 3950, л. 38 — 39.
¹⁴³ Там же, оп. 6, д. 936, л. 64 об.
¹⁴⁴ См.: Мельников П. И. Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 годах. Нижний Новгород, 1846. С. 266.
¹⁴⁵ См.: АКАК, т. VII, № 105.
¹⁴⁶ См.: Зубов П. Картина закавказского края... С. 206.
¹⁴⁷ Коммерческая газета. 1829. № 39.
¹⁴⁸ См.: АВПР, ф. Главный Архив II — 3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 87.
¹⁴⁹ Там же, ф. Главный Архив I — 9, оп. 34, 1831, д. 8, л. 300; 1839, д. 2, л. 235.
¹⁵⁰ См.: Зубов П. Картина закавказского края — С. 206.
¹⁵¹ Мельников П. И. Нижегородская ярмарка в 1844/45 — 1846 годах. Нижний Новгород, 1848. С. 258.
¹⁵² См.: АВПР, ф. Главный Архив I — 9, оп. 8, 1847 — 1854, д. 11, л. 295.
¹⁵³ См.: Семенов А. Изучение исторических сведений ... Ч. IV. С. 170.
¹⁵⁴ См.: ГАОУ, ф. 489, оп. 286, д. 711, л. 17 об. и др.
¹⁵⁵ Небольсин Г. П. Статистические записки о внешней торговле ... Ч. II. С. 147.
¹⁵⁶ См.: Мельников П. И. Нижегородская ярмарка в 1844/45 и 1846 годах. С. 258.
¹⁵⁷ См.: Семенов А. Изучение исторических сведений ... Ч. III. С. 178.
¹⁵⁸ Там же.
¹⁵⁹ См.: АВПР, ф. Главный Архив I — 9, оп. 8, 1847 — 1854, д. 11, л. 317.
¹⁶⁰ См.: Мельников П. И. Нижегородская ярмарка в 1844/45 и 1846 годах. С. 262.

- ¹⁶⁷ АВПР, Отчет МИДа, 1839, д. 6, л. 296; 1840, д. 9, л. 313 и др.
- ¹⁶⁸ Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В. Г. Спб., 1833. С. 241.
- ¹⁶⁹ См.: АВПР, ф. Главный Архив 1 — 9, оп. 8, 1847 — 1854, д. 11, л. 120 — 122.
- ¹⁷⁰ Там же.
- ¹⁷¹ См.: Статистическое обозрение Персии ... С. 99.
- ¹⁷² Надворный советник Холзько, отмечая большой поток русских товаров, шедших в Гилан, считает 1838 г. самым плодотворным по количеству продукции, ввезенной из России. При этом он оговаривается, что сведения зарегистрированы только по одной Эвзелийской таможне, данные других таможен не учтены. (АВПР, ф. Главный Архив 11 — 3, оп. 34, 1831, д. 8, л. 123).
- ¹⁷³ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 446, д. 177, л. 218.
- ¹⁷⁴ См.: АВПР, ф. Миссия в Персии, оп. 528, 1844 — 1859, д. 377, л. 58 об.
- ¹⁷⁵ Журнал мануфактур и торговли. С. 479 — 480.
- ¹⁷⁶ См.: Маркс К. Инд-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 156 — 157.
- ¹⁷⁷ Семенов Л. С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л., 1975. С. 112.
- ¹⁷⁸ См.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. С. 390 — 391.
- ¹⁷⁹ Архив Государственного Совета, Т. 11. Совет в царствование императора Павла I (1796 — 1801). Спб., 1888. Стб. 665 — 666.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ Семенов Л. С. Россия и Англия ... С. 112.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ Там же. С. 110.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 111.
- ¹⁸⁵ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате изучения многообразных источников постепенно вырисовывается картина реального процесса становления и развития русско-иранской торговли на протяжении нескольких веков. Эти экономические отношения прошли сложный путь: от обмена произведениями ремесла и предметами промыслов, от дарственных преподношений на приемах при царском и шахском дворах в XVI — XVII вв. до удовлетворения сырьевыми товарами целых отраслей производства и до затяжной конкурентной борьбы на восточных рынках в 30 — 50-х гг. XIX в. Причем в целом они носили обоюдовыгодный характер, часто диктовались взаимными экономическими, политическими интересами перед лицом внешней опасности со стороны Османской империи.

Уже на ранней стадии, как наглядно показывают сохранившиеся документы, во многих царских и шахских грамотах запечатлено единое стремление обоих государств «открыть широкую дорогу торговым людям», разрешить им «повольно торговать всякими товарами», утвердить «братскую любовь», установить прочный «союз» против любого внешнего врага и быть всегда «на всякого недруга заодно». Так были сформулированы благородные принципы добрососедства между иранским и московским государствами в далеком прошлом.

Вплоть до второй половины 60-х гг. XVII в. московское правительство в интересах русского купечества настойчиво сопротивлялось попыткам иностранцев завладеть русским транзитом между Востоком и Западом, однако достаточно серьезное исключение было сделано в отношении купцов Джульфинской торговой компании, которым принадлежала монополия на торговлю иранским шелком-сырцом.

Кроме прямых экономических выгод от торговли с Россией и европейскими странами при использовании нового дешевого пути правители Сефевидской державы рассчитывали в то же время нанести ущерб своему врагу — Турции, которая извлекала большие прибыли от посреднической торговли между Ираном и Западом. В этом вопросе цели шахского Ирана полностью совпадали с устремлениями России, которая сама намеревалась стать посредницей в транзитной ирано-европейской торговле, чтобы вытеснить западноевропейский торговый капитал из Ирана и одновременно нанести урон Турции. Так завязывался общий узел экономических и политических интересов между Ираном и Россией на раннем этапе их взаимоотношений.

Торговые связи с Ираном приобретают для России в эпоху

Петра I еще большее политическое значение. Прежняя поощрительная политика царя Алексея Михайловича распространилась теперь на все армянское купечество. В 1712 г. Волжско-Каспийский путь на некоторое время стал основным в торговле Ирана с Западной Европой, ее главным посредником в этом были армянские коммерсанты. В результате успешной дипломатической миссии А. П. Волынского в 1717 г. было подписано первое торговое соглашение между Россией и Ираном, которое должно было максимально благоприятствовать новому этапу взаимоотношений обеих стран. Однако его осуществление натолкнулось на непреодолимые препятствия: внутренние распри в Иране, децентрализация власти, вторжение афганского племени гильзаев под руководством Мир Махмуда, а затем турецких войск на территорию Ирана — все это нарушило экономические планы Петра I и послужило толчком к принятию решения о Персидском походе. Сохранившиеся астраханские таможенные книги конца 20-х — начала 50-х гг. XVIII в. свидетельствуют о сравнительно быстром восстановлении и развитии торговых связей между странами по его завершении. Радиус деятельности восточных купцов в России заметно расширился: кроме Москвы, Астрахани, Казани, Нижнего Новгорода, Сызрани, Саратова, Чебоксар, Царицына они торговали в Курске, Воронеже, Белгороде, Брянске, Смоленске, Ирбите, Тобольске. Российские купцы сосредоточили свою деятельность в прикаспийских провинциях Ирана, в различных районах Кавказа и Закавказья. Заметную роль среди них играли московские и астраханские армяне, а также торговые люди Поволжья и центральных районов России.

Те же источники позволяют отметить существенные изменения в общем характере и назначении торгово-экономических связей. Если в предшествующие периоды русская торговля с Ираном носила по преимуществу потребительский или транзитный характер, то со второй четверти XVIII в. она становится важнейшим средством для удовлетворения внутренних нужд шелкоткацкой и хлопчатобумажной промышленности. Примерно пятая часть торговцев, прибывавших в Астрахань с иранскими и азербайджанскими товарами, привозила шелк-сырец. Главными поставщиками этого продукта были Ширван и прикаспийские провинции Ирана. Произошли изменения и в составе купечества: помимо джильфинцев в торговле шелком стали активно участвовать индийцы и армяне, а также русские подданные, главным образом из числа московских и астраханских армян.

Со второй половины XVIII в. экономические отношения двух соседних государств вступили в новый этап своего развития, что было вызвано существенными изменениями в каждой из стран-партнеров, а также новой международной обстановкой. Эконо-

мические контакты в этот период условно можно разделить на два этапа: 1) конец 50-х — 70-е гг.; 2) два последних десятилетия XVIII — начало XIX в.

Как показывают источники, Россия на протяжении изучаемого времени в своих восточных планах постоянно стремилась поддерживать экономические контакты с Ираном, была заинтересована в его целостности, что содействовало укреплению ее позиций на Среднем Востоке. В свою очередь и Иран был жизненно заинтересован в развитии торгово-экономических отношений с Россией, в безопасности ее сухопутных и водных путей для транзитной торговли с Европой, в притоке денег, необходимых для погашения отрицательного баланса в торговле с Англией.

Многосторонние торгово-экономические отношения с азербайджанскими, дагестанскими и иранскими городами оказывали стимулирующее влияние на рост тех же городов, ремесленного производства, укрепление деловых и политических контактов между Россией, Кавказом, Закавказьем и Ираном.

В начале XIX в. экономические отношения двух стран столкнулись с препятствиями более сложными, чем внутренние феодальные междоусобицы в самом Иране. С невиданной остротой обнаружились противоречия между ведущими капиталистическими странами — Англией и Францией — в борьбе за политическое влияние, новые рынки сбыта товаров и источники дешевого сырья, за колонии. Один из узлов этих противоречий находился на Среднем Востоке, в частности в Иране.

Льготный тариф 1821 г. оживил европейский транзит через Закавказье и одновременно создал угрозу вытеснения русских товаров на иранском рынке и опасность поглощения внутреннего, т. е. закавказского, рынка.

В 1831 г. беспошлинный транзит был отменен, но и на этот раз расчеты правящих кругов России не во всем оправдались: европейские товары стали успешно импортироваться в Иран по новому пути через Турцию (Трапезунд). В этих условиях протекционистские санкции в России, которая имела менее развитые производительные силы и менее зрелые капиталистические отношения, оказались недостаточно эффективными.

На следующем этапе — в 30 — 50-е гг. XIX в. русская торговля в Иране столкнулась с труднопреодолимой преградой — со всевозрастающей конкуренцией европейских товаров. Соревнование между Англией и Россией на иранском рынке перерастает в непримиримый затянувшийся конфликт. Сам ход этой торговой битвы между капиталистически развитой Англией и крепостнической Россией, где царили буржуазные отношения и начиналась перестройка промышленности, представляет поучительную страницу мировой истории.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Развитие русско-иранской торговли и вопросы восточно-европейского транзита в первой половине XVIII в.	9
§ 1. Характерные особенности русско-иранской торговли в первой четверти XVIII в. и ее место в экономических планах Русского государства	9
§ 2. Роль армянского, индийского и русского купечества в торговых связях России с Ираном во второй четверти XVIII в.	34
Глава II. Торговые связи России и Ирана во второй половине XVIII в.	68
§ 1. Попытки нормализации русско-иранских экономических взаимоотношений в 50 — 70-х гг. и причины их недостаточной эффективности	68
§ 2. Новые тенденции в торговых связях России с Ираном в конце XVIII — начале XIX в. и их отражение в экономических планах и записках современников	88
Глава III. Торгово-экономические отношения России и Ирана в обстановке международных противоречий первой половины XIX в.	112
§ 1. Своеобразие русско-иранских торговых связей и проблема закавказского транзита	112
§ 2. Новый этап в русско-иранских торговых отношениях в 30 — 50-е гг. XIX в. и конкурентная борьба между Англией и Россией	133
Заключение	165